

Монография Р.С. Таймасова посвящена малоизученной проблеме участия башкирских частей в Гражданской войне. Настоящая работа представляет собой первую книгу исследования и охватывает хронологические рамки 1918 - начала 1919 гг., когда армейские формирования и добровольческие отряды башкир, организованные в военно-государственное объединение «Башкирское войско», сражались на стороне антибольшевистского лагеря. Автор показывает предысторию создания башкирской национальной армии, прослеживает основные этапы ее становления и воссоздает ключевые эпизоды участия башкирских частей в боях на различных фронтах Гражданской войны.

В будущем планируется выпуск второй и третьей книг. Одна будет посвящена истории формирования и управления башкирских войск в составе Красной армии в 1919-1920 гг. и их участию в боях на Южном, Петроградском, Восточном и Польском фронтах, другая – истории башкирских частей, оставшихся и вновь сформированных в Белой армии в 1919-1920 гг.

Р.С. Таймасов

Участие башкир в Гражданской войне

Книга первая

Р.С. Таймасов
Участие башкир в Гражданской войне

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.С. Таймасов

УЧАСТИЕ БАШКИР В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Книга первая

В ЛАГЕРЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ (1918 – ФЕВРАЛЬ 1919 гг.)

Монография

У ф а
РИЦ БашГУ
2009

УДК 94 (47+57)"1918-1921" + 94(470.57)

ББК 63.3(2) 612 + 63.3 (2 Рос.Баш)

T14

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **С.Ф. Касимов**
(УНЦ РАН, г.Уфа);

кандидат исторических наук, доцент **Н.В. Подпрятков**
(Пермский государственный университет, г. Пермь)

Таймасов Р.С.

T14 Участие башкир в Гражданской войне. Книга первая.

В лагере контрреволюции (1918-февраль 1919 гг.):

Монография. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. — 200 с.

ISBN 978-5-7477-2159-3

Монография посвящена малоизученной проблеме участия башкирских частей в Гражданской войне. Настоящая работа представляет собой первую книгу исследования и охватывает хронологические рамки 1918 – начала 1919 гг., когда армейские формирования и добровольческие отряды башкир, организованные в военное-государственное объединение «Башкирское войско», сражались на стороне антибольшевистского лагеря. Автор прослеживает предысторию создания башкирской национальной армии, основные этапы ее становления и воссоздает ключевые эпизоды участия башкирских частей в боях на различных фронтах Гражданской войны.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей истории, краеведов и всех, кто интересуется военно-политической историей Гражданской войны в России.

УДК 94 (47+57)"1918-1921" + 94(470.57)

ББК 63.3(2) 612 + 63.3 (2 Рос.Баш)

ISBN 978-5-7477-2159-3

© Таймасов Р.С., 2009

© БашГУ, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

Глава 1. ИСТОКИ

Башкирская конница в XVI-XIX вв. 14
Мусульманская армия и ее крах 20
Начало организации Башкирского войска 30

Глава 2. СОЗДАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ АРМИИ (июнь-август 1918 г.)

На первых фронтах 46
Образование Отдельного Башкирского корпуса 71
Боевики-добровольцы против Красной гвардии 92

Глава 3. РАСКОЛ (сентябрь 1918 - февраль 1919 гг.)

От Волги до Урала 120
Чужие среди своих 149
Переход на сторону Советской республики 164

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 182

ПРИЛОЖЕНИЯ 185

ВВЕДЕНИЕ

Февральская революция 1917 года в России способствовала развалу империи и развитию национального движения десятков народов страны. Многие крупные территории с компактным проживанием нерусского населения либо заявили о своей полной независимости, либо провозгласили автономии, приступив к строительству собственных государственно-правовых институтов. В период Гражданской войны национальные лидеры вывели на первый план задачу формирования вооруженных сил, которые должны были обеспечить защиту молодых республик. Такой подход современная политология объясняет тем, что власть, опираясь на армию, может обойтись без других государственных учреждений, ибо она является сильным психологическим фактором гарантирующего неприкосновенность порядка.

Ряд национальных правительств принял активное участие в Гражданской войне как самостоятельно, так и в союзе с различными политическими силами. Главным мотивом их военно-политической активности в противостоянии между белыми и красными являлось стремление реализовать свою модель государственного самоопределения в формате автономной или независимой республики. В этом отношении Башкирское правительство и созданные им вооруженные формирования заметно выделялись на пестром военно-политическом фоне России 1918 - начала 1919 гг.

Во-первых, из всех народов «внутренней» России башкиры были единственными, организовавшими не только гражданские институты власти, но и боеспособную национальную армию. Во-вторых, наряду с войной против большевиков, Башкирское правительство вело напряженную борьбу со своими союзниками по лагерю, препятствовавшими национально-государственному строительству республики. В-третьих, в результате перехода политического руководства республики и национальных частей на сторону большевиков Башкирская республика стала первым и единственным субъектом РСФСР, созданным на основе двухстороннего договора (остальные автономные республики были

образованы декретами СНК).

Эти обстоятельства оказали сильное влияние на характер и содержание Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе, а также государственно-правовое развитие РСФСР в этот период.

Участие башкир в Гражданской войне на стороне антибольшевистского лагеря получило отражение в различных опубликованных материалах и научных исследованиях, но специальных научных работ, посвященных данной проблеме, не вышло.

Впервые вопрос о «белых» башкирских формированиях был затронут в 1923 году «Обществом по изучению быта, истории и культуры Башкирии», выпустившим книгу, посвященную четырехлетию перехода башкирских частей на сторону Советской республики. Данная работа делится на две части: в первой дается краткий исторический очерк становления Башкирского войска, во второй – публикуются документы, касающиеся перехода башкирских полков. Относительная свобода, в которой работали историки начала 20-х гг., позволила им достаточно объективно подойти к теме¹.

Однако уже с середины 20-х гг. взгляды на эту проблему начинают меняться. В работе С. Атнагулова «Башкирия» приводятся резко отрицательные оценки в отношении национальных войск, сформированных Башкирским правительством летом 1918 года². Попытки К. Идельгузина и Х. Юмагулова несколько сдержать негативные тенденции в освещении башкирского движения и национальных войск встретили критику со стороны С. Диманштейна³.

Большим вкладом в развитие темы стала книга М. Муртазина «Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну». Автор – непосредственный участник тех событий и командир одного из башкирских полков – описал историю формирования национального движения и становления Башкирского войска. Несмотря на общую ценность книги, следует отметить, что М. Муртазин сознательно искажил некоторые факты, пытаясь скрыть щепетильные эпизоды своей биографии в бытность службы на стороне Белой армии⁴.

Книга М. Муртазина вызвала мощную критическую волну со стороны его современников. Тезисы автора относительно башкирского движения и национальных войск были отвергнуты.

Лидеры данной волны – И. Туракаев и Ш. Типеев – сделали жесткие негативные оценки деятельности Валидова, в том числе, в области формирования Башкирского войска⁵.

Итак, на начальном этапе советской исторической науки круг вопросов, связанных с историей Башкирского войска, был рассмотрен только местными исследователями. И. Туракаев и Ш. Типеев дали отрицательную характеристику национальным частям, допустив при этом сильную деформацию исторической действительности, приведя свои выводы в соответствие с политической конъюнктурой тех лет. Позиции, изложенные данными авторами, составили, по сути, методологическую основу, которую использовали последующие историки.

На втором этапе советской историографии появились небольшие работы, посвященные отдельным вопросам Гражданской войны на Южном Урале⁶. В эти годы интерес историков к «белым» башкирским формированиям заметно упал. Главный упор был сделан на общую панораму событий Гражданской войны на территории Башкортостана.

В начале 40-х гг. появляется монография Г.И. Гужвенко, где вопросы истории «белых» башкирских частей получают отражение в отдельной небольшой главе. Не скрывая своего негативного отношения к А.-З. Валидову и его соратникам, автор пишет об обмане ими башкирского народа и «продаже» башкирских полков белому руководству⁷. В том же идейном ключе были даны оценки башкирским формированиям в книге Р.М. Раимова «Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики», опубликованной в 1952 году⁸.

После XX съезда КПСС интерес к Гражданской войне резко возрос. Так называемая «хрущевская оттепель» существенно расширила возможности ученых в изучении многих аспектов отечественной истории. Публикации по тематике Гражданской войны, вышедшие во второй половине 50-х – начале 80-х гг., условно разделяются на общие и региональные.

В первой группе исследований можно обнаружить лишь некоторые сведения о красных частях, противостоящих в разное время башкирским формированиям. При этом о них самих ничего не пишется⁹. Некоторым исключением этой группы является

исследование Г.Х. Эйхе, где уделяется небольшое внимание башкирским частям¹⁰.

Во второй группе изданий, представленной, в основном, работами уральских историков¹¹, сведения о башкирских войсках практически отсутствуют. Поэтому для нашей темы интересна лишь общая панорама военных действий на Южном и Среднем Урале.

Значительно больший объем работы в этом направлении провели историки Башкортостана. В 1958 году появился небольшой очерк Б.Х. Юлдашбаева, посвященный национально-государственному строительству в регионе периода Гражданской войны. Автор сделал осторожную попытку частичной реабилитации башкирского национального движения, сохранив при этом общий негативный фон вокруг Валидова и его действий¹².

Вышедшая в 1966 году монография З.А. Аминова «Октябрьская революция и Гражданская война в Башкирии» стала (и до сих пор является) одной из самых крупных в изучении темы Гражданской войны в крае¹³. Однако все оценки и выводы автора отразили традиционную точку зрения в советской исторической науке по данной проблематике, что сильно снизило значение данной работы.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что советская историография не смогла обстоятельно и объективно разработать рассматриваемую тему. Более того, в отношении ряда вопросов проблемы были допущены существенные искажения действительности.

Во второй половине 80-х – 90-е гг. вышло много публикаций по различным аспектам Гражданской войны. Впервые предметом пристального научного внимания стали национальные формирования, принявшие участие в борьбе с большевиками в 1918-1920 гг.¹⁴ Среди наиболее интересных работ этого направления, наиболее близких к нашей теме, следует отметить исследование Н.В. Подпрятова, который осветил историю национальных частей (в том числе башкирских) Восточного театра военных действий¹⁵.

В работах историков Башкортостана происходит коренной перелом в трактовке событий Гражданской войны в регионе и участия в ней Башкирского войска. Принципиальное значение в этом отношении имела работа М.М. Кульшарипова «З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917-

1920 гг.)», в которой были высказаны первые с 20-х гг. прошлого столетия объективные суждения в отношении различных аспектов истории Башкортостана в 1917-1920 гг.¹⁶ Следующее, более развернутое исследование автора, вышедшее в 2000 году, целиком посвящено башкирскому национальному движению в 1917-1921 гг. В данной работе освещаются вопросы становления башкирских национальных частей, дается новая оценка их пребывания на стороне антибольшевистской коалиции¹⁷. Значительный вклад в изучение темы развития башкирской национальной государственности, в том числе вооруженных сил республики, внес С.Ф. Касимов, выпустивший в 1997 году монографию «Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917-1925 гг.)»¹⁸.

В целом, необходимо отметить, что в современной отечественной историографии сложились далеко не однозначные взгляды на башкирские вооруженные формирования. Большинство исследователей придерживаются взглядов, близких к концепции М.М. Кульшарипова и С.Ф. Касимова. Ряд историков (например, А.В. Ганин и И.Ф. Плотников) высказывают альтернативные мнения в отношении некоторых вопросов данной проблематики¹⁹.

Зарубежные историки, такие, как Р. Пайпс, Э. Карр, С. Зеньковский, писавшие о проблемах национально-государственного строительства в Башкортостане в 1917-1919 гг. затронули и вопрос о башкирских формированиях²⁰. Но поверхностность проведенного ими анализа и использование материалов работ советских историков 20-х гг., не позволили вышеупомянутым исследователям внести элемент новизны в изучаемую нами тему.

Таким образом, учеными сделаны определенные шаги в области исследования истории Башкирского войска, в научный оборот был введен разнообразный и значительный фактический материал. В общих трудах по Гражданской войне проблема башкирских формирований периода 1918 - февраля 1919 гг. осталась практически без внимания. Значительно большую работу в этом направлении провели историки, занимавшиеся вопросами Гражданской войны и национально-государственного строительства в Башкортостане. Долгое время башкирские части рассматривались учеными как второстепенный элемент башкирского движения и национально-

государственного строительства в регионе. Не раскрывались предпосылки появления башкирской национальной армии на арене Гражданской войны. Неполное и неточное представление имеется о деятельности башкирских военных учреждений и их роли в организации национальных войск. Исследователями вообще не рассматривался вопрос функционирования Башкирского войска как единой военно-государственной системы, соответственно, такие понятия, как «национальная армия», «вооруженные силы Башкирской республики» и даже «Башкирское войско» не применялись при анализе данной проблемы. Практически не изучалась история формирования башкирских полков, дивизий, добровольческих отрядов. Недостаточно рассмотрен вопрос мобилизации башкир в национальную армию. Наконец, совершенно не показано участие башкирских формирований в сражениях против Красной армии в составе вооруженных сил антибольшевистского лагеря.

В настоящей книге вниманию читателей представлено исследование, посвященное самому яркому и насыщенному в истории башкирского оружия периоду Гражданской войны в России. На основе документальных материалов Российского государственного военного архива (фонды по Белой армии №№ 1148, 39534, 39550, 39551, 39554, 39570, 39625, 40204, 40205, 40786, 39551, 40213 и фонды по Красной армии №№ 157, 184, 423, 1284, 1307), Центрального государственного исторического архива общественных объединений Республики Башкортостан (фонды № 78 и № Р-1201), Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан (фонды № 1832 и № 9776), опубликованных материалов, мемуарной и научной литературы воссозданы основные эпизоды истории Башкирского войска, в научный оборот введены неизвестные и малоизвестные документы.

Для более четкого представления читателя о том, в каких условиях произошло рождение Башкирского войска, в первой главе сделан краткий анализ факторов, способствовавших процессу становления национальной армии. В последней главе сознательно обойден круг вопросов, связанных с формированием башкирских вооруженных сил на советской платформе, т.к. это является предметом изучения следующей книги, посвященной участию башкирских частей в Гражданской войне в составе Красной армии.

Автор выражает большую благодарность научным рецензентам монографии доктору исторических наук – С.Ф. Касимову и кандидату исторических наук Н.В. Подпряткову, художнику издания Л.А. Исмагиловой, а также кандидату исторических наук Р.Н. Рахимову за ценные рекомендации при подготовке книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ 18 февраля 1919 года. Материалы и документы перехода Башкирии на сторону Советской власти. Уфа, 1923.
- ² Атнагулов С. Башкирия. М.-Л., 1925.
- ³ Идельгужин К. Башкирское движение (в 1917-1919 гг.). Уфа, 1926; Юмагулов Х. Об одном неудачном опыте национальной политики в Башкирии в 1918-1919 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 3; Диманштейн С. Башкирия в 1918-1920 гг. // Пролетарская революция. 1928. № 5.
- ⁴ Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. Л., 1929.
- ⁵ Туракаев И. Башкирские войска в гражданскую войну. Уфа, 1929; Типеев Ш. Основные этапы истории национального движения и Советской Башкирии (1917-1929 гг.). Уфа, 1929; Он же. Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930.
- ⁶ Разгром колчаковщины на Урале. Сборник. Свердловск, 1939; Болтин Е.А. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака. М., 1949; Таняев А. Колчаковщина на Урале (1918-1919 гг.). Свердловск, 1930.
- ⁷ Гужвенко Г.Г. Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941.
- ⁸ Раимов Р.М. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М., 1952.
- ⁹ Спирин М.И. Разгром армии Колчака. М., 1957; История гражданской войны в СССР. 1917-1922. Т. 3: Упрочнение Советской власти. Начало иностранной военной интервенции и гражданской войны (ноябрь 1917-март 1919 г.). М., 1957; Кузьмин Г.В. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Военно-политический очерк. М., 1958; Ненароков А.П. Восточный фронт. 1918. М., 1960; Антонов А.Е. Боевой Восемнадцатый год (Военные действия Красной Армии в 1918-начале 1919 г.). М., 1961; Гражданская война в СССР. Т. 1: Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917-март 1919 г.). М., 1980; Минц И.И. Год 1918-й. М., 1982 и другие.
- ¹⁰ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966.
- ¹¹ Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале. 1918-1919 гг. Челябинск, 1958; Лисовский Н.К. Победоносное шествие Советской власти на Южном Урале // Установление Советской власти на местах в 1917-1918 гг. Под ред. Д.А. Чугаева. М., 1959. С.373-456; Васьяковский О.А. Из истории гражданской войны на Урале. Свердловск, 1961; Пасикова А.И. Урал в годы гражданской войны. Свердловск, 1962; Рошевский П.И. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966; Лисовский Н.К. Разгром дуговщины (1917-1919). М., 1964; Васьяковский О.А. и др. Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989 и другие.

- ¹² Юлдашбаев Б.Х. Образование Башкирской АССР. Исторический очерк. Уфа, 1958.
- ¹³ Аминев З.А. Октябрьская Социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917-1919 гг.). Уфа, 1966.
- ¹⁴ Цветков В. Вторая Кавказская война // Родина. 1998. № 2. С. 23; Дерябин А.И. Гражданская война в России. 1917-1922. Национальные армии. М., 1998; Кручинин А.С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой Армии: История неудачных попыток. М., 1999 и другие.
- ¹⁵ Подпратов Н.В. Роль национальных воинских формирований в годы гражданской войны на Восточном театре военных действий: Автореф. на соискан. учен. степ. канд. истор. наук. Пермь, 1994; Он же. Национальные меньшинства в русской армии в XVIII - начале XX века. СПб., 2004.
- ¹⁶ Кульшарипов М.М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917-1920 гг.). Уфа, 1992.
- ¹⁷ Он же. Башкирское национальное движение (1917-1921 гг.). Уфа, 2000.
- ¹⁸ Касимов С.Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917-1925 гг.). Уфа, 1997.
- ¹⁹ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006; Плотников И.Ф. Смуты. Уфа, 1994.
- ²⁰ Pipes R. The formation of the Soviet Union. Cambridge (Mass.). 1954; Карр Э. Несколько заметок о Советской Башкирии // Башкирское национальное движение 1917-1920 гг. и З. Валиди. Зарубежные исследования. Сост. и вступ. статья И.В. Кучумова. Уфа, 1997. С. 36-97; Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Mass.). 1960.

ГЛАВА I

Истоки

Башкирская конница в XVI-XIX вв.

Башкиры на протяжении веков развивали военное искусство, которое являлось частью их образа жизни. В процессе добровольного их вхождения в российское подданство одним из главных его условий стала военная служба. Согласно жалованным грамотам Ивана Грозного башкиры должны были охранять юго-восточные рубежи страны и участвовать в походах российской армии. Центральные власти уже с самого начала довольно интенсивно использовали башкирскую конницу против набегов ближних степных народов¹. Отряды башкир приняли участие в Ливонской войне, войнах с Крымским и Сибирским ханствами².

В XVII веке башкирские конники активно действовали в период «Великой смуты» и войны с польскими интервентами. Значительный отряд башкир находился в войсках князя Д. Пожарского при освобождении Москвы. На Северную войну башкирское население полностью снарядило отряд численностью около одной тысячи человек³. Следующей крупной военной кампанией, где участвовали башкиры, была Семилетняя война. Конные отряды перебросили на Украину и в Прибалтику, а с 1772 года 3 тысячи башкир воевали в составе российской армии против польских конфедератов. В 1790 году 2 тысячи башкир вместе с мишарями и оренбургскими казаками были отправлены в Прибалтику, где в составе четырех полков они воевали в финляндской армии под командованием И.П. Салтыкова⁴. Боевая ценность башкирских отрядов как иррегулярной кавалерии, была довольно высокой. Этот факт признавался как современниками, так и историками. Так, например, оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский писал, что «относительно воинского духа они (башкиры - Т.Р.) не уступают оренбургским казакам, а в иных отношениях даже превосходят прочие иррегулярные войска», а по утверждению историка Н.Ф. Демидовой, «Башкирская конница

представляла собой довольно значительную военную силу, которая использовалась в сочетании с регулярными войсками, и особенно, когда действовала в привычных условиях - в лесах, степях и горах, где... она была почти неуловима»⁵.

Военные формирования башкир проявляли себя и с другой стороны. Со второй половины XVII века царское правительство начало проводить планомерную политику, направленную на урезание социальных и экономических прав башкирского народа. Наступление властей в области вотчинного права, религии, налогов, повинностей и других институтов вызвало волну вооруженных восстаний башкир. В выступлениях 1662-1664 гг., 1681-1684 гг., 1704-1711 гг., 1735-1740 гг., 1755-1756 гг. численность повстанцев достигала нескольких десятков тысяч всадников⁶. В ходе восстаний башкиры даже пытались создать собственное государственное образование⁷.

Крупные конные соединения, состоящие из башкир, воевали на стороне Емельяна Пугачева в 1773-1775 гг., после разгрома которого правительство приступило к поискам путей стабилизации в регионе.

В ходе борьбы с башкирскими повстанцами и использования отрядов башкир в своих военных целях, царское правительство решило видоизменить систему их службы. Это было вызвано двумя основными причинами. С одной стороны, такой шаг позволял шире занять военной службой башкир и тем самым увеличить долю иррегулярной кавалерии в армии. С другой стороны, установление жесткого военно-административного контроля над башкирским населением сильно уменьшало возможности для антиправительственных выступлений.

В 1798 году башкиры были переведены в военное сословие, идентичное казачьему под названием «Башкиро-мещерякское войско». Территория, на которой проживало башкирское население, была разделена на 11 кантонов (впоследствии их стало 28). Одновременно учреждались 5 мишарских, 5 оренбургских казачьих и 2 уральских казачьих кантона⁸. Башкирам, мишарям и казакам была вверена пограничная линия от Усть-Уйской крепости до Уральска⁹. Оснащение башкирских конников оружием, лошадьми, одеждой, снаряжением и провиантом возлагалось целиком на население кантонов.

Введение кантонной системы привело к образованию национального военно-административного аппарата. Служебная иерархическая лестница строилась в соответствии с табелем о рангах военных и гражданских чинов. Личная выслуга позволяла башкирским военным лицам получать офицерские звания, а вместе с ними и дворянские титулы. Все иррегулярные части региона, в том числе башкирские, входили в состав отдельного оренбургского корпуса. Ежегодно на охрану юго-восточных границ России из башкирских и мишарских кантонов отправлялось до 10,5 тысяч человек, составлявших большую часть иррегулярной конницы на этих пограничных рубежах. До 1847 года возраст привлекаемых башкир не был регламентирован, что позволяло использовать их гораздо более интенсивно, чем это было раньше. Позже вышло решение Департамента военных поселений, определившее общеказачий 30-летний срок службы¹⁰.

Апробация новой системы в военных кампаниях начала XIX века прошла довольно удачно. Участие России в антифранцузской коалиции сопровождалась ведением боевых действий в Центральной Европе. Формирование башкирских полков приобретает широкий размах. Особую роль начинают играть конные отряды, предназначенные для дальних военных походов. В 1807 году на военный театр направилось 10 тысяч башкир, часть которых вместе с калмыками после Фридланского сражения прикрывали отступление основных сил российской армии. По меньшей мере, три башкирских полка приняли активное участие в крупных сражениях с французской армией, в частности, с войсками под командованием Мюрата, Массена и Вrede¹¹. Накануне очередной войны с Францией царское правительство распорядилось образовать еще два конных полка¹².

В период Отечественной войны 1812 года и заграничных походов российский войск в 1813-1814 гг. привлечение башкирских сил было наиболее массовым. В первые недели войны по инициативе башкир были сформированы 3-й, 4-й и 5-й полки. Каждый башкирский кантон, в зависимости от численности населения, выставил от одного до двух полков, которые по мере формирования отправлялись на запад. Командирами полков назначались башкиры и офицеры казачьих войск. За короткий срок (с августа по октябрь 1812 года), кроме ранее сформированных пяти полков, башкирские

кантоны отправили на фронт еще 15 полков. Всего в 1812-1813 гг. российская армия получила 20 башкирских полков, т.е. 12 тысяч человек. Одновременно с этим башкирские всадники численностью до 12 тысяч человек обеспечивали охрану юго-восточных границ. Всего за 1811-1813 гг. башкирское население выставило за свой счет приблизительно 24 тысячи конников.

Башкирские полки хорошо себя зарекомендовали в боях под Гродно, Кобрином, при Бородино и в других местах. В многочисленных сражениях башкирская кавалерия заслужила лестные отзывы российских генералов, а сотни башкирских воинов получили медали и ордена¹³.

После войны с наполеоновской Францией башкирские части больше не мобилизовались в таком количестве. Отдельные полки были заняты в войнах с Турцией 1828-1829 гг. и подавлении польского восстания 1830-1831 гг.

Также башкирские отряды использовались царским правительством для проведения карательных операций в Оренбургской губернии и Казахстане. С помощью башкирских конников было подавлено выступление уральских казаков 1805 года, а в 20-е годы XIX века были «усмирены» крестьяне Каслинского, Кыштымского, Юрюзанского, Усть-Катавского и Катав-Ивановского заводов. В 1843 году местные власти направили башкир и казаков в Челябинский уезд на ликвидацию волнений крестьян. В 1825-1840 гг. силами казаков, башкир и мишарей военные власти организовали 15 карательных экспедиций в казахские степи. Помимо этого, башкирские отряды несли полицейскую службу в Казани, Москве, Петербурге и других городах¹⁴.

С 30-х гг. XIX века оренбургский генерал-губернатор приступил к методичной унификации башкир с другими тюркомусульманскими этногруппами с конечной целью превращения их в обычное, облагаемое стандартными налогами население. Первые изменения коснулись управления кантонной системы. В 1834 году Башкирско-мещерякское войско было выведено из подчинения генерал-губернатора. Были назначены командующий войском (полковник Т.С. Циолковский), начальник штаба, старший адъютант и два военных чиновника, учреждалась своя канцелярия¹⁵. За каждым кантоном был установлен строгий контроль, осуществляемый

русскими штаб-офицерами, подчиненными исключительно командующему войска. Кроме того, были проведены дополнительные меры для усиления наблюдения за башкирским населением. Процесс урезания самостоятельности Башкиро-мещерякского войска совпал с перемещением юго-восточной границы империи, в связи с завершением присоединения в 40-е годы XIX века территории западного Казахстана. Превращение Башкортостана во внутренний регион страны сильно снижает значение пограничной службы башкир. Поэтому было принято решение заменить службу денежным побором для большей части войска¹⁶.

В 1855 году в войско, переименованное в «Башкирское», были включены тептяри и бобыли Оренбургской, Пермской и Вятской губерний. Эта мера нанесла серьезный удар по социальному положению башкир, т.к. включение тептярей и бобылей привело к раздроблению кантонной системы образца 1798 года.

Крымская война 1853-1856 гг. была последней кампанией, где участвовали башкирские подразделения. Показательно, что российское командование не сочло нужным переводить башкирские полки на театр боевых действий, а лишь прикрепило их к охранным частям Финского залива. В сущности, это было проявлением недоверия к башкирам. По мнению Николая I, отправка мусульман-башкир на войну против мусульман-турков была бы совершенно необдуманным шагом со стороны российского командования¹⁷.

Уже в 1858 году военный министр России открыто заявил: «Государство не нуждается в башкирских войсках» и настоял на постепенном разоружении башкир, интегрируя их в обычное податное сословие. Мнение министра было учтено¹⁸. Государственный Совет ратифицировал в 1865 году императорский указ об упразднении кантонной системы. Башкирское население наделялось правовым статусом свободных обывателей, а Башкирское войско, соответственно, прекратило свое существование.

В 70-е гг. российское правительство при подготовке военной реформы по башкирам выработало особое положение. Было решено создать в Оренбурге Башкирский кавалерийский эскадрон. Служба в нем была добровольной, т.е. призывники могли по своему желанию отбывать воинскую повинность в армии на общих основаниях. Башкиры не были единственными, кому позволили служить в своей

войсковой части. Так, одновременно с Башкирским эскадром военное руководство страны сформировало Кавказский, Дагестанский и Кутаисский полки, Крымский эскадрон и другие национальные части¹⁹. Удачный ход комплектования Башкирского эскадрона убедил военного министра санкционировать его расширение в полк. В 1878 году, после смотра войск Александром II, Башкирский кавалерийский полк получил официальное разрешение на дальнейшее существование. Однако в 1882 году, в царствование Александра III, он был распущен. По всей видимости, новый император не был сторонником формирования подобных войсковых частей, что и привело к ликвидации полка. Все военнослужащие подразделения демобилизовывались, а формирование башкирских отрядов допускалось лишь в форме милиции и только в военное время²⁰.

Накануне роспуска полка вопрос о военной организации башкир стал предметом дискуссии на страницах «Военного сборника». Мнение одних выразил А. Квитке, который выступил против роспуска Башкирского полка, утверждая, что башкирская конница идеально подходит для легкой российской кавалерии, а личные боевые качества башкир неопределимы для армии. Автор пишет, что расходы на содержание полка сравнительно невелики и поэтому не обременительны для казны²¹. Ему возражал В. Афанасьев, очень критично оценивавший башкирские части. По его мнению, башкиры, плохо знающие русский язык и неадаптированные к армейской дисциплине, мало пригодны для современных вооруженных сил. Афанасьев отверг утверждение Квитке об особенных качествах башкирских воинов и поставил под сомнение боевую ценность башкирских войск. Также автор не согласился с тем, что содержание полка выгодно для государства с экономической точки зрения²². На этом дискуссия была прекращена, и вопрос о башкирских частях постепенно перестал интересовать российскую общественность.

* * *

На протяжении XVII-XIX вв. с помощью башкирской конницы российское государство решало несколько важных задач: защита

юго-восточной границы, активная внешняя политика в направлении Казахстана и Средней Азии, выполнение полицейских функций и, наконец, значительное пополнение иррегулярной кавалерии. Роль башкирских войск, особенно в период войн с наполеоновской Францией, была довольно велика. Несмотря на то, что в открытом бою с европейскими частями башкирские полки уступали им, маневренность и стойкость башкирских конников компенсировали этот недостаток. С укреплением и расширением Российской империи потребность властей в «инородческих» войсках постепенно отпадает. Эволюция кантонной системы демонстрирует поэтапное ограничение самоуправления и функционирования Башкирского войска. Военное министерство посчитало бесперспективным реорганизовать башкирские полки в регулярные части.

Воинская служба, являвшаяся для башкир в течение нескольких веков обязательным делом, была для них очень важна как с социально-экономической, так и с психологической точки зрения. В начале 80-х гг. XIX века. А. Квитке писал, что последний осколок Башкирского войска – кавалерийский полк в Оренбурге – рассматривается населением «как возрождение войска, легенды о котором до сих пор живы среди пожилых, служивших в рядах башкирского войска», и башкиры «вспоминают об этом с гордостью»²³. Очевидно, что к началу XX века башкирское население с большим уважением относилось к своим воинским традициям, имеющим глубокие этнопсихологические корни. Поэтому неудивительно, что идея возрождения Башкирского войска в 1917-1918 гг. встретила массу положительных откликов со стороны башкир.

Мусульманская армия и ее крах

Февральская революция в России, закончившаяся триумфальной победой демократических сил над самодержавием, стала мощным катализатором для национального возрождения нерусских народов страны. Мусульмане бывшей империи сплотились в одно движение, направленное на защиту этнокультурных и исламских традиций.

Наряду с другими проблемами был поставлен вопрос об организации отдельных мусульманских частей на фронте и внутри России путем выделения их из общих армейских соединений (к этому времени в российской армии служило до 800 тысяч солдат-мусульман). В середине марта 1917 года в Казани был образован Военный мусульманский комитет, который обратился к правительству с предложением выделить из армейских подразделений мусульман и включить их в особые военные единицы²⁴. В начале апреля в Оренбурге прошло совещание представителей мусульманских военных комитетов различных регионов страны. Было решено поддержать начатую работу по формированию мусульманских частей, а также консолидировать свои действия путем образования единого органа – Харби Шуро (Военный Совет)²⁵. В том же месяце на совещании в Москве сформировался состав центрального Харби Шуро. В его руководящий состав вошли И. Алкин (председатель), У. Токумбетов (зам. председателя), Х. Еникеев (зам. председателя), И. Ахмеров, В. Пулях, Г. Губайдуллин и другие²⁶.

В течение мая-июля шел процесс образования региональных структур военного органа мусульман. Так, 20 мая на собрании солдат-мусульман гарнизона г. Уфы был организован «Уфимский мусульманский военный совет». В его уставе провозглашалось: «1) Распространение политических, национально-религиозных идей среди солдат-мусульман; 2) Поднятие общего уровня, культурного и политического самосознания солдат-мусульман; 3) Подготовка солдат-мусульман к выборам в Учредительном собрании; 4) Разрешение вопросов, касающихся жизни солдат-мусульман и улучшения их быта; 5) Выделение солдат-мусульман в отдельные роты, батальоны и образование отдельных мусульманских полков (подчеркнуто мной – Т.Р.); 6) Поддержание и укрепление нового

стройка и завоевание свободы»²⁷. Аналогично Уфимскому мусульманскому военному совету появились организации и в других городах Урало-Поволжского региона²⁸.

На I Всероссийском мусульманском съезде (1-11 мая 1917 года) делегаты от татар, башкир, казахов, народов Средней Азии, Закавказья и Кавказа внесли предложение приступить к формированию мусульманских войск. В резолюции съезда по военному вопросу указывалось, что войска должны быть укомплектованы мусульманским командным составом, муллами и своими походными кухнями²⁹.

В создании мусульманских подразделений большую роль играли лидеры Харби Шууро, которые во многом определяли и идеологическую платформу формируемых частей. Большинство активистов Харби Шууро входили в татарскую общественно-политическую группу, выдвинувшую грандиозную концепцию, в основе которой лежала идея образования единого «тюрко-мусульманского» пространства на территории бывшей Российской империи. Практически все органы мусульман находились под контролем идеологов данной концепции. По словам известного политического деятеля тех лет М. Султангалеева, «исполнительный комитет Всероссийского мусульманского национального Совета («Икомус») с его известным кавказским меньшевиком Ахмет-бек Цаликовым, всероссийский мусульманский военный Совет («Харби Шууро») плясали под их дудку, не говоря уже о «Милли идара» (Национальное управление татар Поволжья и Сибири) и созданном к началу Октябрьской революции «Милли меджлисе» (Национальном парламенте)³⁰. Однако в реальности влияние татарских деятелей на мусульманские массы было значительно меньшим³¹. В последующее время это обстоятельство, наряду с другими факторами, сыграло большую роль в судьбе мусульманских частей и мусульманского движения в целом.

В условиях политической нестабильности и постепенного разрушения государственной власти создание вооруженных сил стало для мусульманских руководителей одной из первостепенных задач. Для ускорения разрешения этого вопроса, в Казани (июнь 1917 года) состоялась I Всероссийский мусульманский военный съезд, который во многих вопросах стал продолжением I Всероссийского

мусульманского съезда. Его участники выразили единодушное мнение о расширении деятельности мусульманских военных органов в России. В итоге было вынесено решение об организации во всех гарнизонах, где служили солдаты-мусульмане, военных комитетов, а в военных округах – окружных комитетов³². Такие меры должны были консолидировать мусульманских солдат вокруг Харби Шууро и усилить роль мусульманских военных организаций, независимых от центрального руководства страны.

Временное правительство на первых порах было категорически против создания мусульманских формирований. В частности, Председатель правительства А. Керенский не только отверг все предложения военного съезда, но и вообще отказался принять его представителей³³. Тем самым Харби Шууро дали понять, что деятельность мусульманских военных организаций не одобряется центральными властями.

Необходимо отметить, что в России еще до Февральской революции имелся опыт создания национальных соединений. В частности, в период Первой мировой войны были сформированы польские и латышские части, а также мусульманская Туземная дивизия, преобразованная затем в конный корпус. Тем не менее, Временное правительство с большой неохотой поддерживало переговоры о создании национальных формирований, которые активно инициировали не только представители Харби Шууро, но и украинцы, эстонцы, грузины, армяне и другие народы.

К началу осени 1917 года в правящих кругах страны вопрос о мусульманских частях был кардинально пересмотрен. Это было вызвано двумя основными причинами. Во-первых, ситуация на германском фронте заставила российское командование принимать срочные меры, т.к. деморализованные и совершенно не соблюдающие военную дисциплину солдаты в массовом порядке самовольно покидали свои части. Начался губительный для армии поток дезертирства. Правительство серьезно озабочилось проблемой реорганизации терявшей боеспособность армии, и идея создания на фронте мусульманских войск, подчиненных жесткой дисциплине, уже не вызвала столь болезненную реакцию, как это было пару месяцев назад. Во-вторых, антиправительственное выступление генерала Корнилова (август 1917 года) показало руководству страны,

что «штыки» начинают играть одну из ключевых ролей в политической жизни российского общества. Нейтрализация главного ударного соединения мятежного генерала – «Туземного конного корпуса», осуществленная при посредничестве Харби Шуро, значительно повысила доверие правительства к мусульманским лидерам.

А ведь угроза со стороны этого корпуса была действительно очень большой. В то время как основные части колонны Корнилова разложились под влиянием большевистской пропаганды, полки горцев подступили к окрестностям Петрограда и по приказу своих командиров были готовы ворваться в город. Именно в этот момент в их передовые части прибыла делегация Харби Шуро, в составе которой находился внук знаменитого имама Шамиля. После непродолжительных переговоров командиры частей согласились прекратить наступление. Не в малой степени компромисс был достигнут и вследствие того, что лидеры Харби Шуро были лично знакомы с командным составом корпуса, т.к. его представители приняли участие в работе I Всероссийского мусульманского военного съезда.

Заметное улучшение отношения руководства страны к Харби Шуро после корниловского выступления позволило последнему иметь своих представителей в ключевых военных учреждениях страны, штабах армий, фронтов и военных округов, а также с конца сентября 1917 года начать формирование мусульманских частей в тылу и на фронте.

Между тем Временное правительство продолжало судорожно искать пути восстановления боеспособности вооруженных сил и их принципиальной реорганизации. Среди прочих идей появился проект создания регулярных национальных войск. Формирование мусульманских частей стало воплощением основных положений этого проекта и, таким образом, соответствовало политике Временного правительства.

Военный министр А. Верховский поручил Харби Шуро скомплектовать внутри страны отдельные мусульманские полки³⁴. Одновременно начали создаваться мусульманские корпуса в действующей армии. На румынском фронте довольно быстрыми темпами формировался 1-й Мусульманский корпус под

командованием генерала С. Сулькевича. В корпус были включены 191-я пехотная дивизия, 6-я стрелковая дивизия, 2-я бригада 3-й пехотной дивизии. Другой мусульманский корпус создавался на Кавказском фронте под командой генерала А. Шихлинского и состоял из 5-й Кавказской стрелковой дивизии, 7-й Кавказской стрелковой дивизии и Татарского конного полка Туземной дивизии. Также планировалось «мусульманизировать» (т.е. стянуть сюда солдат-мусульман) 75-ю и 77-ю пехотные дивизии и, вероятно, свести их в 3-й корпус. Всего под мусульманские фронтовые части было выделено 8,5 пехотных дивизий и 1 конный полк³⁵.

Не менее впечатляющие успехи были достигнуты в формировании мусульманских гарнизонных частей. Как и на фронте, создание тыловых частей Харби Шуро осуществлял путем национализации запасных полков, расквартированных в различных городах. Осенью 1917 года в Уфе находилось около 15 тысяч солдат-мусульман, в Казани – 20 тысяч, в Оренбурге – 12 тысяч. До 10 тысяч солдат-мусульман размещалось в малых городах, а общая их численность в Урало-Поволжском регионе достигла 57 тысяч человек³⁶. Они стали основой для формирования полков, объединенных затем в две бригады со штабами в Казани и Уфе. Формировались мусульманские части и в других городах страны. Харби Шуро позаботился и о внешней атрибутике своей армии. В символике планировалось совместить две эмблемы: полумесяц со звездой (принадлежность к мусульманам) и лук со стрелами (намек на историческое наследие Золотой Орды)³⁷.

Говоря о беспорных достижениях Харби Шуро в области военного строительства, следует отметить одно очень важное обстоятельство. В определенной степени мусульманские части формировалась стихийно. Революционная волна вдохновила тысячи солдат-мусульман к самоорганизации и появление 300 (!) мусульманских комитетов в российских вооруженных силах осенью 1917 года вышло далеко за рамки первоначальных планов Харби Шуро³⁸. Разумеется, полностью контролировать деятельность этих комитетов и, соответственно, управлять всеми мусульманскими частями он был не в состоянии. А как известно, все, что создается стихийно, так же неожиданно и распадается. Именно по этому

сценарию развивалась дальнейшая судьба многотысячной мусульманской армии...

В ноябре 1917 года, в связи с резким изменением политической обстановки в стране, головокружительные успехи Харби Шуро заканчиваются. Октябрьский переворот нанес колоссальный удар мусульманскому движению, расколов его на два крыла. Одно выступало за развитие «тюрко-татарской нации» в русле буржуазно-демократических принципов, тем самым отвергая новую власть; другое встало на сторону большевиков и руководствовалось идеями, близкими к позициям новой власти. Это сильно сказалось на умах солдат-мусульман, которым пришлось выбирать ту или иную сторону. Идеологическое размежевание в среде мусульманского движения подорвало авторитет всех его органов, в том числе Харби Шуро.

Расхождение мнений среди мусульман стало проходить и по национальному признаку. Объявление автономий Крыма, Туркестана, Казахстана и Башкортостана негативно отразилось на жизнеспособности идеи «тюрко-татарского» единения и, соответственно, на существовании мусульманских частей. Харби Шуро сделал несколько попыток вернуть свои прежние позиции. Наглядным примером в этом отношении служат взаимоотношения между Харби Шуро и Башкирским Шуро. Первоначально Харби Шуро, совместно с Милли Меджлисе, выдвинул в противовес национальной автономии башкир проект Урало-Волжского штата (или «Идель-Урал»), не допуская формирования отдельных башкирских войск³⁹. В дальнейшем сторонники Урало-Волжского штата из числа татарских офицеров направили в адрес Башкирского Шуро угрожающее заявление, в котором пообещали применить «все средства против башкирского движения»⁴⁰. Главным источником этих угроз являлся Оренбургский мусульманский военный комитет, попытавшийся разогнать III Всебашкирский курултай в декабре 1917 года руками солдат 1-го Мусульманского полка, расквартированного в Оренбурге. Полк состоял из башкир и татар, командный же состав комплектовался, в основном, офицерами татарского происхождения. Последнее обстоятельство позволило комитету надеяться на положительный исход задуманного. Но на собрании военнослужащих полка башкиры, составлявшие

большинство солдатской массы, изгнали агитаторов из мусульманского военного комитета, а двое из них были даже избиты. Башкирская часть полка избрала собственный военный комитет, лояльно настроенный к автономии Башкортостана. Татарские деятели были вынуждены ограничиться протестами.

Неудачи реализации проекта единого «тюрко-татарского» пространства дополнились провалом попыток Харби Шуро отвоевать у большевистских властей право развернуть мусульманские гарнизонные полки в дивизии. Впервые этот вопрос был поставлен 15 ноября 1917 года, когда татарские лидеры настаивали на образовании в Урало-Поволжском регионе мусульманской дивизии на основе уже созданных двух бригад⁴¹. Главнокомандующий российскими войсками Н.В. Крыленко первоначально поддержал идею «национализации» армии и даже официально признал право народов России на формирование собственных соединений⁴². Но это была лишь временная уступка большевиков, которые с недоверием относились к мусульманским лидерам. Недоверие еще более окрепло, когда Харби Шуро принял решение подчинить себе все мусульманские части действующего фронта и тыла⁴³.

В январе 1918 года последовала реакция Крыленко, заявившего: «В связи с формированием социалистической гвардии ... считаю всякие иные формирования недопустимыми ...»⁴⁴. Позже он наложил запрет на любую деятельность, ведущуюся с целью реорганизации армейских частей по национальным или территориальным принципам⁴⁵.

В значительной мере настороженное отношение советской власти к мусульманским войскам было вызвано позицией Харби Шуро в вооруженном конфликте в Оренбуржье (конец 1917 - начало 1918 гг.). Так, если сначала Харби Шуро приветствовал октябрьский переворот, полагая, что теперь «национальные чаяния угнетенных народов России будут осуществлены», т.е. перешел в число сторонников нового режима⁴⁶, то в декабре 1917 года, его региональное подразделение – Оренбургский мусульманский военный комитет – объявило о нейтралитете в развернувшейся войне между казачеством и отрядами Красной гвардии. Мусульманские солдаты взяли охрану города в свои руки, не предпринимая никаких решительных действий. После подавления выступления атамана

Дутова (конец января 1918 года) большевистские власти сочли за благо приступить к роспуску мусульманских частей города. Негативная оценка большевиками мусульманских военных формирований объяснялась, главным образом, идеологическим несоответствием солдат-мусульман и их руководителей правящему режиму. Воспитанные в духе пантюркизма и панисламизма солдаты-мусульмане представляли серьезную помеху для укрепления позиций большевиков в Урало-Поволжском регионе. Более того, некоторое время существовала серьезная опасность поддержки мусульманскими войсками антибольшевистской волны в стране. Поэтому, несмотря на отсутствие явной враждебности по отношению к Советской республике, Народный Комиссариат по делам национальностей во главе со Сталиным приступил к нейтрализации потенциального противника. Военный отдел Комиссариата по делам мусульман внутренней России был развернут в Центральную Мусульманскую военную коллегию. Используя раскол в мусульманском движении, коллегии удалось расформировать несколько мусульманских полков, организованных Харби Шуро в Казани, Уфе и других городах. Также были упразднены 95-й Мусульманский запасной полк, 1-й Финляндский стрелковый мусульманский полк, 1-й Мусульманский кавалерийский дивизион и 1-я Мусульманская бригада⁴⁷.

Активная нейтрализация мусульманских частей еще более ухудшает отношения между Харби Шуро и большевиками. Потерпев неудачу в Приуральском регионе, татарские лидеры мобилизовали все свои силы в Казани. В начале 1918 года здесь проходил II Всероссийский мусульманский военный съезд, который в конечном итоге принял ярко выраженный антибольшевистский характер. В городе началось формирование так называемых «волчьих отрядов» и «железных дружин», призванных защитить делегатов съезда и идеалы концепции «тюрко-татарского пространства»⁴⁸. Один из районов города – Забулачье – превратился в настоящий военный лагерь, куда были стянуты все имеющиеся вооруженные силы. Заместитель председателя Харби Шуро У. Токумбетов смело заявил большевикам: «Если вы имеете намерение вмешиваться в наши внутренние дела, то знайте, что за нами миллион штыков»⁴⁹. В действительности, реальные силы Забулачья были сравнительно

невелики, как, впрочем, и боевой дух защитников «республики»: во второй половине марта 1918 года одна часть мусульманских солдат разбежалась, другая, после первого серьезного нажима большевиков, сложила оружие. Не в малой степени этому способствовала и пропаганда татарских большевиков, сумевших усилить раскол среди казанцев и, что гораздо более важно, – мусульманских солдат.

Оставшись без военной поддержки, Харби Шуро оказался совершенно беспомощным. Постановление Наркомнаца СНК Советской республики от 24 марта 1918 года об упразднении Всероссийского мусульманского военного совета завершило историю этой некогда могущественной организации.

Судьба мусульманских войск в действующей армии сложилась также неудачно. Общая атмосфера анархии и «революционизации» масс сильно отразилась на армейских подразделениях. По меткому замечанию С. Зеньковского, дезертирство «из русской армии, в том числе, из мусульманских частей, достигло такого размаха, что за считанные месяцы исчезли целые дивизии и корпуса». 1-й Мусульманский корпус генерала С. Сулькевича, изначально насчитывающий порядка 28 тысяч человек, в течение зимы 1917-1918 гг. растаял на глазах. К марту 1918 года от корпуса остались лишь штаб и отдельные отряды, дислоцированные в Крыму⁵⁰. Части другого крупного военного соединения, Кавказского мусульманского корпуса, были постепенно преобразованы в Азербайджанскую национальную армию, окончательно сложившуюся лишь к осени 1919 года⁵¹.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что после Февральской революции была проделана значительная работа по созданию мусульманских частей. Харби Шуро смог привлечь на свою сторону десятки тысяч солдат-мусульман. К декабрю 1917 года общая численность тыловых и фронтовых мусульманских войск составляла не менее 120 тысяч человек. Однако слабость идеологической спаянности мусульманских частей и отсутствие реальных механизмов управления ими со стороны Харби Шуро негативно отразились на дальнейшей судьбе мусульманской армии. Провозглашение автономий в ряде регионов страны (Крым, Башкортостан, Казахстан и другие) усилило национальные противоречия среди солдат. Даже вышеупомянутые мусульманские

корпуса формировались по национальному признаку. Так, корпус С. Сулькевича комплектовался, в основном, из крымских татар, корпус А. Шихлинского – из азербайджанцев, а 75-я и 77-я дивизии – из казанских татар⁵².

К началу 1918 года верность Харби Шуро сохранили лишь небольшие татарские формирования Казани. Многие солдаты-мусульмане поддались пропаганде большевиков, призвавших их «под красные знамена мусульманской социалистической армии»⁵³. Политическая дезориентация мусульманских военнослужащих усугубила положение Харби Шуро. Рассеивание мусульманских войск к весне 1918 года стало логическим завершением неудачных попыток создания единой тюрко-мусульманской государственности и общемусульманских вооруженных сил.

Начало организации Башкирского войска

В постфевральский период Россию охватили сильные центробежные процессы, ставшие следствием довольно жесткой национальной политикой самодержавия. Стремление народов к самоопределению стало выражаться в образовании собственных государственно-правовых институтов. В революционный 1917 год национально-государственные образования появились на Украине, в Белоруссии, Закавказье, на Кавказе, в Средней Азии, на Южном Урале, в Крыму и других территориях бывшей Российской империи. Создание армии как одного из главных элементов национальной государственности превращается в важнейшую задачу для каждого народа.

Башкирское национальное движение, выделившееся из общего мусульманского потока летом 1917 года, питало большие надежды на успешное формирование вооруженных сил, т.к. для этого имелись все необходимые предпосылки.

Во-первых, большую роль играл социально-экономический фактор. Вотчинное право башкир на земли, утвержденное Иваном Грозным, в течение веков постоянно нарушалось российскими властями. Особенно чудовищные формы этот процесс принимает во

второй половине XIX - начале XX вв., когда стала неприкрыто проводиться политика незаконного захвата земель и природных богатств, принадлежащих башкирскому народу. За 1877-1905 гг. башкиры Уфимской губернии лишились 853,4 тысяч десятин земли, а в Оренбургской губернии за тот же период времени – 722,8 тысяч десятин. В 1905-1915 гг. башкирское землевладение сократилось на 522 тысячи десятин⁵⁴. Всего за вышеперечисленные годы башкиры потеряли огромный земельный фонд – свыше 2 млн. десятин. В «Приблизительной схеме земельной программы башкир Оренбургской губернии» Башкирский Шуро (Совет) заявил, что это была «самая позорная и гнусная земельная политика старого правительства ... заставившая ужаснуться всю Башкирию»⁵⁵.

Не менее болезненной для башкирского населения стала переселенческая политика царизма, ущемлявшая интересы коренного населения. Абсолютно нерегулируемый поток разноэтничного населения, хлынувший на территорию края, сильно обострил социально-экономические и, как следствие, национальные противоречия между народами. Не случайно в августе 1917 года башкирские деятели выступили за депортацию всех переселенцев, пришедших в регион после 1898 года, и запрещение дальнейшей колонизации края. То же, но в несколько смягченной форме, предлагал Башкирский военревком летом 1919 года⁵⁶.

Расхищение башкирских вотчин и переселенческая политика, по мнению составителей «Приблизительной схемы ...», привели к массовому вымиранию башкирского народа и его «полному экономическому обнищанию»⁵⁷.

Установление диктатуры большевиков мало изменило сложившуюся ситуацию. Волостные и сельские Советы, т.е. местные административные рычаги, оказались в руках переселенцев, которые для достижения своих целей прибегали к самым крайним мерам. Среди них были «расправы с башкирским населением, расстрелы ... захваты башкирских земель, скота, хищение лесов» и т.д.⁵⁸

Естественно, что создание российскими властями таких условий жизни, при которых обнаруживалось социально-экономическое бесправие башкир, вызывало у них сильное недовольство и стремление защитить свои интересы. Очевидно, что такую защиту они увидели в 1917 году в образовании собственной автономии и

вооруженных формирований, могущих обеспечить их нормальную жизнедеятельность.

Во-вторых, не меньшее значение имел рост национального самосознания башкирского народа, явственно выразившийся в активном его участии в работе национальных съездов (курултаев)⁵⁹. Идея об автономии, сильно овладевшая умами башкир⁶⁰, напрямую отождествлялась с возрождением «Башкирского войска» — последнего реликта их особого социального статуса.

Поэтому при всех обсуждениях вопроса об автономии на башкирских курултаях и других важных общественно-политических встречах проблема национальных частей всегда становилась предметом отдельного разговора.

И, наконец, в-третьих, важен фактор традиции. Как уже указывалось выше, башкирское население в течение нескольких веков несло военную службу. Походы и патрулирование границ наложили сильный отпечаток на образ жизни и сознание башкирского народа. В этой связи интересны высказывания генерала Х.-А. Ишбулатова, принявшего непосредственное участие в управлении башкирскими частями. Критикуя некоторые поволжские народы за отсутствие склонностей к военной службе, он приветствовал создание башкирских войск, «сохранивших воинский дух»⁶¹. Уверенность генерала была подкреплена впоследствии на фронтах Гражданской войны, где боевые качества башкирских солдат во многом определяли успех тех или иных военных операций.

Таким образом, перед башкирскими лидерами стояла вполне осуществимая задача по организации вооруженных сил. На состоявшемся в июле 1917 года I Всебашкирском курултае присутствовало 70 делегатов от Уфимской, Оренбургской, Самарской, Пермской и Челябинской губерний. Это было первое крупное представительское собрание башкирского народа со времен давних йыйынов. Помимо прочих исторических решений, делегаты вынесли резолюцию об организации отдельных национальных башкирских частей. Причем служба в них должна была проходить «на родине самих башкир»⁶².

На II Всебашкирском курултае (25-29 августа 1917 года) каких-либо новых решений в области создания национальных войск принято не было. В сентябре-октябре военный вопрос отошел на

второй план. Это было вызвано двумя причинами. Во-первых, Министерство по военным делам Временного правительства отказалось санкционировать образование Башкирского войска до созыва Учредительного собрания⁶³. Во-вторых, значительную часть времени башкирское руководство тратило на политическую борьбу с Милли Меджлисе и Харби Шуру, которые пытались взять под контроль разраставшееся башкирское движение. Тем не менее, А.-З. Валидов понимал срочную необходимость формирования вооруженных сил для защиты будущей республики и пытался убедить в этом своих соратников. Но, как он впоследствии отмечал, его «сторонники отнеслись к этому скептически»⁶⁴.

Октябрьский переворот в Петрограде был встречен Башкирским Шуру очень настороженно. В специальном фармане (приказе) № 1 Шуру заявил, что «башкиры и башкирские войска ни в коем случае не могут стоять за восстановление правительства Керенского». В то же время, действия большевиков не были одобрены. Отстраняясь от поддержки той или иной стороны, башкирские деятели говорили о собственной линии, при которой «забота народа о себе ..., охрана своей жизни, крови, души» должны осуществляться «собственными силами»⁶⁵. Таким образом, Шуру высказал мысль о создании силовых структур, главной из которых должна была стать армия. 16 ноября вышел фарман № 2, декларировавший образование автономного «Башкурдистана» («Малой Башкирии») ⁶⁶.

III Всебашкирский курултай окончательно утвердил общую концепцию автономии Башкортостана. Из девяти главных резолюций курултая одна (8-я) была посвящена организации вооруженных сил и милиции⁶⁷. В ней говорилось, что «курултай считает необходимым создание военных сил путем выделения из мусульманских частей башкир». Главной задачей вооруженных сил являлась защита «автономии Башкортостана». Для формирования и управления частями предполагалось образовать Центральный военный совет и Главный штаб башкирских войск. Во всех уездах и городах, входивших в состав «Башкурдистана», должны были организоваться военные отделы Башкирского правительства⁶⁸. Территория объявленной автономии разделялась на кантоны, что, по словам А.-З. Валидова, соответствовало старым формам войскового управления⁶⁹.

Наряду с армейскими подразделениями создавалось отдельное милицейское управление, отделы которого размещались в городских, кантональных, сельских и волостных управах. Все милицейские структуры находились в подчинении центральных военных органов⁷⁰.

В учрежденное курултаем правительство вошло три офицера: Г. Идельбаев, Г. Магазов и Ш. Акчулпанов. Объединенное управление военными и внутренними делами было поручено А.-З. Валидову, а помощником назначили ротмистра А. Карамышева⁷¹.

На III Всебашкирском курултае военная программа получила свое завершение. Она состояла из следующих основных задач:

- 1) Организация главных военных органов – Центрального военного совета и Штаба Башкирского войска.
- 2) Комплектование армейских частей путем выделения из мусульманских полков башкир и приема добровольцев.
- 3) Создание военной милиции для соблюдения интересов Башкирского правительства в кантонах и сохранения общего правопорядка.
- 4) Привлечение в вооруженные силы офицеров, лояльно относящихся к башкирской автономии.
- 5) Подчинение всех силовых структур исключительно Башкирскому правительству.

В сущности, для создания башкирской армии был избран метод «национализации» отдельных частей (в данном случае, мусульманских), широко использующийся на всем постимперском пространстве – в Закавказье, Украине, Прибалтике и других регионах. Разумеется, решение курултая не могло не вызвать тревогу у лидеров Харби Шуро, ибо благодаря этому шагу под угрозой оказывались мусульманские полки, расквартированные в Уфе и Оренбурге. О вспыхнувшем конфликте между всебашкирским курултаем и представителями Харби Шуро мы уже говорили в предыдущем разделе.

Реализация первой задачи военной программы курултая затруднялась нехваткой офицерских кадров. Башкирскому правительству было проще формировать войска вокруг военного отдела, отложив создание Военного совета и Штаба до того момента, пока не будет скомплектован штат военных специалистов.

По этому пути и пошли башкирские руководители. Сведения о первых башкирских отрядах относятся к декабрю 1917 года. По утверждению Р. Раимова, в дни работы III Всебашкирского курултая в Оренбург прибыл конный отряд из 24 человек, оформленный затем в эскадрон. Автор полагает, что Башкирское правительство, получив деньги и оружие от атамана Дутова, выставило «несколько отрядов» против большевиков⁷². Примерно те же суждения вынесли последующие советские историки⁷³. А.-З. Валидов не отрицает наличия военных отрядов в то время, хотя тогда они «еще не обрели боевую готовность». Но об участии их в войне с красными войсками в конце 1917 – начале 1918 г. ничего не говорится. Напротив, Валидов пишет, что башкиры «предпочитали ни во что не вмешиваться»⁷⁴. Последние научные исследования по данному вопросу подтверждают слова А.-З. Валидова. Башкирские отряды, по крайней мере, подконтрольные национальному правительству, не участвовали в боях между красногвардейцами и оренбургскими казаками⁷⁵.

Ожесточенная война в Оренбуржье стала для Башкирского правительства весомым аргументом в пользу важности создания вооруженных сил для укрепления власти в регионе. В разгар боев под Оренбургом, 5 января 1918 года в Бурзян-Тангауровский кантон отправилась специальная группа, делегированная Башкирским правительством для формирования 1-го Башкирского полка. В нее вошли, помимо гражданских лиц, несколько офицеров, в том числе А. Карамышев⁷⁶, Х. Бишев, Г. Мрясов, Г. Магазов, Г. Идельбаев⁷⁷. К ним присоединились бежавшие из Орска польские офицеры (Бритц, Столбовский и другие)⁷⁸. В связи с отсутствием бюджетных средств на военные расходы, было решено приступить к экспроприации имущества частных предприятий Бурзян-Тангауровского и других кантонов. Так, на Самакинском спиртзаводе офицеры, от имени башкирских властей, изъяли запасы водки (впоследствии реализованной на сумму около 500 тысяч рублей). На приисках башкиры овладели 8 пудами золота и 17 пудами серебра⁷⁹. Эмиссары Башкирского правительства позаботились и о продовольствии – им удалось собрать до 70 тысяч пудов хлеба⁸⁰. Все эти средства позволяли довольно длительное время обеспечивать формирующиеся башкирские части.

Комплектование полка началось из добровольцев. В течение короткого времени в район рабочего поселка Баймак, где шла основная организаторская работа, собирается до 400 человек. Вопрос с оружием был решен с Баймакским Советом рабочих депутатов, согласившимся доставить из Орска 100 винтовок и 30 тысяч патронов на общую сумму 12 тысяч рублей⁸¹.

Однако политические события в Оренбурге совершенно изменяют ситуацию. В городе, после вытеснения атамана Дутова, появляются две параллельные властные структуры: большевистский Оренбургский военревком и дружественный к нему Мусульманский военревком, являвшийся, по сути, прямым наследником Мусульманского военного комитета – представительства Харби Шура в Оренбурге. Как уже говорилось выше, у данной организации были претензии к Башкирскому правительству по вопросам создания территориальной автономии и национальных войск. Получив атрибуты «революционной власти», Мусвоенревком обвинил Башкирское правительство в связях с Дутовым и распорядился арестовать его членов «как участников контрреволюции»⁸². Что и было сделано. Большевики поддержали это решение, т.к. меры по недопущению появления национальных государственных образований, по сути, согласовывались с принципиальной позицией руководства партии. Так, на III Съезде Советов (январь 1918 года) наблюдавший за выступлением наркома по национальным делам Сталина правый эсер Львович заметил, что вся его речь была «пропитана централистской политикой, которая сквозит в каждом его слове»⁸³. В тот период времени большевистские лидеры (несмотря на принятие ими знаменитой «Декларации прав народов России») не видели необходимости федерализации своего государства по национально-территориальному принципу и в национальном вопросе действовали довольно небрежно и прямолинейно. Например, им не удалось также найти общий язык и с казахским национальным движением «Алаш-Орда», которое, не видя реальных перспектив сотрудничества с новой властью, все больше сближалось с ее противниками. «Просветление» к большевикам пришло гораздо позже...

В изменившихся условиях Баймакский отряд оказался в затруднительном положении. Ситуация обострилась из-за

появившейся (не без помощи Мусульманского военревкома) информации о том, что башкирские офицеры, в союзе с Дутовым, готовят вооруженное восстание против советской власти, и одним из его орудий должен стать формирующийся полк в Баймаке⁸⁴. Кроме того, баймакская группа сама заявила о себе, в угрожающей форме потребовав немедленного освобождения членов Башкирского правительства⁸⁵.

Значительную роль в эскалации конфликта сыграла сильная нервозность местных большевистских руководителей, опасавшихся всеобщего антисоветского восстания. Так, например, они попытались разоружить нейтрально настроенный 11-й Уральский казачий полк, возвращавшийся с фронта. Совершенно неоправданное вооруженное столкновение красногвардейцев и казаков, закончившееся разгромом первых, еще более усилило агрессивность большевиков и антисоветские настроения среди казачьего населения⁸⁶. Определенные опасения вызывали и события в Казани, где разворачивались вооруженные силы под руководством Харби Шура.

Неудивительно, что председатель Оренбургского военно-революционного комитета С. Цвиллинг 16 февраля отдал приказ Баймакскому Совету об аресте башкирских деятелей и разоружении отряда⁸⁷. В тот же день предназначенные для башкир винтовки раздали рабочим Самакинского завода.

Следует отметить, что молодые башкирские руководители действовали очень легкомысленно: с одной стороны, своим ультиматумом они окончательно настроили против себя оренбургские власти, с другой – в условиях приближающегося конфликта не предприняли элементарных мер безопасности. Расплата за это была очень жестокой. Ночью рабочие неожиданно атаковали фактически безоружный отряд, схватили офицеров и гражданских уполномоченных Башкирского правительства.

Амир Карамышев, занимавшийся в это время вербовкой новобранцев, возвратился и с помощью башкир прилегающих деревень окружил Баймак. Телефонные и телеграфные линии были перерезаны. Вооруженные вилами, дубинками и отчасти охотничьими ружьями, башкиры не имели сил для штурма, а рабочие не решались покинуть свои укрепления в Баймаке. На требования А. Карамышева сложить оружие и выпустить арестованных,

Баймакский Совет ответил отказом. Трехдневная осада прервалась 21 февраля с прибытием из Орска отряда во главе с Н. Барановым⁸⁸. Всю ночь красногвардейцы подвергали арестованных всевозможным издевательствам, а 22 февраля шесть офицеров (Г. Идельбаев, Г. Магазов и четыре поляка) и пятнадцать гражданских лиц были расстреляны (по другим данным – пять поляков и двенадцать башкир)⁸⁹. Арестованные солдаты-башкиры (до 60 человек, остальные сумели бежать) были освобождены и отправлены по домам, правда, десять из них были вновь задержаны мародерствующими красногвардейцами и расстреляны⁹⁰.

Резонанс вокруг баймакской трагедии был очень велик. Пожалуй, это событие сыграло большую роль, чем арест башкирских деятелей в Оренбурге в переходе Башкирского правительства на сторону антибольшевистских сил. В обращении к народу башкирские лидеры очень эмоционально оценивали события конца февраля 1918 года: «войска наши ... путем обмана и измены распущены, уничтожены. Начальников наших войск Абдуллу Идельбаева, Гимрана Магазова ... расстреляли ... Разграбили собранные нами 70 тысяч пудов хлеба, отняли у нас 8 пудов золота и 17 пудов серебра ... Разграблено и растрачено ... до 500 тысяч рублей башкирских денег»⁹¹. Участники баймакского расстрела тщательно разыскивались во второй половине 1918 года Башкирской военно-следственной комиссией. Так, по подозрению в причастности к расстрелу в ноябре 1918 года был арестован некий М. Марфин. После долгих разбирательств подследственный был признан виновным и передан в военно-полевой суд при Штабе Башкирского войска⁹². Одновременно с поисками виновников тех трагических событий Башкирское правительство позаботилось о героизации Г. Идельбаева и Г. Магазова, а именем первого был даже назван Башкирский Добровольческий полк (позже – 2-й Башкирский кавалерийский полк).

Избежавшие ареста Карамышев, Бритц, Бииншев и другие приступили к формированию партизанских отрядов. Параллельно с разрастанием партизанского движения в горах Южного Урала происходит активизация антибольшевистского сопротивления уральского и оренбургского казачества. По словам историка Н.Е. Какурина, «в начале марта 1918 года оренбургские и уральские

степи покрылись мелкими партизанскими отрядами, в этих степях началась длительная полупартизанская, полурегулярная война с переменным успехом для обеих сторон»⁹³. В это время казачьи отряды оперировали в районе Троицка и Орска, нанося чувствительные удары советским властям. Башкирские партизаны действовали сообща с казаками. По утверждению Г. Гая, «в этот период особой жестокостью против Советов отличалась белая башкирская конница (под командованием ротмистра Карамышева)»⁹⁴.

Деятельность башкирских партизан причиняла Оренбургскому военревкому большие неприятности. 5 марта 1918 года большевики выпустили ультимативное заявление, адресованное башкирскому населению. В нем говорилось: «Башкиры Орского и Оренбургского уездов ... формируют отряды вместе с офицерами, юнкерами и всякой сволочью против Советской народной власти ... Ревком приказывает башкирам и их организациям немедленно разоружаться, сдавать все оружие местным Советам и красногвардейцам», выдать властям укрывающихся «офицеров и юнкеров, прекратить разбойничьи набеги». В противном случае губвоенревком угрожал расстрелять арестованных членов Башкирского правительства, а «все башкирские селения, заподозренные в противодействии Советской власти будут сметены с лица земли артиллерией и пулеметами»⁹⁵. Столь грозное предупреждение, видимо, не возымело действия. Поэтому, С. Цвиллинг предложил заключенному в оренбургской тюрьме А.-З. Валидову написать приказ о роспуске всех повстанческих отрядов, но тот ответил отказом⁹⁶.

Аналогичные угрозы Оренбургский военревком адресовал и казачеству, предупредив, что если «какая-нибудь станица окажет содействие контрреволюционным партизанским отрядам», то она «будет уничтожаться беспощадно артиллерийским огнем»⁹⁷. Чуть позже большевики пообещали за каждого убитого красногвардейца казнить сто казаков. Свои угрозы они подкрепили и делом – только на территории 1-го военного округа было сожжено 11 «непокорных» станиц⁹⁸.

В ночь с 3 на 4 апреля казаки и башкиры организовали нападение на Оренбург. Гарнизон города в несколько раз превосходил нападавшую сторону (5 тысяч красногвардейцев против 700 всадников), но благодаря эффекту неожиданности нападавшие

сумели разметать разрозненные красные силы, захватить вокзал и прорваться к центру города. Башкирские партизаны освободили своих лидеров и вместе с казаками ушли из города.

Разрастание партизанского движения вынуждало большевиков организовывать профилактические мероприятия среди башкирского населения. В частности, осуществлялось изъятие оружие и наложение штрафов на тех, кто отказывался добровольно расставаться со своим вооружением⁹⁹. Многие такие акции сопровождались серьезными перегибами со стороны красногвардейцев. Например, 9 апреля в деревню Серменево Тамьян-Тангауровской волости прибыл красногвардейский отряд, бойцы которого «подняли крик, выражались по адресу всех, кто попадется скверно матерными словами, начали палить из винтовок и револьверов в воздух, крича «перебьем всех башкир!». Поведение красной дружины вызвало шок даже у членов волостного Совета рабочих и крестьянских депутатов¹⁰⁰.

В апреле-мае 1918 года образуются центры по формированию башкирских отрядов в Тамьян-Катайском, Бурзянском, Яланском и других кантонах. Непосредственное руководство ими осуществляли офицеры А. Бишишев, А. Карамышев и Г. Таганов¹⁰¹. Нехватка оружия и других военных средств сильно затрудняла организацию отрядов, а потому большой угрозы для советской власти в Южно-Уральском регионе повстанцы не представляли. В то же время уничтожение башкирских партизан красными частями было очень проблематично – поиск затруднялся горной местностью, покрытой густыми лесами. Оренбургские казаки также активизировали свою деятельность – к лету 1918 года численность повстанцев выросла до 6 тысяч человек.¹⁰² Кроме того, поздней весной 1918 года Башкортостан охватили крестьянские восстания. Это в некоторой степени облегчило положение башкир и казаков, т.к. теперь часть сил большевиков была отвлечена на подавление выступлений крестьян.

В целом, состояние башкирских отрядов можно назвать тяжелым. Несмотря на их большую маневренность и благоприятные условия местности, военное превосходство большевиков было очевидным. Без внешней помощи создание национальной армии не представлялось возможным. В конце мая 1918 года такая помощь

пришла в лице чехословацких легионеров, с выступления которых в России начинается крупномасштабная Гражданская война.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. С. 139, 142-143.
- ² Соколов Д.Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург. 1898. Вып. 4. С. 48, 60; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Кн. 1. С. 359.
- ³ Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964. С. 10.
- ⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Т.4. Ч. 2. С. 491-492, 497; Усманов А.Н. Башкирский народ..., С. 13.
- ⁵ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Ответ. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа, 1997. С. 343; Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой четверти XVIII в. // «Исторические записки». Т. 68. С. 228.
- ⁶ Акманов И.Г. Башкирские восстания. Уфа, 1993. С. 90-221.
- ⁷ Там же. С. 102, 146-147, 223.
- ⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 25. № 18477
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ История Башкортостана..., С. 355.
- ¹¹ Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Исторический очерк. Оренбург, 1862. С. 128-131; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 64-65.
- ¹² Усманов А.Н. Башкирский народ..., С. 19.
- ¹³ История Башкортостана..., С. 393-397; Асфандияров А.З. Народы Башкирии в Отечественной войне 1812 года с приложением списка воинов полков с указанием наград и местожительства // «Любезные вы мои ...». Под ред. А.З. Асфандиярова. Уфа, 1992. С.20, 30-63.
- ¹⁴ История Башкортостана..., С. 358.
- ¹⁵ Асфандияров А.З. Указ.соч. С. 351-352.
- ¹⁶ ЦГИА РБ. Ф. 10077. Оп. 1. Д. 1. Л. 10-11; Ф. 6. Оп. 1. Д. 7151. Л. 1-2.
- ¹⁷ Бауман Р.Ф. Подвластные народы на военной службе Российской империи на примере башкир // «Любезные вы мои ...». Под ред. А.З. Асфандиярова. Уфа, 1992. С. 126-127; Асфандияров А.З. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. Ч.2. С.133-135.
- ¹⁹ Бауман Р.Ф. Указ. соч. С. 133-135.
- ²⁰ Там же. С. 137.
- ²¹ Квитке А. Заметки о башкирском конном полку // Военный сборник. 1882. № 6. С. 316- 317.

- ²² Афанасьев В. О башкирском конном полку // Военный сборник. 1882. № 8. С. 328-329.
- ²³ Квитке А. Указ. соч. С. 316.
- ²⁴ Ионенко И.М. Борьба большевиков Казани за управление войсками и проведение демобилизации старой армии в Казанском военном округе (ноябрь 1917 – февраль 1918) // Из истории классовой борьбы и общественной мысли в Поволжье и на Урале. Казань, 1962. С. 5-46.
- ²⁵ Тагиров И.Р. Революционная борьба и национально-освободительная борьба в Поволжье и на Урале. Казань, 1977. С. 122.
- ²⁶ Гизатуллин И.Г. Мусульманские военные организации (1917 -1921 гг.). Казань, 2002. С.58,59.
- ²⁷ Подготовка и проведение Великой Октябрьской Социалистической Революции в Башкирии (февраль 1917 г. – июль 1918 г.). Сборник документов и материалов. Ответ. ред. З.А.Аминев. Уфа, 1957. С. 63, 70.
- ²⁸ Алмаева Л.М. Деятельность большевиков Южного Урала по осуществлению ленинской национальной политики в 1917-1920 гг. // Некоторые вопросы партийного руководства революционным движением и социалистическим строительством. Челябинск, 1981. С. 99.
- ²⁹ Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории национального вопроса в России и СССР в XX веке. Т. 3. М., 1930. С. 294-299.
- ³⁰ Сагадиев А.В. Мирсаит Султан-Галеев и идеология национально-освободительного движения. Научно-аналитический обзор. М., 1990. С. 124.
- ³¹ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995. С. 181.
- ³² Революция и национальный вопрос ..., С. 312-314.
- ³³ Макарова Г.П. Из истории национально-освободительного движения в России в 1917 г. Восточные районы. М., 1970. С. 135.
- ³⁴ Первая Конституция крымско-татарского народа (1917) // Отечественная история. 1999. № 2. С. 112.
- ³⁵ Кручинин А.С. Крымско-татарские формирования в Добровольческой армии. История неудачных попыток. М., 1999. С. 21-22; Дерябин А. Гражданская война в России. 1917-1922: Национальные армии. М., 1998. С. 34.
- ³⁶ Исхаков С.М. Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть в Поволжье и на Урале (октябрь 1917 - лето 1918 гг.) // Отечественная история. 1999. № 1. С. 51.
- ³⁷ Исхаков С. М. Вместе или порознь: тюрки-мусульмане в российской армии в 1914-1918 гг. // Режим доступа: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=592&section=0&heading=0>
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Исхаков С.М. Октябрьская революция..., С. 51-52.
- ⁴⁰ Идельгужин К. Башкирские движения (1917, 1918, 1919 гг.). Уфа, 1926. С. 339.
- ⁴¹ Разложение армии в 1917 году (Центральный архив. 1917 год в документах и материалах). М.-Л., 1925. С. 85.

- ⁴² Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1918 – лето 1918 гг.). М., 2004, С.431,432.
- ⁴³ Там же. С.439.
- ⁴⁴ Русские ведомости. 1918. 26 января.
- ⁴⁵ Русские ведомости. 1918. 31 января.
- ⁴⁶ Красная летопись. № 4. 1930. С. 253.
- ⁴⁷ Гизатуллин И.Г. Защита завоевания Октября (Центральная мусульманская военная коллегия. 1918-1920.). М., 1979. С. 45-46.
- ⁴⁸ Зеньковский С.А. Пантюркизм и ислам в России // Башкирское национальное движение 1917-1920 гг. и А. Валиди. Зарубежные исследования. Уфа, 1997. С. 77-80.
- ⁴⁹ Там же. С. 86
- ⁵⁰ Кручинин А.С. Указ. соч. С. 22-23; Зеньковский С.А. Указ. соч. С. 77.
- ⁵¹ Дерябин А. Указ соч. С. 34.
- ⁵² Кручинин А.С. Указ. соч. С. 22.
- ⁵³ Известия. 1918. 26 февраля.
- ⁵⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа, 1959. С. 182, 373.
- ⁵⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 7. Л. 99.
- ⁵⁶ Карр Э. Несколько заметок о Советской Башкирии // Башкирское национальное движение 1817-1920 гг. и А. Валиди. Зарубежные исследования. Уфа, 1997. С. 46.
- ⁵⁷ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 7. Л. 99.
- ⁵⁸ 18 февраля 1919 года..., С. 4.
- ⁵⁹ Касимов С.Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917-1925 гг.). Уфа, 1997. С. 60-72; Муртазин М.Л. Указ. соч. С. 53-63; Тоган З.В. Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994. С. 196-197, 204-205, 217-219.
- ⁶⁰ Исключением являлась часть аргаяшских башкир, примыкавших к известной семье Курбангалиевых, выступившей против территориальной автономии Башкортостана, ограничиваясь требованием культурно-национальных рамок.
- ⁶¹ Тоган З.В. Указ. соч. С. 259.
- ⁶² Этнополитическая мозаика в Башкортостане. Т. II. С. 70, 71; Муртазин М.Л. Указ. соч. С. 54.
- ⁶³ Типеев Ш. Указ. соч. С. 18.
- ⁶⁴ Тоган З.В. Указ. соч. С. 211.
- ⁶⁵ Типеев Ш. Указ. соч. С. 18.
- ⁶⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 7. Л. 103-104.
- ⁶⁷ Там же. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 172. Л. 1.
- ⁶⁸ Этнополитическая мозаика в Башкортостане. Т II. С. 82.
- ⁶⁹ Тоган З.В. Указ. соч. С. 213; Муртазин М.Л. Указ. соч. С. 63.
- ⁷⁰ Этнополитическая мозаика в Башкортостане. Т. II. С. 82.
- ⁷¹ Там же. С.84; Тоган З.В. Указ. соч. С. 217.
- ⁷² Раимов Р.М. Указ. соч. С. 146.

- ⁷³ Аминев З.А. Указ. соч. С. 212; Юлдашбаев Б.Х. Национальный вопрос в Башкирии на первом этапе советского национального государственного строительства // Исторические записки. 115. М., 1987. С. 55.
- ⁷⁴ Тоган З.В. Указ. соч. С. 220.
- ⁷⁵ Касимов С.Ф. Указ. соч. С. 73, 74; Кульшарипов М.М. Указ. соч. С. 41-42.
- ⁷⁶ З. Валидов в своих «Воспоминаниях» указывает, что в отправленной группе находился Мухтар Карамышев, тогда как известно о деятельности в Бурзян-Тангауровском кантоне его родного брата – Амира Карамышева. Не исключена вероятность того, что оба занимались одним делом.
- ⁷⁷ Тоган З.В. Указ. соч. С. 196.
- ⁷⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 5. Л. 75.; Типеев Ш. Указ. соч. С. 24.
- ⁷⁹ Раимов Р.М. Указ. соч. С. 156; Тоган З.В. Указ. соч. С. 222.
- ⁸⁰ Раимов Р.М. Указ. соч. С. 156.
- ⁸¹ Типеев Ш. Указ. соч. С. 27.
- ⁸² Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.1. Уфа, 2002. С.302.
- ⁸³ Злоказов Г.И. Всероссийские съезды Советов в политической системе страны 1917-1918 годы // Общественные организации в политической системе России 1917- 1918 годов. М., 19191. С.38,39.
- ⁸⁴ ЦГИА РБ. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 65. Л. 25 об.
- ⁸⁵ Атнагулов С. Башкирия. М.-Л., 1925. С. 59.
- ⁸⁶ Лесевицкий Н. Борьба за Оренбург и Орск в 1917-1919 гг. // Сборник трудов Военно-исторического общества при Военной Академии. Кн. 4. М., 1923. С.67.
- ⁸⁷ Типеев Ш. Указ. соч. С. 27-28.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ ЦГИА РБ. Оп. 1. Д. 6. Л. 7; Идельгужин К. Указ. соч. С. 55.
- ⁹⁰ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.1. С.337.
- ⁹¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 5. Л. 54-55.
- ⁹² ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 6. Л. 4,5,7,9,11,13,14-19,24,42.
- ⁹³ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Том первый: 1917-1918 гг. Изд. 2-е. М., 1990. С. 171.
- ⁹⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 575. Л. 13.
- ⁹⁵ Там же. Д. 393. Л. 92.
- ⁹⁶ Тоган А.З. Указ. соч. С. 224.
- ⁹⁷ Войнов В. Атаман Дутов и трагедия Оренбургского казачества // Рифей. Уральский краеведческий сборник. Челябинск, 1990. С.75.
- ⁹⁸ Ганин А.В. Александр Ильич Дутов // Вопросы истории. 2005. № 9.С.72.
- ⁹⁹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д.284. Л.6.
- ¹⁰⁰ Там же. Л.12.
- ¹⁰¹ Тоган А.З. Указ. соч. С. 230, 233, 239.
- ¹⁰² Ганин А.В. Указ. соч. С. 72.

ГЛАВА II

Создание национальной армии

(июнь-август 1918 года)

На первых фронтах

Восстание чехословацкого корпуса в конце мая 1918 года всколыхнуло всю Россию. Антибольшевистские силы в стране получили возможность выйти из подпольного и полуподпольного положения и активизировать свои действия. С помощью чехословацких штыков до начала июня ими были заняты Мариинск, Новониколаевск (Новосибирск), Нижнеудинск, Челябинск, Пенза, Сызрань, Кузнецк и другие города¹. Значительная часть территорий Сибири, Урала и Поволжья оказалась в руках белых сил.

Для Башкирского правительства открылись многообещающие перспективы: чехословацкий национальный совет был известен своими демократическими взглядами на государственно-политическое развитие национальных регионов России. А в Сибири и Поволжье борьбу с «пролетарской диктатурой» возглавили представители эсеров и меньшевиков, которые положительно рассматривали идею создания территориальных автономий и исключали большевистский максимализм при разрешении социально-экономических, общественно-политических и национальных проблем.

В последних числах мая 1918 года в Челябинске, где располагалась штаб-квартира чехословаков, прибыла небольшая группа башкирских деятелей во главе с А.-З. Валидовым. Чехословацкие руководители отнеслись к ним благосклонно, пообещав оказать возможную помощь, а пока выделили Башкирскому правительству здание в центре города и предоставили услуги телефонной и телеграфной связи².

Одной из первостепенных задач Башкирского правительства стало воссоздание военного отдела – первичной структуры будущего Башкирского войска. Для налаживания работы военного отдела Валидов вызвал в Челябинск своих товарищей-офицеров, которые до этого времени скрывались в Уральских горах: Г. Таганова, Г. Мухамедьярова, У. Терегулова и некоторых других. 1 июня Башкирское правительство выпустило обращение к башкирам, в котором прозвучал прямой призыв к борьбе с Советской властью. Для осуществления победы над большевиками башкирские лидеры заявили, что ими организуются «регулярные ... полки, из которых...» будут созданы «хорошо вооруженные, хорошо одетые и подчиненные определенно твердой дисциплине войска»³.

Одновременно с восстановлением Башкирского правительства при военном отделе учреждается Башкирский военный совет (известный также под названием «Штаб Башкирского войска»), ставший высшим распорядительным органом всех вооруженных формирований башкир. Формально военный отдел являлся вышестоящей структурой, однако в действительности он отходит на второй план – все принципиальные решения принимались на уровне совета.

По вопросу организации Башкирского военного совета (далее – БВС) имеются противоречивые данные. Из «Воспоминаний» А.-З. Валидова следует, что именно им как заведующим военным отделом, был основан БВС по приезду в Челябинск. Другой участник тех событий – Г. Таганов пишет совершенно обратное. По его словам, после выступления чехословаков, «три офицера из башкир, образовав Башкирский Военный Совет, приступили к вербовке добровольцев в Челябинске», и лишь «через месяц прибыл Валидов и объявил деятельность Башкирского правительства возобновленной»⁴. Ясность в этот вопрос могут внести только документальные материалы, освещающие деятельность БВС с момента его появления. Действительно, А.-З. Валидов, в течение всего июня 1918 года не фигурирует в приказах БВС. Должность председателя исполнял А. Габитов, заместителя председателя – Г. Таганов, секретаря – У. Терегулов⁵. Видимо, это и были те самые «три офицера», о которых писал позднее Г. Таганов. В то же время, в списке должностных лиц БВС председателем с 1 июня числился Валидов,

заместителем председателя – Габитов, а Таганов вообще фигурирует как рядовой член⁶. Возможно, эта погрешность ввела в заблуждение историков, упоминавших в своих трудах о руководящем звене БВС. На самом деле А.-З. Валидов выступает в качестве председателя БВС только с середины июля 1918 года и вплоть до его реорганизации⁷. Другими словами, Валидов напрямую не руководил БВС в июне и, вероятно, первой половине июля 1918 года. Поэтому мы не можем согласиться с выводами Б.Х. Юлдашбаева, М.М. Кульшарипова и С.Ф. Касимова, полагающих, что А.-З. Валидов изначально возглавил данный орган⁸. Вместе с тем нельзя полностью принять утверждение Г. Таганова об устраненности башкирского лидера от всех военных мероприятий до июля 1918 года. Очевидно, что Валидов, будучи заведующим военным отделом, если формально и не возглавлял, то наверняка курировал БВС на начальном этапе его деятельности.

В число членов БВС вошло несколько гражданских и военных лиц. Помимо названных трех офицеров, в БВС служили А. Иркбаев, М. Гисмати и Г. Мухамедьяров. В течение июня произошло расширение штатов за счет приема Биккулова, Бритца, Магасумова, Анциферова и Курбангалиева⁹. В июле происходит дополнительный набор 16-ти членов: Мухлио (старший адъютант), Туймакаева (командир 1-го Башкирского пехотного полка), Амира Карамышева (командир 1-го Башкирского кавалерийского полка), Еникеева (командир 4-го Башкирского пехотного полка), Шарипова (председатель 3-й военно-врачебной комиссии), Бикметова (член 3-й военно-врачебной комиссии), Халила Терегулова (заведующий мобилизационным отделом), Мавлютова (помощник заведующего мобилизационным отделом), Терегулова (командир 3-го Башкирского пехотного полка), Расулева (исполняющий специальные поручения председателя), Сулова (младший адъютант по строевой части), Султанова (исполняющий дела заведующего отделом юстиции Башкирского правительства и председатель военно-следственной комиссии), Мухтара Карамышева (временно исполняющий должность инспектора Башкирского войска и временно исполняющий должность заведующего оружием), Попеню (делопроизводитель административного отдела) и Иголко (делопроизводителя хозяйственного отдела)¹⁰. В августе в БВС

приняли еще несколько человек, и в итоге его численность достигла 32 членов¹¹.

Расширение штата БВС было связано с ростом башкирских частей в июне-августе 1918 года. Для более удобного управления войсками БВС был поделен на семь отделов: строевой, хозяйственный, интендантский, мобилизационный, судный, артиллерийский и инженерный¹². Главным из них являлся строевой отдел, т.к. в нем сосредоточились ключевые посты командующего Башкирским войском, начальника штаба и старшего адъютанта. Остальные отделы исполняли вспомогательные функции (см. Приложение № 1). Однако штатное расписание БВС не совсем соответствовало его реальному составу. Так, например, оставались незанятыми должности командующего и начальника штаба Башкирского войска, фактически отсутствовал инженерный отдел, в плохом состоянии находились интендантский, судный и артиллерийский отделы. Лишь к концу лета 1918 года БВС был окончательно укомплектован офицерами и необходимыми специалистами.

В кадровых назначениях башкирское руководство старалось привлечь представителей мусульманских народов. Из тридцати двух членов БВС к началу августа лишь семеро являлись немусульманами. В дальнейшем председатель БВС из-за острой потребности в профессиональных работниках принял значительное число служащих немусульманского происхождения¹³.

Через БВС проходили практически все военные дела, начиная с мобилизации населения и заканчивая управлением башкирскими частями. Июнь 1918 года – период становления БВС – стал самым тяжелым месяцем для его служащих, работавших на пределе своих возможностей. По словам А.-З. Валидова, в «...Челябинске ... не было нормальных условий для работы. День ото дня...» приходилось преодолевать трудности, а «трудились все сутками»¹⁴. Упорядоченная документация деятельности БВС начинается только с середины июля, когда стали выходить первые последовательные приказы¹⁵. До этого времени БВС ограничивался отдельными распоряжениями и предписаниями¹⁶.

Большое место в деятельности БВС занимала мобилизация населения в национальные войска. Призыв башкир на военную

службу проходил в несколько этапов. Некоторые разногласия вызывает дата начала первого этапа мобилизации башкирского населения. По А.-З. Валидову, этой датой являлось 1 июня 1918 года, когда «была объявлена в некоторых башкирских волостях Челябинской губернии частичная мобилизация»¹⁷. С.Ф. Касимов в своей монографии подтверждает информацию Валидова¹⁸. Такого же мнения придерживается М.М. Кульшарипов¹⁹.

По нашему мнению, считать началом мобилизации башкирского населения в национальные части 1 июня не совсем верно, т.к. первый документ о призыве башкир на военную службу под названием «Фарман № 217» датируется 13 июня²⁰. Предыдущие попытки призвать население, скорее, носили агитационно-пропагандистский характер, т.к. для приема новобранцев пока не было необходимых условий.

Общий план мобилизации был рассчитан на шесть этапов. В соответствии с «Кратким Мобилизационным Планом Башкирского военного Шуро» от 18 июня 1918 года мы составили нижеприведенную таблицу.

Таблица № 1

План мобилизации башкирского населения в июне-декабре 1918 г.

№ этапа	Наименование мест, подлежащих мобилизации	Число прожив-го башкирского населения	Число подлежа-их призыву
1	Щадринский уезд	27 655	550
	Екатеринбургский уезд	9 377	200
	Троицкий уезд	15 000	300
	Челябинский уезд	70 000	1 400
		121 982	2 450
2	Златоустовский уезд	49 721	995
	Красноуфимский уезд	12 981	260
	Уфимский уезд (Иглинская, Иленская, Булекей-Кудейская, Урман-Кудейская		

	волости)	21 028	421
		83 730	1 676
3	Оренбургский уезд	65 000	13 000
	Бузулукский уезд (Юрман-Табынская вол.)	15 000	300
		80 000	1 600
4	Верхнеуральский уезд	53 000	1 060
5	Стерлитамакский уезд	100 305	2 006
	Уфимский уезд (Бишаул-Унгаровская и Биштекинская волости)	11 524	230
		111 829	2 236
6	Орский уезд	135 000	2 700
	ИТОГО:	584 541	11 722
Сост. по: ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 291. Л. 1-1 об.			

На первом этапе предполагалось набрать людей в 1-й и 2-й пехотные полки, на втором этапе – в 3-й пехотный полк, на третьем этапе – в 4-й пехотный полк и два эскадрона 2-го кавалерийского полка, на четвертом этапе – в 5-й пехотный полк и два эскадрона 1-го кавалерийского полка, на пятом этапе – в 6-й пехотный полк и четыре эскадрона 1-го кавалерийского полка, на шестом этапе – в 7-й пехотный полк и четыре эскадрона 2-го кавалерийского полка²¹. Все эти части сводились в две пехотные дивизии и одну кавалерийскую бригаду²². Кроме этого, А.-З. Валидов рассчитывал, что башкиры, не проживающие на территории «Малой Башкирии», также будут мобилизованы. Из них планировалось создать пополнение основным силам Башкирского войска. К дополнительно мобилизуемым территориям относились Белебеевский (4260 призывников), Бирский (4657 призывников), Осинский (876 призывников), Мензелинский (3086 призывников) уезды. Из Самарской губернии призывались 1200 человек²³.

В общей сложности в национальные части привлекались четыре призывных возраста, составлявших около 18 тысяч человек, а до 1922

года предполагалось призвать еще 13 тысяч башкир.²⁴ Из некоторых тюркоязычных народов, проживавших на территории республики, - казахов, мишарей, тептярей - планировалось сформировать отдельные части и ввести их в башкирские войска²⁵.

Реализация 1-го этапа «Мобилизационного плана», как уже было сказано, началась с фармана № 217 военного отдела Башкирского правительства. «На защиту родной Башкирии от власти насильников» принимались башкиры 1915-1918 гг. призыва. Объявленная мобилизация распространялась на 14 волостей Аргаяшского кантона (территория Челябинского, Щадринского и Екатеринбургского уездов)²⁶. Призывников строжайше обязывали явиться на железнодорожную станцию Аргаяш, а уклоняющимся от воинской службы грозило наказание «по всей строгости закона военного времени»²⁷. Позже к фарману вышло специальное разъяснение, в котором оговаривались условия освобождения от службы в армии. Так, отсрочку получали призывники, чьим отцам было более 56 лет или чьи братья были младше 17 лет. В данном случае в БВС представлялась соответствующая справка от местного муллы, заверенная волостной управой. Всем недееспособным по состоянию здоровья от 17 до 56 лет следовало немедленно пройти перерегистрацию на призывном пункте²⁸. Все так называемые «белобилетники» приглашались на станцию Аргаяш для переосвидетельствования, «за исключением духовенства, учителей и фельдшеров, состоящих на службе и имеющих соответствующие документы»²⁹. В начале августа БВС обнародовало еще одно «Разъяснение к фарману № 217». В нем говорилось, что башкиры непризванных деревень могут принять участие в формировании национальных войск. Для этого им требовалось «проголосовать на общем собрании и вынести решение о прохождении службы в башкирской армии»³⁰.

Столь тщательная доработка фармана № 217 говорит о важности, придаваемой ему башкирскими деятелями. Этот приказ стал главным руководящим документом по проведению мобилизации башкирского населения. Последующие фарманы носили дублирующий характер, и единственным их отличием был призыв новых волостей. Примечательно, что Самарское правительство (Комуч) выпустило первый приказ о мобилизации населения только 30 июня, а

Сибирское правительство приступило к организованному призыву лишь в первой половине июля 1918 года. В это же время объявил о мобилизации оренбургских казаков атаман Дутов.

Таким образом, в антибольшевистском лагере Урало-Поволжского региона и Сибири Башкирское правительство оказалось первым, приступившим к всеобщей мобилизации в армейские части.

Однако с самого начала процесс мобилизации пошел не совсем гладко. Неровность организаторской работы БВС не позволила мобилизационному отделу уложиться в срок. В конце июня БВС выпустил предписание о том, что если башкиры «по какой-то причине не явились на сборный пункт ... то всем» следует подойти «к 1 июля к 10 часам на сборный пункт в гор. Челябинск»³¹. Начавшаяся война привела к полному политическому хаосу и пока лишь косвенно затронула социально-экономические интересы населения Уральского региона, в том числе, башкир, поэтому многие из них медлили с приходом на призывной пункт. Эту нерешительность укрепляли распространявшиеся слухи о том, что башкирские части бросают на войну против Германии и на защиту старых дореволюционных порядков. Неслучайно представители правительства выступали с обращениями к своим солдатам с разъяснением смысла их борьбы на стороне белого лагеря³². Очевидно, что политическая работа среди призывников и в войсках велась систематически. Видимо, были и те, кто по разным причинам негативно относился к призыву в армию.

Затягивание мобилизации побудило БВС 6 июля выпустить более жесткое распоряжение: «Предупреждаем башкирское население, что никакие отлагательства недопустимы и будут караться посылкой отрядов из чехословаков, башкир и казаков, зачинщики отлагательства и уклонения будут расстреляны»³³.

Сложная ситуация с мобилизацией усугублялась наличием в Аргаяшском кантоне красногвардейских отрядов, препятствовавших организационной деятельности Башкирского правительства. В кантоне происходили вооруженные столкновения между эмиссарами БВС и большевиками³⁴. В одном из таких столкновений погиб уполномоченный Башкирского правительства прапорщик Халиков³⁵.

Продолжением 1-го этапа мобилизации стали фарманы №№ 222 и 284. По первому объявлялся призыв Итчинской, Катайской, Сарт-

Калмыцкой, Карасеевской и Сарт-Абдрашитовской волостей. Сбор призывников назначался на 4 июля в г. Челябинск³⁶. Второй охватил четыре волости Троицкого уезда (Сызгинскую, Тунгатаровскую, Мулдаковскую и Байсаковскую), а явка новобранцев была определена на 15 июля в г. Миасс³⁷.

Во второй половине июля БВС пытался решить вопрос с мобилизацией башкир Уфимского, Стерлитамакского и Белебеевского уездов, добиваясь у Самарского правительства (Комуч) соответствующего разрешения. К концу июля башкирскому руководству удалось получить одобрение на осуществление призыва некоторых волостей Уфимского уезда³⁸. Относительная равномерность июльского призыва свидетельствует об исправлении БВС недочетов прошлого месяца – мобилизация становится гораздо более последовательной.

Начало формирования башкирских регулярных частей непосредственно связано со становлением Белой армии в Сибири. К 1 июня было оформлено ядро сибирских войск в виде 1-го Новониколаевского полка, состоявшего, в основном, из офицеров³⁹. На помощь сибирцам чехословацкое командование направило две роты и два отдельных отряда, насчитывающих 600 солдат и офицеров. С середины июня 3,5-тысячную Сибирскую армию возглавил полковник А. Гришин-Алмазов⁴⁰. На заседании Сибирской областной думы командующий заявил, что армия будет создана на основах строгой дисциплины, без каких-либо комитетов, съездов, без ограничения прав командиров и в строгом подчинении правительству⁴¹.

По согласованию с чехословаками и сибирским командованием в рядах рождающейся Сибирской армии началось формирование первого башкирского военного подразделения. 7 июня 1918 года в Челябинске образуется так называемый «Добровольческий мусульманский отряд», численностью до одной роты. Командиром роты являлся подпоручик Миннибаев, младшим офицером – прапорщик Шагабутдинов, а возглавлял отряд поручик Туймакаев. Подразделение целиком состояло из добровольцев, часть из которых, по нашему предположению, были боевиками партизанских отрядов. В некоторой степени это подтверждается замыслами А.-З. Валидова преобразовать разрозненные добровольческие отряды башкир в

регулярные войска⁴². Приток добровольцев проходил довольно активно. Например, 9 июня в отряд прибыло 18 человек, 12 июня – 5 человек и т.д.⁴³ В течение первых дней формирования отряда шло комплектование командных и административных кадров: штабс-капитан Федербуш получил должность командира 1-го батальона, вольноопределяющийся Галиев стал заведовать всем оружием отряда⁴⁴. Военнослужащим отряда устанавливается сетка месячных окладов: штаб-офицеры – 500 рублей, обер-офицеры – 350-400 рублей, командиры взводов – 35 рублей и рядовые – 25 рублей⁴⁵. Появление отряда изначально носило в определенной мере стихийный характер, иначе невозможно объяснить, почему он получил название «мусульманский», а не «башкирский», как было бы в случае его полной принадлежности к БВС. Только через неделю башкирским деятелям удалось взять Добровольческий отряд под свой контроль, и приказом № 6 от 13 июня он был переименован в 1-й Башкирский полк⁴⁶. В оперативном отношении часть подчинялась начальнику Челябинского гарнизона, но все распоряжения БВС исправно выполняла. Благодаря усилиям Башкирского правительства, полк пополнился шестнадцатью офицерами, в том числе полковником Сергеевым (начальник хозяйственной части), подполковником Штином (помощник командира полка по строевой части), штабс-капитаном Глининым (командир 3-й роты), штабс-капитаном Хребетовым (командир 2-й роты), десятью поручиками, одним подпоручиком и двумя прапорщиками⁴⁷. Среди прибывших офицеров все были немусульманского происхождения. Этот факт подтверждается признанием самого А.-З. Валидова, отмечавшего, что «своих офицеров ... было мало»⁴⁸. Видимо, это обстоятельство несколько будоражило некоторых башкирских солдат, желавших иметь «своих» командиров. В ответ на недовольство военнослужащих подполковник Штин, являвшийся вторым лицом в полку после Туймакаева, призвал недовольных подчиняться русским офицерам, угрожая при этом военно-полевым судом⁴⁹. Конфликт оказался несерьезным, т.к. других мер больше не потребовалось. Во всяком случае, новые факты недовольства русскими командирами в документах не зафиксированы.

Разрастание полка до батальонного состава стало, по мнению руководства Башкирского правительства, достаточным поводом для

выделения своей части в Сибирской армии. 14 июня вышло предписание правительства № 218 о введении национальных отличий в военной форме солдат и офицеров 1-го Башкирского полка. Нововведения заключались в прикреплении на левом рукаве нашивки в виде щита синего цвета шириной около 9 см и длиной 11 см. В нижней части щита размещался номер полка, а в середине фиксировался серебряный полумесяц. Над ним устанавливались знаки отличия воинских званий: у офицеров – звездочки (в соответствии со званием), причем у штаб-офицеров они были золотые, обер-офицеров – серебряные. Ефрейторы, младшие и старшие унтер-офицеры нашивали серебряные галуны, а подпрапорщики – золотые галуны. На головном уборе, вместо кокарды крепилась синяя лента по примеру чехословацких войск⁵⁰.

В тот же день для повышения политической и дисциплинарной подготовки солдат БВС выпустил обращение: «Спасение родины и национальных прав Башкирии в наших руках. Большевицкая власть принесла...» много «...страданий и слез нашему родному краю». Башкирское руководство убеждало солдат в том, что белое движение идет по тому же пути, что и башкирское. Ярким показателем этого, по их мнению, являлась поддержка белыми лидерами идеи создания башкирских войск и обеспечение их оружием, денежными средствами. Для укрепления автономии и национальных вооруженных сил БВС предписывал военнослужащим следующее: «1) Точно и беспрекословно подчиняться начальникам, и за последствия отдельных приказаний начальники отвечают по всем строгостям закона. 2) Доблестно исполнять обязанности службы. 3) Отдание чести только в строю и при исполнении служебных обязанностей. 4) Сохранять по отношению к начальнику отдачи чести установленного характера. 5) Не оставлять проступков и упущений подчиненных без последствий. 6) Каждый начальник и старший по отношению к младшему имеет право делать выговор и замечание: 1-е словесное и письменное, 2-е только словесное, а командир части с объявлением в приказе». В подстрочном примечании указывалось, что «лица виновные в нарушении этих правил, должны предаваться суду»⁵¹.

Эти и другие аналогичные мероприятия значительно укрепили ряды башкирских военнослужащих. Порядок в ротах полка достиг

такого высокого уровня, что БВС решил ввести туда бывших красноармейцев, хотя и постарался изолировать их в отдельные взводы⁵².

К 20 июня, благодаря приходу 171 добровольца, командованию полка удалось укомплектовать пятую (командир – подпоручик Черников) и шестую (командир – штабс-капитан Коюненок) роты. Одновременно в полк прибыло десять офицеров, которых определили в новые роты⁵³.

Газета «Башкорт» (печатный орган Башкирского правительства) восторженно сообщала: «Вторая часть мобилизованных молодых башкир... прибыла в город (Челябинск – Т.Р.). Их приподнятый дух способствовал воодушевлению и горожан. Просьбы башкирских джигитов поскорее отправить их на спасение братьев-башкир Щадринского, Екатеринбургского уездов, вслед за ушедшими туда товарищами, поразили всех»⁵⁴.

Боевые действия башкирский полк начал очень скоро. В «Воспоминаниях» Валидова говорится о том, что спустя неделю после начала формирования полка «уже пришлось послать два батальона в направлении Екатеринбурга на помощь чехам»⁵⁵. В самом деле, 14 июня 1918 года часть полка перебрасывается на фронт. Только отправлено было не два батальона, как пишет Валидов, а один в составе двух рот под командованием поручика Минабаева и штабс-капитана Хребтова. Численность батальона равнялась 413 штыкам, а общее командование подразделением осуществлял штабс-капитан Федербуш⁵⁶.

Проводы батальона прошли в торжественной праздничной атмосфере. Как говорилось в той же газете «Башкорт», «улица была запружена народом – горожанами и сельским людом... На пути следования по всей улице шумно раздавались возгласы «Да здравствует Первый башкирский полк!.. Настроение у солдат было приподнятое. Они рвались, хоть сегодня добравшись до места назначения, истребить всех красных. Все горожане были поражены подъемом их настроения...»⁵⁷.

Прибывший на Екатеринбургский фронт башкирский батальон стал ядром так называемого «Султаевского отряда» (по названию села Султаево рядом с Челябинском, где была сформирована ударная группа), в состав которого вошли также челябинская народная рота и

дружины оренбургских казаков. Руководство отрядом взял на себя офицер 1-го Башкирского полка подполковник Штин⁵⁸. В 20-х числах батальон укрепляется несколькими офицерами и одной ротой своего же полка. На фронте башкирские солдаты столкнулись с уже знакомым им противником – дружинами «Боевой Организации Народного Вооружения» (БОНВ), созданными еще в конце 1917 года. Боевики БОНВ хорошо себя зарекомендовали в боях с оренбургскими казаками, башкирскими партизанами и в подавлении антибольшевистских крестьянских выступлений весной 1918 года⁵⁹. В июне основная тяжесть борьбы с белыми силами Уральского региона легла на их плечи.

В это время большевики предпринимали энергичные попытки организовать более-менее стройную оборону. Еще 30 мая в Златоуст прибыла Высшая военная инспекция во главе с Н.И. Подвойским – председателем Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии. Руководитель инспекции приказом от 1 июня объединил многочисленные красногвардейские дружины в 11 отрядов. Чуть позже красная группировка была усилена Эстонским коммунистическим батальоном, отправленным большевиками из Петрограда.

10 июня Н.И. Подвойский со своими помощниками приехал в Екатеринбург, где было принято решение о создании Северо-Урало-Сибирского фронта, части которого в будущем составили третью армию РККА.

Представители центрального командования красных верно прогнозировали, что антибольшевистские силы сконцентрируют свое внимание на екатеринбургском направлении с последующей попыткой взятия города⁶⁰.

Объединенную группировку красных сил (так называемый «Златоустовский участок») возглавил И.М. Малышев. Численность красногвардейцев составляла, по данным большевиков, почти 3,4 тысячи человек⁶¹, по данным белых, – 6 тысяч человек⁶². В любом случае 2-тысячный Султаевский отряд уступал противнику в живой силе.

С середины июня отряд подполковника Штина, являясь главной ударной силой на екатеринбургском направлении, вел тяжелые бои с противником в районе д. Сары. В конечном итоге красные части

были вынуждены отступить к д. Куяш, оставив султаевцам 200 винтовок. Потери башкирского батальона составили 10 убитых, 25 раненых, в том числе командир первой роты подпоручик Минибаев и двое пропавших без вести⁶³. Серия упорных сражений произошла у д. Куяш, где красные потерпели полное поражение и потеряли командующего фронтом, погибшего на поле брани. К тому же были ранены военком группы и командир батареи⁶⁴. К башкирским солдатам, потерявшим всего восемь бойцов, попало большое количество оружия и других трофеев⁶⁵.

Военные неудачи красных усугублялись разложением дисциплины в их рядах. Так, Каштымский военно-революционный комитет телеграфировал в Главный штаб Уральских Сводных отрядов Екатеринбург-Челябинского района: «Ввиду участвовавших случаев бесчинств и хулиганства, чинимых в районе здешнего завода, как то: ловля женщин и девушек, пьянство, праздное шатание по улицам, бросание бомб в пруд, продажа казенного обмундирования, попрошайничество под окнами обедов, самовольное убийство скота на мясо... просим обязать красноармейцев выходить за пределы части только по пропускам»⁶⁶.

Отчаявшиеся положением на фронте и падением дисциплины в отрядах красные командиры требовали от своего командования пополнения в виде эстонцев, мадьяр (венгров) и латышей⁶⁷. Видимо, надежд на разложившиеся русские дружины уже не было.

Между тем трагедия красных под Куяшем совпала с потерей большевиками Златоуста. Фронт был окончательно прорван, а красные части разбиты. Началось общее отступление большевистских сил к Екатеринбургу⁶⁸. Рассеянные красногвардейские отряды, с боями отходившие к городу, были вынуждены проявлять осторожность при пересечении сел и деревень. Дело в том, что отношение местного населения к красным было очень враждебное. Чехословаков и их соратников встречали как освободителей, бесплатно кормили, снабжали всем необходимым и даже просили оставить бойцов для защиты от красногвардейцев, занимающихся повсеместным грабежом⁶⁹.

Неожиданно это обстоятельство сыграло на руку пробивающимся к Екатеринбургу солдатам Эстонского батальона, которые, проходя через башкирские аулы, представлялись чехословаками (разумеется,

башкиры не могли отличить эстонскую речь от чехословацкой, а солдаты предусмотрительно убрали красные звезды с фуражек) и получали не только возможность беспрепятственного прохода, но и помощь лошадьми и продовольствием⁷⁰.

1 июля султаевцы совместно с чехословаками нанесли очередное поражение противнику у станции Тургаяк⁷¹. Успехи отряда оказались столь значительными, что позволили одному из его офицеров - полковнику В. Кручинину - «верить ... в конечную победу над злым врагом»⁷². Находящийся под впечатлением от июне-июльских батальей исполняющий обязанности начальника штаба чехословацкого корпуса полковник Червинка сообщил полковнику Чечеку: «В последних боях башкиры вели себя выше похвалы и зарекомендовали себя надежными солдатами. Комкор не только не встречает препятствий к формированию новых башкирских отрядов, но и предлагает оказать для этого всяческое содействие»⁷³.

Лестные отзывы были и со стороны сибирцев. Командующий Уральским корпусом генерал-лейтенант М. Ханжин 9 июля телеграфировал башкирским военным: «С чувством глубокой радости и гордости... приветствую... доблестное поведение молодых башкирских частей 1-го Башкирского полка». От имени сибирского командования генерал поблагодарил «молодцеватые части за их работу и безответную преданность Святому делу», а всем офицерам и солдатам передал «сердечное спасибо»⁷⁴.

В момент наивысших военных успехов Султаевского отряда в его тылу появляется новая угроза. В начале июля красные войска оставляют Оренбург и тремя колоннами отходят в восточном и северо-восточном направлениях. Одна из колонн под командованием В. Блюхера и Н. Каширина двинулась к Верхнеуральску на соединение с отрядами Н. Томина и И. Каширина с дальнейшим намерением выйти к Златоусту, недалеко от которого оперировал Султаевский отряд. Блюхер планировал объединение с главной колонной под командованием Зиновьева для образования мощного кулака красных в самом сердце Екатеринбургского фронта. Опасность усиливалась тем обстоятельством, что рабочие многочисленных заводов Южного Урала симпатизировали большевикам и постоянно пополняли их войска. Можно смело предположить, что в случае соединения красных сил на данном

стратегическом рубеже появлялся большой внутренний фронт, который мог кардинально изменить ситуацию на Восточном театре военных действий. Ни у сибирцев, ни у чехословаков, ни у башкир, ни у казаков не было реальных шансов уничтожить эту группировку. Блюхер, понимая исключительную важность грядущей операции, уверял Зиновьева: «Скопившись вместе на линии Самаро-Златоустовской железной дороги, нам, может быть, удастся перевернуть весь ход событий»⁷⁵. Однако удача на этот раз вновь благоволила белым силам: Зиновьев предпочел выступить в более безопасном для себя направлении – на юг, в сторону Ташкента, где его силы составили основу для Орско-Актюбинского, а затем – Туркестанского фронтов. Блюхер без поддержки оренбургской группы не решился выступить в поход и остановился в Белорецке, который с этого времени превратился в центр Красной гвардии Южного Урала. Дальнейшее развитие событий на этом рубеже мы рассмотрим чуть ниже.

Удачная апробация башкирской части в боевых действиях, несмотря на нехватку оружия и недоработку личного состава, укрепила решимость А.-З. Валидова официально оформить национальную армию в антибольшевистском лагере. Вопрос заключался в том, с каким правительством вести переговоры по этой важнейшей проблеме.

1-й Башкирский полк в последних числах июня был переведен в Челябинскую отдельную дивизию вместе с кадровой ротой и Народным полком. С 9 июля дивизия переименовывается в 1-ю Уральскую в составе двух бригад. В первую бригаду вошли 1-й Башкирский и формирующийся 2-й Башкирский полки⁷⁶. Это обстоятельство, а также тот факт, что мобилизация башкир проходила, в основном, на территории, подконтрольной Сибирскому правительству убедили башкирское руководство начать диалог с Омском.

Первоначально башкирскую сторону представлял подпоручик А. Габитов⁷⁷. Придерживаясь резолюции III Всебашкирского курултая по военному вопросу, в послании к сибирским властям (1 июля 1918 года), было довольно категорично заявлено: «Все башкирские войска, как регулярные, так и иррегулярные должны были подчинены исключительно самому Башкирскому народу в лице

его правительства»⁷⁸. Тем самым Омску недвусмысленно было заявлено, что его претензии на полный контроль башкирских частей невозможны. Для максимально ускорения создания национальной армии предлагались следующие меры:

1) Признать Башкирское войско как особую военную единицу с самостоятельным хозяйственным и внутренним управлением. Подчинение войска организовать через военный отдел Башкирского правительства, а оперативное управление – через сибирское командование.

2) Основать в Оренбурге (временно – в Златоусте) Главный штаб башкирских войск со всеми необходимыми отделами. Создание штаба возлагается на военного министра Сибирского правительства.

3) До формирования Главного штаба обеспечить всем необходимым вооружением, довольствием, снаряжением одну башкирскую дивизию с артиллерией, кавалерией, инженерной частью и другими вспомогательными родами войск.

В послании прозвучала угроза полного роспуска башкирских подразделений в случае их рассеивания в Сибирской армии⁷⁹.

Важность незамедлительного решения данного вопроса была так велика, что Валидов вместе с членом правительства Магазовым выехал в Омск⁸⁰. Сибирские власти после восьмидневных переговоров согласились «принять на себя организацию управления башкирским войском и снабжение его вооружением, снаряжением и довольствием», но только при соблюдении башкирской стороной шести обязательных условий. Во-первых, башкирские части могли быть отправлены на любой участок фронта и даже за пределы Башкортостана. Во-вторых, исключался выборный принцип при определении командиров. В-третьих, при назначении офицеров и чиновников в башкирские части подавляющую роль должны были играть «способности и опыт», а не «чины, возраст и национальность», хотя рекомендации башкирских органов на занятие тех или иных должностей должны были иметь большое значение. В-четвертых, «существование в частях каких-либо строевых или хозяйственных комитетов и Советов» не допускалось. В-пятых, в строю вводилась «жесткая военная дисциплина со всеми ее атрибутами». В-шестых, башкирские формирования не получали никаких преимуществ и входили в состав Сибирской армии как равнозначные части.

Окончательное решение о статусе Башкирского войска откладывалось до созыва Учредительного собрания⁸¹.

В целом, условия, поставленные военным министром Гришиным-Алмазовым и начальником штаба Сибирской армии Беловым, были приемлемы для Башкирского правительства. Очевидно, некоторые затруднения вызывал 1-й пункт, где оговаривалась возможность переброски башкирских частей в любые регионы. А.-З. Валидову и его соратникам было известно нежелание солдат сражаться за пределами Башкортостана. К примеру, полковник В. Кручинин (офицер, сменивший Штина на посту командира Султаевского отряда), заметил, что башкирские воины «готовы были драться с большевиками до момента их нахождения на «территории» башкир, а как только последние были изгнаны из нее, всякое желание драться за русскую землю у них отпало»⁸². Кроме того, растягивание башкирских частей по фронтам нарушало планы Башкирского правительства, стремящегося консолидировать национальную армию внутри региона.

Не исключено, что переговоры осложнились изменением общественно-политической ситуации в Сибири: местные эсеры, на которых, видимо, очень рассчитывал Валидов⁸³, потерпели поражение в борьбе с прокадетскими силами. По мнению исследователя А.Я. Переверзева, в конце июня 1918 года «в Омске произошел тихий государственный переворот»⁸⁴.

Тем не менее, 10 июля стороны все же пришли к соглашению. По распоряжению сибирского командования «военные отряды, части Башкирского правительства, вступающие в ряды войск Временного Сибирского правительства должны были быть снабжены вооружением, деньгами и продовольствием»⁸⁵.

Улучшению взаимопонимания между сибирцами и башкирами в тот период времени способствовало общее стремление организовать собственные государственные образования. Так, если Башкирское правительство претворяло в жизнь концепцию автономной республики, то Омское правительство 4 июля 1918 года обнародовало декларацию «О государственной самостоятельности Сибири»⁸⁶. Правда, сибирцы своеобразно смотрели на проблему федерализма в целом, зачастую прибегая к двойным стандартам. В будущем это

существенно осложнило их отношения с нерусскими народами Урала и Сибири.

Подписанное соглашение, безусловно, имело огромное значение для дальнейшей судьбы Башкирского войска. Ведь, несмотря на очевидную условность и неконкретность некоторых пунктов, оно дало возможность официально (насколько это приемлемо к Сибирскому правительству и его армии) оформить статус вооруженных сил «Башкурдистана». Аналогичные действия предпринимали и представители Казахского правительства, однако они сумели добиться положительного ответа у сибирцев лишь 9 августа, и то лишь в формате создания «отдельных киргизских отрядов»⁸⁷. В последующем были сформированы только два конных казахских полка, подчиненных исключительно белому командованию.

Ко времени подписания соглашения с сибирцами наступал очень важный период, связанный с первым поступлением мобилизованных башкир по фарманам №№ 217 и 222, а также началом комплектования 2-го пехотного и 1-го кавалерийского полков. Договоренности по вопросам снабжения оружием, снаряжением и продовольствием существенно облегчили задачу БВС по дальнейшему формированию войск.

Мобилизация башкир 1915-1918 гг. призыва дала в распоряжение БВС значительный контингент людей, ставших базой для организации пехотных и кавалерийских частей. 23 июня в Челябинске оформляется 2-й Башкирский пехотный полк. Командиром новой военной единицы стал подпоручик А. Габитов, до этого занимавший должность председателя БВС. Штаб полка состоял из офицеров немусульманского происхождения: прапорщик Сазонов (адъютант), прапорщик Локс (помощник адъютанта), чиновник военного времени Александровский (заведующий оружием), капитан Михайловский (начальник хозяйственной части) и другие. Из 1-го полка прибыли два ценных офицера – подпоручик Терегулов и подпрапорщик Курбангалиев⁸⁸. Оба свободно говорили на тюркском и русском языках, поэтому в значительной мере облегчили взаимопонимание между русскими офицерами и башкирскими солдатами.

К 26 июля сформировался командный состав 1-го батальона: командиры рот – подпоручик Новиков, подпоручик Терегулов, подпоручик Хенов, подпоручик Кузнецов. 31 июля часть получила большое пополнение из 90 солдат 1-го Башкирского пехотного полка и 500 призывников⁸⁹.

Через несколько дней после оформления батальона солдат отправили на усиление башкирских частей, сражающихся на Екатеринбургском фронте. Общая численность башкирских сил в двадцатых числах июля достигла приблизительно одной тысячи человек. С 8 августа к ним присоединился еще один батальон во главе со штаб-капитаном Глининым. Крупной победой белых сил, в числе которых были башкирские части, стало взятие ими 28 июля Екатеринбурга. По словам нового командира Султаевского отряда В. Кручинина, встреча, устроенная жителями города башкирам, «не поддается описанию ... Отряд забрасывали цветами, неслись восторженные приветствия...»⁹⁰. Башкирским воинам торжественно вручили почетное знамя, на котором была сделана надпись на русском и тюркском языках: «Благодарный Екатеринбург – освободителям». Красные войска, спешно отступив из города, оставили башкирским батальонам много оружия и военного снаряжения⁹¹.

Личный состав полка формировался, как уже говорилось, из новобранцев и переведенных военнслужащих других частей. Есть сведения, что в начале июля во 2-й полк прислали большое количество бывших красноармейцев, являвшихся бойцами бывшего «отдельного Башкирского легиона», распущенного чехословаками в Челябинске. По уверению одного из солдат арестованного легиона, «2-й Башкирский полк был сформирован на 60% из бывших красноармейцев» и был самой «революционной частью Башкирской Армии». Он же писал, что одним из лидеров революционной части полка являлся подпоручик Ахмеджан Терегулов⁹². Последний подтверждает, отчасти, эти сведения. В его краткой автобиографии говорится, что в июне 1918 года он был арестован за участие в борьбе против атамана Дутова. От смертной казни его спас родной брат Усман, добившийся через своего школьного друга Х. Туймакаева, освобождения арестованного. После этого Ахмеджана перевели на должность начальника учебной команды 2-го Башкирского пехотного

полка⁹³. Хотелось бы отметить, что ни полк, ни какая-либо его часть открыто не проявили враждебного отношения к белому и, тем более, к башкирскому руководству, хотя не исключено, что какие-то небольшие противоречия имели место.

В конце июня - начале июля оформляется 1-й Башкирский кавалерийский полк, выросший из Тамьян-Катайского партизанского отряда А. Карамышева, действовавшего против большевиков еще с весны 1918 года. Пока пехотные башкирские подразделения воевали на Екатеринбургском фронте⁹⁴, отряд вел напряженные бои с В. Блюхером на территории Стерлитамакского уезда. Одно из крупных столкновений произошло 8 июля недалеко от села Макарово. С боями отряд А. Карамышева переместился в Верхнеуральский уезд, преследуя отходящие силы противника.

Официальным преобразованием партизанского отряда в кавалерийский полк можно считать 18 июля 1918 года. Именно в этот день вышел приказ № 1 по эскадронам полка. В помощь Карамышеву башкирское руководство назначило несколько офицеров: по строевой части - хорунжего Ганагу, по хозяйственной части - прапорщика Бритца, командиром 1-го эскадрона - хорунжего Патракина, а также корнетов Эглера и Рубена. Почти все назначенные в полк офицеры были приведены из казачьего отряда атамана Анненкова, действующего в районе Верхнеуральска⁹⁵.

В конце июля А. Карамышев, назначенный на должность командующего башкирских сил Верхнеуральского фронта, был вынужден покинуть полк и приступить к исполнению более важных обязанностей. Временным командиром полка стал хорунжий Ганага, а командиром формирующегося 2-го эскадрона назначили корнета Эглера. Боевая сила полка в момент образования была незначительна - всего около 100 сабель. Наполнение эскадронов бойцами происходило как за счет добровольцев, так и за счет мобилизованных БВС. Поток новобранцев шел довольно плотно: 28 июля - 94 человека с 49 лошадьми, 2 августа - 15 человек с 6 лошадьми и т.д.⁹⁶

Малочисленность полка не стала предлогом для его изоляции от фронта. В Верхнеуральском уезде башкирские кавалеристы вели борьбу с красными отрядами, неся при этом чувствительные потери. Например, у хутора Бугадак 27 июля со стороны полка было убито два человека, ранено три человека и без вести пропало 46 человек. В

результате боевых потерь численность кавалерийского полка упала до 27 сабель в первом эскадроне и 33 сабель во втором эскадроне⁹⁷. Бедственное положение полка усугубилось смертью его первого командира и идейного лидера - ротмистра А. Карамышева, что привело к целой серии назначений и снятий командиров полка. В конечном итоге, в начале сентября, постоянным комполка утверждается брат умершего - Мухтар Карамышев.

1-й кавалерийский полк вошел в число башкирских сил Верхнеуральского фронта. После Амира Карамышева функции командующего группировкой перешли к Усману Терегулову. В распоряжении нового командующего оказались добровольческие дружины, 1-й кавалерийский полк, 2-й батальон 1-го пехотного полка под командованием капитана Мочалова и формирующийся 5-й пехотный полк. Общая численность группировки к середине августа составила, по нашим расчетам, около 1 тысячи штыков и 400 сабель. При командующем был образован штаб в составе адъютанта, интенданта и их помощников⁹⁸.

Параллельно с уже действующими частями на Екатеринбургском и Верхнеуральском фронтах БВС организовывал новые полки. Со второй половины июля началась реализация 2-го этапа мобилизационного плана. Призыву подлежало башкирское население Уфимского уезда для формирования 3-го пехотного полка. Командование будущим полком было поручено полковнику Бикметову, а непосредственной его организацией занялись Магазов и Бабич⁹⁹.

Начало мобилизации башкир Уфимского уезда вызывало протесты командования Народной армии, т.к. эта территория находилась под контролем Комуча (Самарское правительство). А.-З. Валидов срочно телеграфировал С.-Г. Магазову, чтобы он отложил мобилизацию «до выяснения отношения Самарского правительства к формированию башкирских частей находящихся в ведении Сибирского военного округа»¹⁰⁰. Сопrotивление Комуча вынудило БВС отозвать своих эмиссаров и отпустить всех башкир в руки мобилизационного ведомства Народной армии в Уфе вплоть «... до окончательного выяснения положения»¹⁰¹.

Потеря новобранцев из Уфимского уезда не остановила башкирских деятелей. 24 июля к начальнику гарнизона Челябинска

приехал уполномоченный Башкирского правительства, подполковник Терегулов, имевший приказ БВС начать сбор призывников в 3-й полк. На имя военных властей города пришло ходатайство А.-З. Валидова о выдаче Терегулову в кредит денежных и материально-технических средств для формирования полка¹⁰². Помня неудачный опыт в Уфе, подполковник уведомил Челябинск, что начнет мобилизацию населения только Златоустовского уезда,¹⁰³ находящегося под контролем Сибирского правительства. Чуть позже Терегулова утвердили в должности командира полка, а командиром первой роты стал прапорщик Гамбаров. Штаб полка временно разместился в Миассе. Фарманом № 324 мобилизации подлежали 12 волостей Златоустовского уезда, призывники которых должны были прибыть в распоряжение Терегулова. В начале августа подполковник и его помощник по строевой части прапорщик Таганов воодушевленно сообщали в Челябинск, что «мобилизация проходит успешно. [В] первый день явилос[ь] 900 человек, принесли с собой 68 винтовок, гранаты».¹⁰⁴ Призыв златоустовских башкир дал такое большое количество людей, что 1,5 тысячи из них оставили в части, а остальных перевели на пополнение потерь 2-го пехотного полка. Заметное прибавление к 3-му полку произошло и за счет возвращенных Комучем 140 башкир Уфимского уезда¹⁰⁵.

В Оренбурге работники БВС приступили к 3-му этапу мобилизации башкирского населения. При поддержке местного отделения военного отдела Башкирского правительства 18 июля началось формирование 4-го пехотного полка из оренбургских башкир. Непосредственной организацией полка занимался штабс-капитан Касым Еникеев, который впоследствии его и возглавил¹⁰⁶. Чтобы предотвратить вмешательство оренбургского командования в управление башкирскими подразделениями, Валидов передал все военные полномочия оренбургскому отделению военного отдела Башкирского правительства. Даже командир 4-го полка являлся подотчетным Сагиту Мрясову - председателю Оренбургского военного отдела (ОВО). Основными средствами для начала деятельности ОВО послужили 125400 рублей, принадлежащих Башкирскому правительству еще с начала 1918 года. Также ОВО были переданы 11000 рублей из кассы Оренбургского земства. Периодически председатель ОВО Мрясов брал деньги у оренбургских властей для

содержания «чинов и служащих канцелярии» ОВО и военнослужащих 4-го полка¹⁰⁷. Благодаря активным мерам ОВО, призыв оренбургских башкир проходил относительно организованно и стабильно. Особое внимание уделялось работе уполномоченных ОВО в башкирских волостях. Например, в середине июля для исполнения задач мобилизации ОВО делегировал в башкирские районы Оренбургского уезда Г. Хасанова и Н. Бикбаева¹⁰⁸.

Оренбургский военный отдел занимался и другими важными вопросами. Так, при отделе была создана Башкирская контрразведка в составе Г. Альмухаметова, Ш. Кутлубаева и других. При расследовании политических преступлений, совершенных мусульманами, в Оренбургской военно-следственной комиссии обязательно присутствовал сотрудник башкирской контрразведки. Большое значение ОВО придавал пропагандистской работе - сотрудники отдела регулярно выпускали газеты на русском и башкирском языках¹⁰⁹.

В целом, Оренбургский отдел Башкирского правительства был схож с одноименным отделом казачьего Войскового правительства. Вместе с тем были и существенные отличия. В башкирском военном отделе числилось в два раза больше чинов, чем в казачьем отделе, хотя офицеров у башкир было в три раза меньше. Кроме того, в отличие от казачьего, в башкирском отделе существовали редакционно-издательский, агитационный и статистический отделы¹¹⁰. Такие расхождения позволяют нам полагать, что функции и поле деятельности башкирского отдела были значительно шире, чем у казачьего.

При активном содействии ОВО 4-й пехотный полк пополнялся офицерами из оренбургских и, отчасти, сибирских войск. Первым прибыл на должность адъютанта полка прапорщик Кальметьев, затем полковник Гришковский, штабс-капитан Шахов, подпоручик Троешкин, прапорщик Амиров, прапорщик Давлетшин и другие. К концу июля был уже готов 1-й батальон, во главе которого БВС утвердил поручика Вержболовича¹¹¹. С 29 июля распоряжением ОВО все военнослужащие полка обязывались носить установленную для Башкирского войска форму.

Несмотря на помощь ОВО, определенные трудности в процессе формирования полка все же возникли. Генерал Дутов настороженно

отнесся к появлению в Оренбурге башкирской части и постоянно заявлял о невозможности проведения мобилизации какой-то одной национальности, подразумевая, прежде всего, башкир. Оренбургские военные делали все для того, чтобы остановить мобилизацию в Башкирское войско. Задержка призыва оказалась замеченной в Челябинске. БВС послал запрос С. Мрясову и К. Еникееву с требованием немедленного объяснения причин затягивания формирования полка. Информация, полученная из Оренбурга, вызвала у башкирского руководства бурную реакцию: А.-З. Валидов срочно телеграфировал в Оренбург: «Недопустимо, чтобы башкиры мобилизовывались вместе с русскими, недопустимы уклонения от тех основ, которых приказано придерживаться... Башкиры... везде и всюду мобилизуются особо. Не может быть исключения для одного Оренбургского уезда». Председателю ОВО Валидов приказал «сообщить Казачьему правительству, что все Башкирские войсковые части, где бы они не формировались, находятся в ведении Сибирского военного округа... кстати и ...оренбургские войска тоже»¹¹². Валидов явно намекал на невыполнение оренбургскими властями воли Сибирского правительства (покровительства которого искал Дутов), давшего согласие на образование национальных башкирских частей.

Неудивительно, что слова председателя БВС убедили оренбургское руководство пересмотреть свои прежние позиции и не препятствовать мобилизации башкир в национальный полк.

В конце июля – начале августа БВС частично начал исполнять 4-й этап мобилизационного плана. В нем оговаривался призыв башкирского населения Верхнеуральского уезда, из которого следовало составить 5-й пехотный и часть 1-го кавалерийского полков. Реально призыв в уезде осуществиться не мог из-за повсеместных боев с красными дружинами под командованием Блюхера и братьев Кашириных. Поэтому мобилизацию верхнеуральских башкир, назначенную на 15 августа, А.-З. Валидов рассматривал как уже возможно неудачную. По этой причине 2-й батальон 1-го Башкирского пехотного полка вливался в 5-й пехотный полк, командиром которого временно стал капитан Цветков. 1-му кавалерийскому полку БВС предписал набрать людей в более спокойном Оренбургском уезде¹¹³. Большие надежды БВС возлагал

на Орский уезд, но по ряду причин (в основном, из-за боев с красными войсками и нерешенных мобилизационных вопросов с казачьими властями) мобилизация башкир на этой территории была сильно затруднена.

Таким образом, в течение июня-июля 1918 года происходит организация первых башкирских частей. Под лозунгом создания национальной армии башкирское руководство привлекло большое количество людей и снабдило их вооружением. Соглашение с Сибирским правительством позволило перешагнуть важный рубеж в становлении Башкирского войска. В результате июльского договора БВС приступил к формированию одного кавалерийского и трех пехотных полков. Большую оплошность А.-З. Валидов и его соратники допустили, исключив из призыва в национальные части тептярей, готовых вступить в их ряды. Главная причина отказа их приема заключалась в предположении Валидова, что последние могут внести в войска дезорганизацию. Осенью башкирское командование изменило отношение к тептярям и провело призыв нескольких их волостей. К началу августа 1918 года Башкирское правительство располагало тремя готовыми и тремя формирующимися полками. Эти силы стали основой для рождающихся в рядах антибольшевистской коалиции башкирских армейских соединений.

Образование Отдельного Башкирского корпуса

Увеличение значимости Башкирского войска в антибольшевистском лагере обостряет борьбу Омского и Самарского правительств, стремившихся поставить под свой контроль башкирское движение и национальные формирования. Самарское правительство (Комуч) за основу своей политики взяло программу «демократической контрреволюции», представлявшей собой альтернативную большевистской картину общественно-экономических и политических преобразований. В области национально-государственного устройства, по утверждению известного самарского деятеля И.М. Майского, Комуч «стоял на почве демократической федеративной республики со всеми

полагающимися ей атрибутами гражданских прав и конституционных гарантий»¹¹⁴. В специальной декларации по национальному вопросу Комуч обязывался «в своей ... деятельности руководствоваться безусловным признанием принципа ... автономии всех национальностей, как бы они не были малочисленны и на какой бы ступени культуры не находились»¹¹⁵. Считая себя единственным легитимным всероссийским правительством, Комуч полагал, что все дела, связанные с башкирской автономией и башкирскими вооруженными силами, находятся в его юрисдикции. Также самарские лидеры небезосновательно считали Башкирское правительство близким себе по общественно-политическим взглядам.

Омское правительство, контролируя Челябинский, Златоустовский и Троицкий уезды, было уверено в том, что формирование каких-либо частей на этих территориях подчинено исключительно сибирскому командованию. В Омске не сомневались в легитимности и независимости своей власти, что послужило причиной конфронтации с Комучем. В письме председателя Совета министров Сибирского правительства Вологодского, адресованном Комучу, говорилось: «Каждая область, освобожденная от большевизма, имеет полную возможность опираясь на принцип федеративности, образовать свою областную власть...». Возмущенный подобными высказываниями сибирцев, председатель Самарского правительства Вольский надменно заявил, что «установление границ Сибири ... является нарушением принципов законности и демократии, а все войсковые формирования, объединенные общим командованием, имеют общей задачей борьбу за единое государственное целое России – комитет членов Учредительного Собрания». В конце своего обращения Вольский категорически подытожил: Комуч «не признает власти Временного Сибирского правительства за пределами административных границ Сибири»¹¹⁶. Другими словами, Комуч пытался обосновать претензии на верховенство своей власти и, соответственно, право распоряжаться всеми вооруженными силами, расположенными на территории Урала (за исключением чехословацких). Неудивительно, что все старания Самары осадить «сибирских сепаратистов» оказались напрасными – омские руководители их просто проигнорировали, что усилило противоречия между правительствами. Начавшаяся борьба велась в

самых разных плоскостях – от политических интриг до взаимных экономических ударов. В последнем случае наиболее тяжелой для обеих сторон являлась таможенная война, заключавшаяся в недопущении грузов в европейскую Россию из Сибири омскими властями, а в Сибирь с запада – самарскими властями. Данную ситуацию довольно точно обрисовал А. Аргунов: «На Урале ... представители двух областных правительств – Сибирского и Самарского, словно две иностранные державы, оспаривали между собой право на «присоединение» к себе Урала». Противостояние сторон достигло такого накала, что чрезвычайный уполномоченный Комуча в Уфе, узнав о признании Златоустом верховенства власти Сибирского правительства, объявил о походе на «мятежный» город. Своевременная отмена приказа предотвратила вероятную междоусобицу¹¹⁷. Омск и Самара вели серьезные переговоры с третьими военно-политическими силами, выясняя, кто их будет поддерживать в случае начала войны¹¹⁸.

Почти открытое противостояние Комуча и сибирцев вынуждало Башкирское правительство прибегнуть к тактике политического маневрирования. Известие о соглашении между Башкирским и Сибирским правительствами о создании национальной армии вызывало в Самаре очень болезненную реакцию. 18 июля в ходе телефонного разговора Валидова с начальником штаба Народной армии Галкиным последний выразил беспокойство по поводу сближения башкир с сибирскими «сепаратистами». Галкин призвал Валидова изменить свои политические симпатии в пользу Комуча, пообещав при этом санкционировать создание Отдельного Башкирского корпуса двухдивизионного состава¹¹⁹. Доказывая свою лояльность к башкирам, уже на следующий день Комуч официально заявил о свободном формировании национальных частей всеми народностями, проживающими на территории России¹²⁰. Для антибольшевистского лагеря это был довольно радикальный ход. Например, Сибирское правительство никогда не решилось бы на такой шаг по двум причинам: с одной стороны, омские власти находились под влиянием кадетских кругов, не приветствовавших национальные автономии и вынужденных мириться с существованием отдельных национальных полков; с другой стороны, как утверждает в своих воспоминаниях В. Утгоф, власть Сибирского

правительства над своей армией была чисто номинальной, т.к. командование частями находилось в руках реакционно настроенных офицеров¹²¹. А зарубежный историк П. Кенез отметил, что «офицеры неправильно поняли характер борьбы, в которую оказались втянутыми» и не сумели адаптироваться к новым общественно-политическим отношениям, сложившимся после Февральской революции¹²². Поэтому в действительности ни о каких крупных национальных соединениях в Сибирской армии речи быть не могло, а формирование полков Башкирского войска было лишь временной уступкой Омска.

1 августа сибирское командование согласилось (судя по всему, с большой неохотой) сформировать «только одну дивизию башкир с непосредственным и полным подчинением ее комкору (*т.е. генералу Ханжину – Т.Р.*)».¹²³ Это ограничение, по сути, шло вразрез с соглашением о создании Башкирского войска. Стало понятно, что сибирцы на большие уступки не пойдут. Башкирские лидеры прекрасно это осознавали и искали иные пути разрешения военного вопроса.

Наиболее подходящим политическим союзником им казался могущественный Комуч, с которым с августа 1918 года у А.-З. Валидова завязались тесные взаимоотношения. Для установления более тесных связей с центром «демократической контрреволюции», он выехал в Самару в 20-х числах августа. Председателя БВС тепло приняли, включили его в состав Комуча, присвоили воинское звание полковника¹²⁴ и, наконец, утвердили командующим Башкирским войском¹²⁵. Продолжением установления доброжелательных отношений стало создание совместной агентурной сети, охватившей Уральск, Астраханскую губернию, Гурьев, Омск, Орск, Актюбинск, часть Казахстана и Ташкент. Вся полученная секретная информация стекалась в Оренбург¹²⁶.

Любопытно, что еще в конце июля, когда только шли переговоры между Самарским и Башкирским правительствами, печать Комуча активно публиковала бойкие материалы о формировании Башкирского войска и призывы к населению вступать в его ряды. 25 июля «Вестник» Комуча, опережая события, заявил, что «башкирские полки сражаются с чехословаками в составе Народной армии». Чуть раньше начальник главного штаба Народной армии полковник

Галкин выразил желание «видеть храбрых башкир в рядах Народной армии»¹²⁷.

Через месяц в той же газете было размещено интервью Валидова, заявившего: «Мы мыслим наши национальные полки как отдельные боевые единицы, как это было до 1863 года, конечно, под общим командованием всеми войсками России. В области управления мы отстаиваем национально-территориальную автономию»¹²⁸. В сущности, башкирский лидер кратко сформулировал главные принципы сотрудничества с кочевцами – территориальная автономия и национальная армия.

Для Комуча военные ресурсы башкир были не менее важны, чем поддержка Башкирского правительства. Народная армия в середине августа 1918 года насчитывала не более 15 тысяч бойцов, поэтому вливание Башкирского войска значительно повышало ее мощь.

Казахский исследователь Д. Аманжолова дала следующую, на наш взгляд, справедливую характеристику позициям Самарского правительства в национально-государственном вопросе: «Комуч стремился к союзу с национальными движениями и организациями на основе признания идеи демократического федерализма. При этом, признавая, что окончательно решать вопрос о будущем государственном устройстве России полномочно только Учредительное собрание, Комуч заявлял своей целью «возрождение государственного единства России». Поэтому он отказывался признавать суверенные права за любым правительством, «откалывающимся от государственного тела России и провозглашающим свою независимость самостийно». Тем не менее, проводя переговоры с автономистами, Комуч временно признал все организовавшиеся к августу 1918 года небольшевистские правительства. Это касалось казахской и башкирской автономий, правительств Оренбургского и Уральского казачьих войск, получивших право формировать собственные вооруженные силы. Это объяснялось стремлением привлечь на свою сторону союзников в условиях всё обострявшегося соперничества в борьбе за право представлять всероссийскую власть, на что претендовали не только наследники Всероссийского учредительного собрания, но и другие антибольшевистские правительства, прежде всего, Временное сибирское»¹²⁹.

Сближение Башкирского и Самарского правительств стало реальной основой для появления национальных соединений. В значительной мере этому способствовало укрепление и расширение башкирских вооруженных сил. За счет летней мобилизации башкир стало возможным соединить полки в дивизии. В советской историографии не называются конкретные цифры результатов мобилизации и, тем более, процентное соотношение уклонившихся, освобожденных и призванных башкир. Не аргументируя свои выводы, некоторые советские исследователи охарактеризовали мобилизацию, организованную БВС, как крайне неудачную¹³⁰. Исключением является одно из ранних советских изданий под названием «18 февраля 1919 года. Материалы и документы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти», вышедшее в 1923 году. Авторы этой книги назвали результаты летней мобилизации 1918 года успешными. По их словам, на призывные пункты не явилось лишь 10 % подлежащих призыву, а во многих кантонах башкиры пришли даже со своим оружием¹³¹. Для отображения целостной картины результатов мобилизации башкирского населения обратимся к архивным источникам. Мы располагаем документами БВС, в которых дается точное цифровое обозначение итогов летнего призыва в восьми кантонах «Малой Башкирии». Вся имеющаяся информация по данному вопросу систематизирована нами в виде таблицы.

Таблица № 2

*Результаты мобилизации башкирского населения
за июнь-август 1918 г.*

Название кантонов и волостей	Общее кол-во	Кол-во принятых	Кол-во освобожд-ых	Кол-во не явив.
И. Джетировский кантон				
1) Имангуловская волость	36	14	17	5
2) Аллабердинская волость	61	30	31	-

3) Бурзянская волость	222	99	106	17
4) Мурапталовская волость	67	26	30	11
5) Таймасовская волость	190	103	48	39
	576	272 (47,5%)	230 (39,9%)	72 (12,6%)
II. Кипчакский кантон				
1) Бурзян-Кипчакская волость	436	215	169	52
2) 1-я Кипчакская волость	347	163	150	34
3) 2-я Кипчакская волость	371	166	63	92
4) Юмагузинская волость	157	55	52	58
5) Бушман-Суун-Кара-Кипчакская волость	491	208	167	116
	1802	757 (55,7%)	601 (33,4%)	444 (24,6%)
III. Токчуранский кантон				
1) Кипчакская волость	128	56	46	26
2) Юрман-Табынская волость	349	232	95	22
3) Токская волость	139	76	37	17
	607	364 (60%)	178 (29,3%)	65 (10,7%)

IV. Яланский кантон				
1) Сарт-Калмыцкая волость	169	96	73	-
2) Ичлинская волость	291	166	121	-
3) Катаевская волость	380	285	95	-
4) Сарт-Абдурашитская волость	243	135	108	-
5) Карасеевская волость	384	273	111	-
	1467	955 (65%)	512 (35%)	0
V. Кудейский кантон				
1) Урман-Кудейская волость	148	86	55	7
2) Иглинская волость	70	44	18	8
3) Бишаул-Унгарская волость	46	31	15	-
4) Билекей-Кудейская волость	251	196	55	-
5) Тептярская волость	22	12	10	-
	537	369 (69%)	153 (28%)	15 (3%)

VI. Дуванский кантон				
1) Дуван-Мечетлинская волость	206	90	93	14
2) Янбаевская волость	127	88	35	4
3) Тардовская волость	14	6	8	-
4) Белокатайская волость	158	68	70	20
5) Ибраевская волость	56	49	5	2
6) Идрисовская волость	92	57	30	5
7) Калмакулевская волость	70	51	16	3
8) Мурзаларская волость	142	88	49	5
9) Яхинская волость	67	51	16	-
10) 2-я Айлинская волость	129	78	50	1
11) Насибашевская волость	9	9	-	-
	1070	644 (60,1%)	372 (34,9%)	54 (5,5%)
VII. Кушинский кантон				
Больше-Купцинская волость	151	96 (63,6%)	55 (36,4%)	-

VIII. Тамьян-Катайский кантон				
1) Усман-Галиевская волость	125	93	32	-
2) Катайская волость				
3) Кубелек-Телявская волость	229	160	69	-
4) Мулдакаевская волость	211	160	69	-
5) Тунгатаровская волость	60	32	79	-
6) Байхакаловская волость	90	91	-	-
	17	14	3	-
	1044	775 (74,2%)	269 (25,8%)	0
ВСЕГО:	7254	4232 (58,4%)	2370 (32,7%)	650 (8,9%)
Сост. по: ЦГИА РБ. Ф. Р-1201. Оп.1. Д.2. Л. 10-11.				

Приведенные цифры дают довольно полную панораму осуществленной в июне-августе 1918 года мобилизации. Общие показатели весьма впечатляют: из 7257 призывников принято 4232 (58,4%), освобождено по различным причинам 2370 (32,7%), не явилось на назначенное место 650 (8,9%). Бросается в глаза отстающая активность призывников Джетировского и Кипчакского кантонов, где процент неявки составил в первом – 12,6%, во втором – 24,6%. Такое «отставание» объясняется довольно просто. Дело в том, что неявившиеся люди были припущенниками (арендаторы земли у башкир), о чем делается особое замечание в представленном БВС отчете¹³². Если исключить припущенников, представляющих смешанный национальный состав, то схема приобретает иной вид. Удельный вес людей, принятых в башкирские части из Джетировского кантона, становится уже не 47,5%, а 54%.

Соответственно, удельный вес принятых из Кипчакского кантона меняется с 42% на 55,7%. Общий процент неявившихся на призывные пункты уменьшается до 2%.

Стремилась в национальные войска и башкиры, не проживающие на территории «Малой Башкирии». В частности, желание служить «в родной башкирской армии» выразили новобранцы Илькульминской и Ильчигуловской волостей Белебеевского уезда¹³³.

Вышеприведенный материал свидетельствует о том, что более половины башкир, подлежащих призыву, в установленном порядке отбывали военную службу. Совершенно ничтожный уровень неявки позволяет нам сделать вывод, что башкирское население положительно оценивало службу в национальных частях и, естественно, будет неверным считать мобилизацию, организованную БВС, неудачной, как пытались представить это большинство советских историков.

В то же время, нельзя категорически утверждать о тотальной поддержке призыва в национальную армию со стороны башкир. Часть из них симпатизировала советской власти, другие выбрали сторону Курбангалиевых, третьи просто остались равнодушными к любому участию в каких-либо политических и военных мероприятиях. В отношении таких башкир Валидов занял очень жесткую позицию: в деревни, где скрывались уклоняющиеся от службы, дезертиры, враждебные агитаторы, пособники большевиков, направлялись специальные команды, имеющие широкие полномочия, вплоть до расстрела отдельных лиц. Судя по документам, такие карательные акции были больше исключением, чем правилом. Большинство башкир поддержало свое правительство летом 1918 года, что позволило выполнить мобилизационные задачи.

Серьезной проблемой при строительстве башкирских частей был кадровый вопрос. С самого начала войны ощущалась острая нехватка офицеров-башкир, силами которых началось формирование национальных войск. Назначая имеющиеся башкирские кадры на те или иные должности, А.-З. Валидов справедливо отмечал, что «своих офицеров было мало»¹³⁴. Эту проблему отметили и авторы книги «18 февраля 1919 года...»¹³⁵. Привлечение офицеров других национальностей стало необходимой мерой для дальнейшего успешного строительства вооруженных сил. Поэтому башкирское

руководство решило использовать татарских и русских военных специалистов.

Поиск тюрко-мусульманских офицеров происходил в различных местах. Доверенные лица Башкирского правительства были разосланы почти во все крупные пункты Урало-Поволжского региона (Уфа, Казань, Самара, Симбирск и другие), где происходила вербовка офицеров-мусульман¹³⁶. Многие из них появились в башкирских частях в ранний период по собственной инициативе. Среди них можно выделить братьев Терегуловых, К. Еникеева, С. Бикмеева и некоторых других. В разгар войны, когда свободное передвижение офицеров из одной части в другую было затруднено, Башкирское правительство «заказывало» нужных ему военных через белое командование. Таким способом в башкирских войсках оказались офицеры из Уфы Узбеков, Исаков, Гамбаров, братья Ишмурзины и другие. Из Казани прибыли Якубовский, братья Байрашевские, Чалмаев, Мукминов, Незаметдинов, Ледзинский, Мухарский, Ягафаров и другие¹³⁷. Очевидно, что часть офицеров-татар попадала в башкирские части по общему распределению белого командования вместе с офицерами других национальностей.

Тем не менее, общее число мусульманских офицеров было явно недостаточным, что заставило БВС прибегнуть к более массовому привлечению русских военных кадров. С умножением башкирских полков росло и количество русских офицеров, назначаемых на средние командные должности в Башкирском войске. В итоге, большинство командиров рот и батальонов были русскими¹³⁸. Их удельный вес в офицерском корпусе башкирских войск, по нашим данным, составлял не менее 60%.

Несмотря на такую этническую диспропорцию рядового и командного составов, в документах практически отсутствуют сведения о каких-либо недоразумениях на национальной почве. Не в малой степени этому способствовало то, что командование полками находилось в руках башкирских и татарских офицеров, регулировавших межнациональные отношения. В начале августа в пяти сформированных полках командирами являлись три башкира (Габитов, Туймакаев, Карамышев) и два татарина (Еникеев и Терегулов). С укрупнением башкирских частей в дивизии и корпус

некоторых русских офицеров назначают на высшие (генеральские) должности.

С конца лета А.-З. Валидов и его соратники пытались разными способами «башкиризовать» командный состав. В приказе № 337 от 15 августа военного отдела Башкирского правительства мобилизации подлежали унтер-офицеры 1900-1918 гг. призыва и все офицеры без различия возраста из башкир. Через несколько дней все унтер-офицеры башкирской национальности, отбывающие службу в войсках атамана Дутова, были переведены в распоряжение БВС¹³⁹. Учитывая, что продвижение по службе в башкирских частях шло довольно быстро, данные меры позволяли частично решить означенную проблему.

Другим важным шагом в этом направлении стала организация Башкирской школы прапорщиков во второй половине сентября в Оренбурге. Начальником первого военно-учебного заведения при Башкирском войске стал полковник Савельев¹⁴⁰. Школа была рассчитана на одну роту курсантов. В командно-административное звено школы входили восемь штаб- и обер-офицеров. Число курсантов (вместе с горнистами, барабанщиком, оружейником и медицинским фельдшером) составляло 71 человек. Вспомогательный персонал школы, включая писарей, портных, машинисток, сапожников, кашеваров, конюхов, уборщиков и вестовых, достигал 124 человек¹⁴¹. БВС планировал приобрести для школы гимнастические машины, фехтовальные и классные принадлежности, учебники, учебные пособия. Кроме того, в планах было создание школьной библиотеки. В программу обучения курсантов БВС включил лекции, гимнастику, фехтование, полевые занятия и стрельбу. На хозяйственные и учебные расходы школы в год отпускалось 184 400 рублей¹⁴². Преподавательский состав формировался из числа башкирских офицеров. Среди них были Ш. Акчулпанов, Х. Ахметов, Г. Таганов и другие¹⁴³. Выпускники школы шли на усиление национальных офицерских кадров нижнего командного звена Башкирского войска. Для укрепления начавшейся работы в области подготовки командиров из башкир 3 октября при БВС был учрежден военно-учебный отдел под руководством подполковника Борисова¹⁴⁴.

Большое значение башкирские лидеры придавали внешней атрибутике своих частей. Июньские преобразования в военной форме были существенно скорректированы и дополнены новыми элементами. 13 августа выходит приказ БВС № 17 о назначении комиссии для выработки новой военной формы солдат и офицеров башкирских частей¹⁴⁵. Председателем комиссии назначили подполковника Емельянова, членами – поручика Мухлио, прапорщика Терегулова, поручика Габитова, штабс-капитана Еникеева и гражданского Магазова. Через 16 дней комиссия выполнила поставленное задание, а проект новой формы, утвержденный БВС, был обнародован в специальном приложении приказа № 29. За основу была взята форма военнослужащих Народной армии, к которой теперь относились башкирские части, но со своими отличительными особенностями.

Походная форма для всех видов башкирских частей (строевых, штабов, административных) состояла из шести элементов:

- 1) Рубашка защитного цвета с узкими погонами того же цвета. Погоны, одинаковые для всех званий и родов войск, имели глянцевые металлические номера части.
- 2) Шаровары защитного цвета для пехоты и артиллерии, серо-синего цвета – для кавалерии. На шароварах устанавливались лампасы синего цвета шириной 3 см.
- 3) Шинель из серошинельного сукна с узкими погонами того же цвета. Погон у основания (рукава) шириной 4,4 см и на конце 8,8 см. Как и на рубашке, шинельный погон имел глянцевый номер части.
- 4) Пояс желтого цвета, обрамленный кожей с белой металлической пряжкой.
- 5) Обувь – сапоги или обмотки. Верховые имели право носить шпоры.
- 6) Головной убор оставался прежним, т.е. в виде обычной армейской фуражки с синей поперечной лентой на месте крепления кокарды. В приказе отмечалось, что «головной убор будет разработан особо».

Система воинских отличий напоминала ту, что была раньше, но с некоторыми изменениями. Если прежде на нарукавной нашивке помещался, помимо мусульманской символики и знаков воинского

отличия, номер части, то теперь он перемещался на погоны. Сама нашивка сохранила синий цвет, а полумесяц и звезда были установлены по цвету галунной тесьмы. Цветовая выпущка нашивки отличалась по роду войск: у кавалерии – оранжевая, у работников штабов (начиная с уровня дивизии) – белая, у строевых пехотных частей – красная, у различных военно-административных служб, а также нестроевых подразделений – черная. Другая новинка заключалась в установлении на погонах выше номера части значка рода войск. Пехотинцы и кавалеристы имели значок в виде двух скрещенных ружей, артиллерия – в виде двух скрещенных пушек, инженерные войска и прочие специальные части – присвоенные командованием особые знаки.

Из холодного оружия башкирским военнослужащим полагались, в соответствии с родом войск, штыки, бедуты (тесаки) и шашки. Офицеры и прапорщики имели шашки кавказского образца с тесьмой и серебряными наконечниками на ножнах. Штабным офицерам вместо шашек разрешалось носить кортики.

Аксельбанты полагались офицерам генерального штаба и топографам¹⁴⁶.

Назначенная 28 сентября вторая комиссия БВС должна была разработать проект формы чиновников и врачей Башкирского войска¹⁴⁷.

Введение новой военной формы должно подчеркивало создание Башкирской армии. К этому же времени относится появление в башкирских частях национального флага. Он состоял из трех цветов – синего (сверху), означающего принадлежность башкир к тюркам, зеленого (в середине), говорящего о приверженности к религии ислама и белого (внизу), означающего стремление к миру и благополучию¹⁴⁸.

Изменения во внешней атрибутике Башкирского войска сыграли значительную роль в консолидации частей, но для фактического образования национальной армии этого было явно недостаточно. Поэтому следующим шагом стала постепенная централизация всех национальных формирований.

Объединение башкирских полков началось 13 августа 1918 года, когда, по распоряжению БВС, были учреждены две башкирские дивизии. Первая из них формально уже существовала, но фактически

не имела штаба и действующего начальника дивизии. Заочно им являлся бывший командир 1-й Мусульманской бригады генерал-майор Ишбулатов, который появился в башкирских частях только в начале сентября. Начальником штаба числился подполковник Акчулпанов, занимавшийся мобилизационными вопросами в Стерлитамакском уезде. В соответствии с приказами БВС №№ 17, 24, подполковник Емельянов был назначен начштаба 2-й Башкирской дивизии с исполнением обязанностей начальника той же дивизии¹⁴⁹. В первую дивизию вошли 2-й, 3-й и 5-й Башкирские пехотные полки, во вторую дивизию – 1-й и 4-й Башкирские пехотные полки. Части вновь созданной 1-й дивизии были разбросаны в Верхнеуральском уезде и Челябинске, что создавало определенные трудности в управлении ими. 2-я дивизия компактно располагалась в Оренбурге, со штабом в здании Караван-Сарая.

Для ускорения концентрации полков 1-й Башкирской дивизии и улучшения управления ее подразделениями БВС произвел некоторые перестановки офицеров. Командир 3-го пехотного полка подполковник Терегулов был назначен на должность начальника дивизии, а его место занял прапорщик Таганов. Начальником снабжения дивизии 14 августа стал подполковник Попов.

Подполковник Емельянов, назначенный, как мы уже говорили, начдивом, приступил к реализации указаний БВС. Вместе со своим старшим адъютантом он побывал в казармах 4-го пехотного полка. Результаты проведенного осмотра удовлетворили Емельянова, вынесшего от лица командования «глубокую признательность командиру полка штабс-капитану Еникееву, начальнику хозяйственной части полковнику Гришковскому, г.г. офицерам и солдатам»¹⁵⁰. Затем, исполняя, видимо, наказ БВС, подполковник приступил к введению нового порядка произнесения приветствия военнослужащими дивизии. В приказе № 3 от 31 августа начальник дивизии распорядился «на все приветствия начальников отвечать «Саубул эфенде» (*«Здравствуйте, господин»* – Т.Р.), независимо, на каком языке произнесено приветствие». Очевидно, новые правила башкирские солдаты встретили с одобрением - прошедшая проверка в ротах не выявила нарушений нового воинского приветствия. Изменился и недельный график занятий в полках дивизии. Кроме традиционного воскресного отдыха, в пятницу до 14.00 все занятия

отменялись, т.к. в это время полковые муллы отслуживали мусульманский обряд «Джума-намаз»¹⁵¹.

Это были совершенно новые порядки, выходящие из прежних общеармейских рамок, что также являлось одним из проявлений своеобразия башкирских частей среди прочих антибольшевистских войск.

За основу дисциплинарной системы в дивизии был взят Дисциплинарный устав Народной армии Комуча. Предписывая придерживаться статей устава, башкирское командование оговаривало, что такой порядок продлится «впредь до выработки уставов и норм для Башкирских войск»¹⁵².

Скорее всего, вышеперечисленные нововведения были задействованы и в 1-й Башкирской дивизии, о чем свидетельствует начавшаяся общая централизация башкирских вооруженных сил.

С разрастанием военной силы и значения национальных частей происходит ухудшение отношений Башкирского правительства с сибирским командованием. Обострение противоречий сопровождалось рядом инцидентов. Так, в середине августа башкирский конный отряд во главе с подпоручиком Добринским и прапорщиком Мухамедьяровым в Аргаяшском кантоне вступил в конфликт с казаками. Как выяснилось позже, отряд был направлен БВС с заданием разобрать дело двух враждующих родов Мухаметкуловской и Мавлютовской волостей, арестовать агитаторов против мобилизации в Башкирское войско¹⁵³ и разыскать дезертиров. Командование Уральского корпуса расценило действия башкирского отряда как незаконные и распорядилось арестовать его командиров. По этому поводу Башкирское правительство выразило Омску официальный протест¹⁵⁴.

Такие случаи были нередкими явлениями, но наибольший ажиотаж вызвало решение сибирского командования мобилизовать население 1919-1920 гг. призыва, считавшееся белыми генералами «неиспорченным» революционными идеями. В их число автоматически попадали башкиры, несмотря на прежние призывы четырех возрастов¹⁵⁵.

Первым, кто поднял вопрос о дополнительном призыве башкирского населения, был начальник штаба Западно-Сибирского военного округа полковник Шеловин. Эту инициативу поддержал

командующий Уральским корпусом генерал-лейтенант Ханжин, предложивший свое решение проблемы. По его приказу (19 августа) из новобранцев-башкир 1919-1920 гг. формировался запасной полк под названием «Башкирский запасной полк Уральского отдельного корпуса»; подразделения полка размещались в Миассе и Златоусте; сформированный полк входил в состав Уральской запасной бригады на равных условиях с другими ее частями; командир Уральской запасной бригады немедленно приступал к набору командных кадров для Башкирского запасного полка.

При назначении на командные должности в запасном полку строжайше запрещалось руководствоваться национальной принадлежностью офицеров. Главным критерием, по мнению Ханжина, являлось наличие опыта. Основным предназначением формируемого полка генерал считал обеспечение солдатами действующих башкирских частей Уральского корпуса. Это было довольно странное решение, учитывая, что Башкирское правительство уже привлекло на нужды фронта четыре призыва, а это превышало мобилизационные требования сибирцев.

Реакция Башкирского правительства не заставила себя ждать: в телеграмме в адрес сибирского командования говорилось, что «запасные части будут формироваться из мобилизованных годов (*m.e. 1915-1918 гг. – Т.Р.*)», причем 1-й Запасной полк будет размещен в Уфе, 2-й Запасной полк – в Орске. По вопросу призыва башкир 1919-1920 гг. А.-З. Валидов категорично заявил о невозможности такого мероприятия¹⁵⁶.

Отпор башкирского руководства заставил М. Ханжина повременить со своими планами, но через несколько дней, опираясь на поддержку Омска, он опять вернулся к реализации этой затеи. А.-З. Валидов с недоумением обратился к генералу: «Вы же сами лично подтвердили наше заявление, что мобилизация 1919, 1920 годов не должна распространяться на башкирское население, давшее солдат за четыре года». Председатель БВС настойчиво просил Ханжина отменить свой приказ, отданный воинским начальникам Челябинского, Щадринского, Екатеринбургского, Златоустовского, Верхнеуральского и Троицкого уездов о начале мобилизации 17- и 18-летних башкир¹⁵⁷.

Однако, вопреки протестам БВС, сибирские уездные власти приступили к исполнению данного им приказа. Уполномоченный БВС в Челябинске сообщал А.-З. Валидову: «... уездные военачальники делают распоряжения властям мобилизовать башкир... 1919-1920 гг. ...спешно сообщите как нам поступить». Военный министр Сибирского правительства открыто поддержал действия М. Ханжина, назначил призыв башкир на конец августа, а воинским уездным начальникам было приказано начать организационную и идеологическую работу среди мобилизуемых башкир.¹⁵⁸

Те же проблемы у Башкирского правительства возникли в отношениях с оренбургскими властями. Исполняя распоряжения Сибирского правительства, штаб Оренбургского военного округа объявил о призыве 1919-1920 гг. Опасаясь, что мобилизация коснется и башкирского населения, мобилизационный отдел БВС в телеграмме к оренбургскому руководству настаивал на исключении башкир из числа призывников¹⁵⁹. Для укрепления своей позиции в этом вопросе Башкирское правительство выпустило обращение к волостным управам такого содержания: «Мобилизация призывов 1919 и 1920 годов объявленной уездными по воинской повинности присутствием, не распространяется на башкирское население, а также на тех мусульман, проживающих на территории Башкирии, которые были мобилизованы наряду с башкирами при призыве 1915, 1916, 1917, 1918 годов». Списки призывников 1919-1920 гг. правительство рекомендовало приготовить управам «только для сведения»¹⁶⁰.

В конечном итоге, сибирские и оренбургские власти уступили требованиям Башкирского правительства, отменив призыв башкир 1919-1920 гг. Не исключено, что А.-З. Валидов заручился поддержкой Комуча, в это время оказывавшего официальное покровительство Башкирскому правительству.

Несомненно, раздражение башкирского командования действиями сибирских военных способствовало наметившемуся сближению Башкирского и Самарского правительств. Для укрепления нового положения в сознании башкирских солдат БВС опубликовал обращение ко всем командирам, в котором указал на необходимость внушения личному составу мысли о принадлежности их к Народной армии. Всем солдатам пояснили, что связь башкир с «народоармейцами» обязывает первых «держаться на высоте

своего положения». В башкирских полках был обсужден вопрос о переходе в ряды Народной армии. Так, например, общее собрание офицеров 2-го башкирского пехотного полка положительно расценило действия БВС, но с условием, что по-прежнему сохранится строгая дисциплина, беспрекословное подчинение командирам, будут исключены какие-либо комитеты и выборность командиров¹⁶¹.

В конце августа, когда башкирские лидеры окончательно приняли сторону Комуча, самарские руководители дали согласие на соединение дивизий в корпус. Штаб оренбургского военного округа обязывался обеспечить соединение всем довольствием¹⁶². Чуть позже самарцы подписали с Башкирским правительством Соглашение, которое подтверждало особый статус Башкирского войска в Народной армии¹⁶³.

Последним препятствием к официальному образованию корпуса стало отсутствие командующего. Имеющиеся в Башкирском войске штаб-офицеры по разным причинам не могли взять на себя такую ответственность. Единственной реальной кандидатурой на эту должность (с точки зрения Башкирского правительства) являлся все еще отсутствующий генерал-майор Х.А. Ишбулатов. Наконец, 6 сентября долгожданный генерал прибыл в Оренбург, а на следующий день - 7 сентября - вышел приказ БВС № 37, по которому образовывался Отдельный Башкирский корпус в составе 1-й Башкирской дивизии, 2-й Башкирской дивизии и 1-го Башкирского кавалерийского полка. Командование корпусом было возложено на Ишбулатова, а начальниками дивизий стали подполковник Акчулпанов (1-я) и подполковник Бикмеев (2-я). До прибытия назначенных начальников их должности должны были временно исполнять подполковники Терегулов и Емельянов¹⁶⁴.

Позже был разработан временный штат управления Отдельного Башкирского корпуса, состоящего из трех звеньев – командующего, штаба корпуса и снабжения корпуса (см. Приложение № 2). Первая часть была самой простой и включала в себя самого командующего и двух его адъютантов. Вторая, помимо начальника штаба, имела правления обер-квартирмейстера и специального дежурного штаб-офицера. Последняя часть имела вспомогательный характер, но при этом являлась самой массивной и имела большое значение. В ведомство начальника снабжения входили: Канцелярия корпуса по

хозяйственной части, Управление начальника военных сообщений, Управление инспектора артиллерии, Управление корпусного интенданта, Управление корпусного инженера, Управление корпусного врача, Управление корпусного ветеринара, Управление корпусного контролера. В штате должны были быть 1 генерал-лейтенант, 3 генерал-майора, 15 штаб-офицеров, 14 обер-офицеров, 59 чиновников, 5 медицинских работников и 20 солдат¹⁶⁵.

Высшее командование корпусом распределилось следующим образом: начальник штаба – полковник Федоров, дежурный штаб-офицер штаба – полковник Соловьев, старший адъютант Управления дежурного штаб-офицера – подполковник Володский, штаб-офицер для поручений Управления обер-квартирмейстера – подполковник Разумовский, штаб-офицер для поручений Управления Корпусного интенданта – полковник Гусев и т.д.¹⁶⁶ На должность начальника штаба корпуса претендовал офицер Генерального штаба – генерал-майор Платов (внук родного брата знаменитого атамана Платова – героя Отечественной войны 1812 года). По уверению капитана Биглова (командир 16-го Уфимского полка), предлагаемый кандидат владел четырьмя языками и «для дела был бы крайне полезен»¹⁶⁷. В дальнейшем фигура генерала Платова теряется в документах. Думается, что башкирское руководство отклонило предложение Биглова.

17 сентября в приказе № 64 по войскам Народной армии было подтверждено создание Отдельного Башкирского корпуса, а также утверждались в своих должностях Ишбулатов, Акчулпанов и Бикмеев. В доказательство своей полной поддержки инициативы Башкирского правительства Комуч отправил в новоиспеченный корпус 5 тысяч комплектов одежды, 1000 винтовок и 10 пулеметов¹⁶⁸. Интересно, что к этому времени в самой Народной армии таких крупных соединений не было. Вооруженные силы Комуча делились на территориальные группы, в которые входили дивизии, отдельные полки и отряды. Даже в соседнем с башкирами Оренбургском казачьем войске корпуса начали формироваться месяц спустя, когда была образована Юго-Западная армия.

Следует сказать, что почти во всех частях корпуса имелись некоторые проблемы. В 1-й дивизии самым полновесным являлся 3-й полк (1200 штыков), но солдаты не имели опыта боевых действий.

5-й и, особенно, 2-й пехотные полки прошли через войну, но их роты были сильно потрепаны людскими потерями. Во 2-м полку число солдат не превышало 600 человек, а в 5-м полку их было не более 500.

Во 2-й дивизии дела обстояли немного лучше. Самая боеспособная башкирская часть – 1-й пехотный полк имел приблизительно 800 штыков, а 4-й пехотный полк насчитывал около 1 тысячи штыков. Совсем малочисленным являлся 1-й кавалерийский полк, где число бойцов не превышало 100 человек.

Таким образом, несмотря на то, что в 1-й дивизии на один полк было больше, силы обеих дивизий были примерно равны. Общую численность корпуса на момент его образования можно оценить приблизительно в 4 тысячи солдат и офицеров.

Главная проблема корпуса состояла в рассеянности его полков на большой территории. Генерал Х.А. Ишбулатов в телеграмме, адресованной А.-З. Валидову на Уфимское государственное совещание, просил добиться у антибольшевистского руководства согласия на концентрацию всех башкирских полков на территории «Малой Башкирии». Неисполнение этой задачи, по убеждению генерала, могло привести к «быстрому незаметному уничтожению ... лучших башкирских войск»¹⁶⁹.

На практике осуществить предложение командующего корпусом оказалось делом очень затруднительным: по решению государственного совещания создавалось единое правительство (Директория) и единая армия. С исчезновением поддержки реорганизованного Самарского правительства у башкирского руководства вопросы концентрации своих частей заменяются проблемой сохранения Башкирского войска в антибольшевистском лагере.

Боевики-добровольцы против Красной гвардии

Наряду с регулярными частями в Башкирском войске заметно выделялись добровольческие отряды. Начало им было положено еще в марте 1918 года, когда башкиры, совместно с казаками, вели

партизанскую войну с большевистскими властями. С появлением в июне первых башкирских батальонов добровольческие отряды отошли на второй план, и большинство из них, по всей видимости, стали основой для регулярных частей. Так, например, часть боевиков перешла в 1-й Башкирский пехотный полк.

Авторы книги «18 февраля 1919 года...» пишут, что число отрядов к июлю 1918 года достигло 12 единиц. На наш взгляд, это не совсем соответствует действительности. Видимо, авторы очерка ошиблись при определении месяца, т.к. названные 12 отрядов могли иметь место только во второй половине июля 1918 года. Уверенно говорить о наличии одного добровольческого отряда в июне 1918 года можно лишь в Тамьян-Катайском кантоне. Не исключено, что какие-то небольшие отряды были и в двух-трех других кантонах. Кстати, те же неточности в вышеупомянутом очерке наблюдаются и в характеристике регулярных частей и их численности¹⁷⁰.

В начале июля военная необходимость заставила башкирское руководство вспомнить о добровольческих отрядах. Взятие антибольшевистскими силами Уфы, Стерлитамака, Оренбурга, Златоуста и других городов вынудило большое количество рабочих дружин отступить в менее досягаемые для противника районы. Особо крупные красные силы сконцентрировались вокруг Богоявленского и Белорецкого заводов¹⁷¹. В район последнего выступили Василий Блюхер и Николай Каширин. По счастливой случайности по пути им попался автообоз красных частей Оренбургского фронта. В 15-ти автомашинах содержалось почти 5 млн. рублей, 90 тысяч патронов, 80 снарядов и 4 бочки со спиртом¹⁷². Весь этот груз командование отрядов присвоило себе, значительно облегчив положение своих бойцов.

Как мы уже писали выше, Н. Каширин и В. Блюхер не сумели выйти в тыл белых войск Екатеринбургского фронта и сконцентрировались вокруг Белорецка. Здесь уже собрались отряды И. Каширина и Н. Томина, выбитые из Верхнеуральска, остатки разгромленной Златоустовской группы, Стерлитамакский отряд, баймакские шахтеры. Общая численность группировки составила около 8 тысяч бойцов. Таким образом, была частично реализована идея Блюхера о создании внутреннего фронта. Правда, он охватывал

сравнительно небольшую территорию и располагался в стороне от железной дороги, что сильно снижало его стратегическое значение.

Деятельность враждебных сил в глубине Южного Урала доставляла Башкирскому правительству массу хлопот: красноармейские отряды делали все для того, чтобы сорвать мобилизацию в Башкирское войско, а местное население подвергалось жесточайшему террору¹⁷³. Первоначально БВС пытался разрешить проблему подручными силами, посылая в район наибольшей активности противника части 1-го Башкирского пехотного полка и отдельные военные команды. Так, например, башкиро-казачий отряд был переброшен на территорию Байбучкаровской, Буринской и Кунакбаевской волостей, где свирепствовали красногвардейцы, вынуждавшие местное население мигрировать в Челябинский уезд. Похожая картина наблюдалась и в Стерлитамакском уезде, где, по данным подполковника Акчулпанова, «красногвардейцы вырезают башкир»¹⁷⁴.

Однако силами регулярных частей эту проблему решить не удалось, т.к. почти все они сражались на фронте, а небольшие команды башкирских солдат и казаков не могли справиться с многочисленными красными дружинами.

Понимая острую необходимость вытеснения красногвардейцев со своей территории, А.-З. Валидов разработал проект о добровольческих отрядах, в котором предлагалось решение вопроса борьбы с противником в горах Южного Урала. Проект был отправлен 7 июля 1918 года в виде письма на имя военного министра Сибирского правительства А. Гришина-Алмазова.

А.-З. Валидов полагал, что создание добровольческих отрядов диктовала катастрофическая ситуация, сложившаяся в горах. По его словам, «скрывающиеся в горах, ущельях, мелких заводах, рудниках, хуторах красноармейские банды терроризируют горных башкир, отбирают привозимый из соседних ... хлебородных уездов хлеб, скот, массами расстреливают население. То же делается среди башкир Златоустовского, Красноуфимского уездов. Часть оренбургских красных появилась в Юмагузинской, Каракипчакской волостях Оренбургского уезда, Тангауровской, Бурзянской волостях Орского уезда, Арсланской, Кушманской, Азнаевской волостях Стерлитамакского уезда. Генералы Ханжин и Шишкин находят, что в

горах, ущельях фронт держать невозможно». Поэтому, по суждению А.-З. Валидова, необходимо было «организовать сильные горно-башкирские отряды в девяти главных пунктах Красноуфимского, Златоустовского, Стерлитамакского, Верхнеуральского, Орского, Оренбургского уездов численностью до пяти тысяч человек». У сибирских военных властей башкирское руководство просило 250 винтовок и 600 тысяч рублей на первый месяц содержания добровольцев. В дальнейшем предлагалось перевести их в разряд кантонной милиции с некоторым сокращением личного состава.

Изучив проект, предложенный башкирской стороной, Гришин-Алмазов его одобрил, пообещав требуемую сумму денег и другие необходимые средства¹⁷⁵.

Еще раньше, 1 июля, Башкирское правительство, опережая официальную санкцию Омска, выпустило распоряжение, по которому «в целях установления порядка и для ведения борьбы с большевиками на местах» организовывались «по всей башкирской территории особые башкирские отряды по особо выработанному штату». Формируемые отряды переходили в полное подчинение Добровольческого отдела БВС. Как и в вышеизложенном проекте, предусматривалось, что после выполнения поставленной боевой задачи отряды должны были преобразоваться в постоянную милицию с переподчинением отделу внутренних дел Башкирского правительства¹⁷⁶.

При БВС был оперативно сформирован Добровольческий отдел под руководством поручика А. Биешева. Отдел имел в штате заведующего, двух обер-офицеров для поручений, делопроизводителя и четырех писарей¹⁷⁷. Большую надежду Башкирское правительство возлагало на помощь чехословаков. Объясняя им серьезную опасность со стороны красных дружин, наводнивших Южный Урал, А.-З. Валидов уверял, что в горной местности «могут успешно действовать и переловить» противника «лишь вооруженные партизанские отряды». Для их оснащения Валидов рассчитывал получить от чехословаков 4 пулемета с лентами, 300 винтовок с патронами, две пехотные кухни. Весь этот груз следовало переправить в Миасс к начальнику Тамьян-Катайского отряда прапорщику У. Терегулову.

Очевидно, что даже в случае получения военных средств от чехословаков, добровольцы испытывали острый недостаток буквально во всем. Обещанные А. Гришиным-Алмазовым вооружение, снаряжение и деньги задерживались. Параллельно проводимая БВС мобилизация башкир в регулярные национальные части не позволяла выделить на добровольческие дела какие-либо значительные средства. Единственная надежда оставалась на то, что сибирцы все же выполнят свои обязательства и вооружат добровольцев.

Повторное письмо Валидова к Гришину-Алмазову написано в более жесткой форме. По сообщению председателя БВС, рабочие дружины, отрезанные со всех сторон белой армией, «начали безжалостно терроризировать башкирское население, мстят им за их выступление против Советов. Сжигают целые деревни, массами расстреливают». Теперь у военного министра он просил 3 тысячи винтовок, максимально возможное количество пулеметов, 456 тысяч рублей и 50 пудов чая¹⁷⁸. Не получив внятного ответа, А.-З. Валидов в очередной телеграмме предупредил Омск, что «добровольческие отряды состоящие из «стариков», сражаются на Верхнеуральском, Стерлитамакском и Красноуфимском фронтах вместе с регулярными частями», в случае дальнейшего неполучения денег они «будут расформированы»¹⁷⁹. Как выяснилось чуть позже, предупреждение не было пустым звуком. В начале августа в связи с невозможностью содержания и вооружения Усман-Валеевского отряда его бойцы разошлись по домам. По словам А.-З. Валидова, та же участь ожидала самый крупный и боеспособный Тамьян-Катайский отряд¹⁸⁰. Последнему приходилось труднее всех. Составляя ядро башкирских сил, сражающихся на Верхнеуральском фронте, тамьян-катайцы находились в крайне суровых условиях. В соответствии с сообщением командующего башкирскими силами, отряд испытывал острую нужду в деньгах, обмундировании, продовольствии и командных кадрах. По заключению командующего, «люди измучились, истерзаны, требуют жалования, обмундирования». Башкирское командование предупреждало, что в скором времени из-за отсутствия снабжения группировка будет рассеяна¹⁸¹. Председатель БВС срочно телеграфировал командованию Уральского корпуса: «Прошу немедленное ... распоряжение об отпуске денег на

Знаки отличия военнослужащих башкирских частей (1-й пехотный полк), принятых в июне 1918 г.

Солдаты и младшие командиры

Рядовой

Ефрейтор

Бомбардир

Унтер-офицер

Фельдфебель

Подпрапорщик

Обер-офицеры

Прапорщик

Подпоручик

Поручик

Штабс-капитан

Капитан

Штаб-офицеры

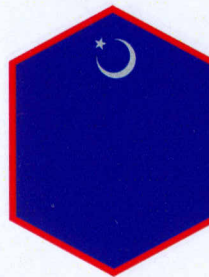
Подполковник

Полковник

Знаки отличия военнослужащих
башкирских пехотных частей, принятых в августе 1918 г.

Солдаты и младшие командиры

Рядовой

Ефрейтор

Бомбардир

Унтер-офицер

Фельдфебель

Подпрапорщик

Обер-офицеры

Прапорщик

Подпоручик

Поручик

Штаб-капитан

Капитан

Штаб-офицеры и генералы

Подполковник

Полковник

Генерал-майор

Генерал-лейтенант

«Полный» генерал

Рядовой 1-го Башкирского пехотного полка
образца сентября 1918 г.

Подпоручик 1-го Башкирского пехотного полка
образца сентября 1918 г.

Боец башкирского добровольческого отряда
образца августа 1918 г.

довольствие..., обмундирование нашим голодным и голым добровольцам-партизанам ... Если деньгами и обмундированием не обеспечите, отряды разойдутся, и Верхнеуральский и Белорецкий фронт лишатся таких храбро и самоотверженно сражающихся людей»¹⁸².

Многочисленные запросы А.-З. Валидова вызвали в Омске неожиданную реакцию – начальник штаба Сибирской армии полковник Шелавин порекомендовал обратиться по вопросам военного снабжения башкир к Самарскому правительству. Такой ход сибирского руководства несколько ошеломил А.З. Валидова, т.к. все башкирские формирования в тот период времени находились в ведении сибирцев¹⁸³. Возможно, это была плохо скрытая месть сибирских военных Башкирскому правительству за его связи с Комучем, с которым омские власти вели ожесточенную борьбу. Расстроенный А.-З. Валидов вновь телеграфировал А. Гришину-Алмазову: «Теперь мы не знаем, что делать. Красноармейцы систематически истребляют башкир Южного Урала. Сегодня вынуждены были распустить 250 добровольцев-башкир Катаевского района, десять дней ждавших деньги, довольствие и оружие». Военный министр Сибирского правительства, в целом положительно относившийся к башкирским формированиям, наконец, выдал в середине августа крупную сумму денег – 1 392 000 рублей. Не замедлил с помощью и Комуч, сразу же откликнувшийся на просьбы Башкирского правительства, отправив последнему значительные денежные средства. В руках БВС неожиданно оказались такие большие деньги, что было решено часть из них потратить на нужды регулярных частей, также испытывающих серьезные финансовые затруднения¹⁸⁴.

Денежные вливания быстро стабилизировали ситуацию с добровольческими отрядами. Организация отрядов проходила в два этапа. Первым делом БВС направил своих офицеров (все – мусульмане) в башкирские кантоны для набора добровольцев. Имея на руках денежные средства, офицеры быстро разворачивали организационную работу и при поддержке кантональных воинских начальников собирали необходимое количество людей. Так, БВС направил прапорщика Рамеева к юрматынцам, прапорщика Давлетшина – к джетировцам и токчуранцам, подпоручика

Габдрахманова – к усерганцам, прапорщика Загитова – к бурзянцам и т.д.¹⁸⁵ Спустя некоторое время убывшие офицеры возвращались за оружием и боеприпасами. В таблице № 3 видно, каким образом выстраивались расходы на добровольческие отряды.

Таблица № 3

Основные показатели расходов БВС
на содержание добровольческих отрядов в августе 1918 г.

Наименование отряда	Выдано оружия						Выдано денег (в руб)
	Системы «Бердан»			Системы «Ветерли»			
	Винтовки	Штыки	Патроны	Винтовки	Штыки	Патроны	
1. Усерганский	50	-	2500	-	-	-	2500
2. Токчуран.	60	-	3000	-	-	-	2000
3. Табынский	72	-	3628	128	128	6400	5000
4. Юрматын.	250	14	12500	-	-	-	5000
5. Джетир.	50	15	2500	-	-	-	3000
6. Тангаур.	?	?	?	?	?	?	7650
7. Тамьян-Катайский	?	?	?	?	?	?	15000
8. Кипчакский	?	?	?	?	?	?	7650

Сост. по: ЦГИА РБ. Ф. Р-1201. Оп. 2. Д. 2. Л. 16, 17.

Количество бойцов в отрядах было различным: например, в самом малочисленном, Усерганском, действовало всего 50 человек, а в самом крупном, Тамьян-Катайском – около 300 человек. Национальный состав рядовых добровольцев был практически однородным, хотя в отдельных случаях, помимо башкир, принимались представители других национальностей, в том числе, русские.

На втором этапе происходила комплектация командных кадров: начальник отряда, старший военный инструктор и младший военный инструктор. Очень часто начальник отряда совмещал должность старшего военного инструктора, что объяснялось нехваткой офицеров. Как и в регулярных частях, в командном составе добровольческих отрядов, наряду с башкирами, находились русские и татары. Русские офицеры распределялись, в основном, на должностях младших военных инструкторов, а ключевые командные посты занимали башкиры и татары.

Во второй половине августа БВС поставил на обеспечение 8 добровольческих отрядов (Кипчакский, Тангауровский, Табынский, Юрматынский, Тамьян-Катайский, Усерганский и Джетировский). Прочие отряды, не зачисленные на содержание БВС, финансировались из других источников. Например, для Красноуфимского, Екатеринбургского, Аргаяшского и Аненнского отрядов А.-З. Валидов просил у генерал-лейтенанта М. Ханжина 50 тысяч рублей¹⁸⁶. С аналогичными просьбами башкирское руководство обратилось к чехословацкому командованию, штабу Народной армии и оренбургским военным властям. По-видимому, БВС был в состоянии обеспечить только те отряды, которые создавались при его непосредственном участии. Самостоятельно организовавшиеся башкирские партизанские команды выживали сами при минимальной поддержке БВС. Число наиболее крупных «внебюджетных» отрядов определить довольно трудно. В документах упоминается о пяти таких подразделениях (Екатеринбургский Аргаяшский, Аненнский, «Дикий», Кушинский). Возможно, что существовало какое-то количество мелких (по 20-30 человек) отрядов.

Для упорядочивания системы добровольческих отрядов БВС распisał план их внутреннего устройства. По замыслу башкирских руководителей, все имеющиеся отряды унифицировались. Отряд, состоящий из 250 человек, преобразовывался в одну роту. Если в отряде было большее количество людей, то они организовывались либо в следующую роту, либо в отдельный взвод, прикрепленный к отряду. В нижеприведенных таблицах видно, как БВС представлял себе будущие добровольческие отряды.

Таблица № 4а

Проект штата добровольческого отряда

Наименование должности	Число людей
1. Командир роты (отряда)	1
2. Командир взвода	2
3. Взводный	1
4. Командир отделения	от 8 до 16
5. Рядовой	250
6. Ротный писарь	1
7. Кашевар	1
8. Артельщик	1
9. Кипятильщик	1

Сост. по: РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 71.

Таблица № 4б

План расходов на содержание одного добровольческого отряда на один месяц

Наименование должности	Жалование (в руб.)	Приварочные (в руб.)	Провиантские (в руб.)	Чайное (в руб.)	Мыльное (в руб.)	Фуражное (в руб.)
Командир роты	400	0,75	0,4	0,2	1	8,25
Командир взвода	300	0,75	0,4	0,2	1	8,25
Командир отделения	75	0,75	0,4	0,2	1	8,25
Взводный	90	0,75	0,4	0,2	1	8,25
Фельдфебель	120	0,75	0,4	0,2	1	8,25
Рядовой	60	0,75	0,4	0,2	1	8,25

Сост. по: РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 71.

Если сложить все месячные денежные расходы на содержание одной роты (отряда) добровольцев, то общая сумма составляет около 18 тысяч рублей в месяц. Такой план фактически превращал добровольческие формирования в регулярный воинский контингент, т.е. постоянно действующую военную милицию. Однако дальше проекта реформа добровольцев не продвинулась. Очевидно, это было связано с финансовыми затруднениями, которые постоянно испытывало Башкирское правительство.

Точную численность добровольцев установить довольно трудно. По нашим подсчетам, к сентябрю 1918 года в отрядах служило приблизительно 3 тысячи боевиков. С учетом неизвестных отрядов их число могло быть несколько большим. М.Л. Муртазин в своей книге говорит о 3,5 тысячах добровольцев¹⁸⁷, что почти совпадает с нашей цифрой. Так или иначе, добровольцы представляли собой довольно серьезную силу, способную наносить противнику ощутимые удары.

Функции, которыми Башкирское правительство наделило добровольцев, были самыми разносторонними. Исчерпывающие данные по этому вопросу содержатся в наказе БВС добровольческим отрядам. В 22-х пунктах наказа главной задачей добровольческих дружин являлось выполнение директив Башкирского правительства по делам мобилизации с обеспечением постоянного притока призывников. Добровольцам вменялось в обязанность «всюду по пути своего следования искоренять большевизм среди населения, прибегая ко всем мерам наказания» (подчеркнуто мной – Т.Р.). Со всеми обнаруженными красногвардейскими дружинами БВС предписывал «расправляться самым беспощадным образом». Также добровольцам поручалось «под страхом конфискации имущества» изымать у населения огнестрельное и холодное оружие. Во всех волостях отряды должны были восстановить волостные управления при содействии местного населения. 18-й и 19-й пункты наказа гласили о необходимости возврата всего конфискованного скота и другого имущества прежним хозяевам, а по 20-му пункту имущество большевиков подлежало экспроприации. Отрядам рекомендовалось принимать к себе добровольно явившихся вооруженных людей. Все желающие служить в башкирских частях, но не имеющие оружия, должны были отправляться в Оренбург¹⁸⁸.

Как видно, добровольческие отряды получили весьма широкие полномочия, контролируя призыв населения на воинскую службу, распределение земельной и другой собственности, организацию органов местного самоуправления, систему связи башкирских волостей с Оренбургом. В области борьбы с красными дружинами и враждебной агитацией отряды руководствовались чрезвычайно жесткими предписаниями, вплоть до их полного уничтожения. В сущности, добровольцы стали полными хозяевами в тех местах, где развернули свою деятельность.

Щадринские уездные власти осенью 1918 года с тревогой докладывали в Омск, что добровольческие отряды «энергично взыскивают земские налоги не только с башкир, но и с русского населения, живущего в пределах Башкурдистана... По всем кантонам ведется энергичная пропаганда за автономию, поддерживаемая обещанием возратить населению все бывшие башкирские земли»¹⁸⁹. Не случайно зимой 1918 года белое командование, приступая к реорганизации Башкирского войска, планировало, в первую очередь, ликвидировать добровольческие отряды¹⁹⁰.

Вернемся к театру военных действий на Верхнеуральском фронте. 16 июля в Белорецке состоялся первый объединенный совет красных командиров, на котором командующим был избран Николай Каширин и его заместителем – Василий Блюхер. По замыслу командующего, объединенная группа красных должна была прорываться к основным силам большевиков через Верхнеуральск и дальше к Екатеринбургу. Блюхер предлагал западное направление, но его предложение отклонили.

18 июля 1918 года красные дружины предприняли наступление на Верхнеуральск и Тирлян. Начальник обороны Верхнеуральска генерал-майор Шишкин, опасаясь потерять город, настоял на привлечении к обороне башкирских формирований. Идя навстречу генералу, Башкирское правительство приказало командиру Тамьян-Катайского отряда срочно выступить к Верхнеуральску на помощь казакам¹⁹¹. Как уже говорилось выше, регулярные и партизанские силы башкир были объединены в одну группу – сначала под командование Амира Карамышева, а после его смерти – Усмана Терегулова.

По признанию И. Каширина, на пути к городу красноармейцы «бились за каждую сопку и гору. Дрались, сталкиваясь ... главным образом с башкирскими частями»¹⁹². Кровавопролитные сражения за Верхнеуральск дорого обошлись башкирам. Как писал участник тех боев бывший красногвардеец М. Халидов, со стороны белых «поголовное большинство ... жертв составляли башкиры», т.к. их «ставили на самые опасные боевые участки, а при отступлении оставляли на прикрытие»¹⁹³.

Башкирские командиры сообщали в БВС, что снабжение группировки со стороны белых совершенно не организовано, а генерал Ханжин откладывает обеспечение постоянно находившихся в боях солдат самым необходимым, даже продуктами питания¹⁹⁴.

«Отличился» Ханжин и в ситуации с другими башкирскими частями. Так, в середине сентября он распорядился разоружить батальоны 2-го Башкирского полка, вернувшегося с Екатеринбургского фронта, солдаты которого в сражениях с красными добыли немало трофейного оружия. Это совершенно абсурдное решение вызвало взрыв недовольства, как со стороны солдат, так и со стороны Башкирского правительства. Валидов пригрозил генералу обращением к делегатам Государственного совещания в Уфе, если тот не отменит свой приказ¹⁹⁵. Очевидно, Ханжин уступил Валидову. По крайней мере, дальнейшее продолжение это неприглядная история не получила.

Тенденциозное отношение белого командования к башкирам проявилось не только в плохом их снабжении боеприпасами и оружием, выставлением на самые опасные боевые участки, но и в конечной оценке вклада башкирских частей в победу над противником. Наиболее ярким примером может послужить рапорт командующего башкирскими силами Верхнеуральского фронта У. Терегулова на имя заведующего военным отделом Башкирского правительства. Возмущенный вопиющей несправедливостью по отношению к башкирским солдатам, он писал: «Воины башкиры ... безропотно исполняли все приказы ... несмотря на то, что они были голые, нагие, босые и голодные. Шли в бой почти с дубинами, не годными к стрельбе берданками», но, несмотря на все трудности, «башкиры не опозорили имя воина-башкирина, смело и храбро прикладами отбивали атаки». По мнению Терегулова, генерал

Ханжин (осуществлявший общую координацию военных действий на данном фронте) «не хотел видеть героизм воинов башкир, не услышал их голодный и измученный стон», а на требования выдачи хлеба «даже не последовали ответы». Далее автор рапорта уверяет, что только «кровью измученных башкир» белые силы удержали фронт, а командующий Уральским корпусом «бросает упреки и грязь в лицо воинов башкир, называет негодным и ненужным элементом». Заканчивается рапорт молодого офицера очень эмоционально: «Прошу от имени воинов башкир Верхнеуральского фронта: зачем и почему гигантские труды башкир затоптаны в грязь?»¹⁹⁶

Разумеется, эти факторы не могли не отразиться на взаимоотношениях между башкирскими военными, сибирцами и оренбургскими казаками.

В ходе тяжелых боев красному руководству стало очевидно, что продвижение в верхнеуральском направлении может обернуться полным разгромом группы, т.к. здесь она встретила ожесточенное сопротивление. Падение Екатеринбурга окончательно убеждает красных в необходимости пересмотреть свои планы. К тому же, в бою был ранен командующий – Николай Каширин. Понимая, что Верхнеуральск удержать не удастся, красные войска отошли к Белорецку.

Белое командование незамедлительно приступает к штурму Белорецка. 1 августа начались бои за город. Отбив первый штурм красные командиры провели второй совет, на котором командующим был избран Блюхер, сразу же предложивший прорываться в западном направлении. Его план был одобрен.

На следующий день начался знаменитый прорыв окруженных красногвардейских дружин по линии Макарово – Петровское – Богоявлененский завод – Иглино – Красная Горка – Алкино. По приказу командования Народной армии на пути следования красных дружин были организованы заслоны¹⁹⁷. Скорее всего, Тамьян-Катайский и другие добровольческие отряды приняли активное участие в этой военной операции, т.к. маневренная полупартизанская война соответствовала их профилю.

Впоследствии поход или «рейд» белорецкой группировки оброс легендами в советской литературе. На самом деле, Блюхер действовал очень прагматично, без малейшего риска, избегая

столкновений с крупными силами противника. Пользуясь удобным природным ландшафтом (фланги группы защищали горы), он безболезненно форсировал горы и вышел к селу Макарово, где состоялся очередной совет. Главный вопрос – куда идти дальше? Одни предлагали прорываться к Казани через Стерлитамак и Белебей, другие, среди которых был Блюхер, – двигаться на север через Иглино и Кунгур. Второй путь был самым безопасным. Крупных сил белых здесь не было, а сама география маршрута защищала группу от внезапных атак противника (слева – река Белая, справа – горы). В итоге, осторожный красный командир избрал второй вариант.

В Богоявлинском группа несколько дней отдыхала и была усилена местными рабочими отрядами до 1,5 тыс. человек, имеющими артиллерию. Общая численность группы возросла до 10 тыс. бойцов.

16 августа группа двинулась в северном направлении к Иглино. Здесь, по решению Блюхера, один из отрядов предпринял ложную атаку на Уфу с целью сковать стоящие там силы белых и не дать им возможность атаковать красные отряды.

На реке Сим один из эскадронов 1-го Башкирского кавалерийского полка под командованием Муртазина (видимо, он преследовал красных от самого Белорецка) атаковал одну из лучших частей Блюхера – полк имени Стеньки Разина, понесший сильные потери. За этот бой Муртазин был произведен в следующий чин¹⁹⁸. А по данным Валидова, красные силы, имитирующие поход на Уфу, были отброшены 3-м Башкирским пехотным полком. Вероятнее всего, это произошло в районе железнодорожной станции Иглино. Есть сведения (правда, довольно спорные), что в преследовании блухеровцев участвовал и 1-й Башкирский пехотный полк¹⁹⁹.

В целом же, группа благополучно миновала уфимский район и 12 сентября соединилась с передовыми силами красных в районе села Аскарково.

В середине сентября Башкирское правительство с удовлетворением констатировало, что с уходом белорецкой группировки в восточном Башкортостане не осталось красных сил, за исключением мелких разрозненных групп²⁰⁰. Упразднение Верхнеуральского фронта сняло огромное напряжение с утомленных войной башкирских боевиков. Командир тамьян-катайцев получил

приказ охранять кантон, войдя в непосредственное подчинение местного воинского начальника. Обеспечение отряда довольствием и вооружением поручалось челябинскому филиалу добровольческого отдела БВС²⁰¹. Думается, что большинство добровольческих отрядов, освобожденных от участия в боевых действиях, переводится в распоряжение местных кантональных воинских начальников. Статус последних резко поднялся. Правовое поле их деятельности башкирское руководство определило специальным положением «О правах, обязанностях и круге деятельности Кантональных Воинских Начальников», состоящим из 15-ти разделов. В 1-м разделе оговаривались основные функции воинских начальников: организация планомерной мобилизации, учет подлежащего призыву населения, управление местным воинским контингентом (добровольческими отрядами), размещение и удовлетворение всем необходимым дислоцированных в кантоне частей, наблюдение за прибывающими в кантон военными, поддержание порядка во всем кантоне²⁰². Другими словами, вся полнота власти по военным и другим вопросам сосредоточилась в руках кантональных начальников. В оперативном отношении они подчинялись заведующему военным отделом Башкирского правительства, а управление воинского начальника работало под контролем мобилизационного отдела БВС (раздел II, пункт 1). По отношению к своим подчиненным воинский начальник наделялся статусом командира полка, а все военные лица, находящиеся в кантоне, и население, проходящее воинское обучение, подчинялись непосредственно ему (раздел II, пункты 2-3). На воинского начальника возлагалась организация (помимо добровольческих дружин) спортивных стрелковых обществ с целью обучения потенциальных призывников меткой стрельбе (раздел VI). Воинскому начальнику передавалось право руководства военно-врачебной комиссией (раздел VII), что усиливало его роль в проведении мобилизации. Значительное внимание в Положении уделялось урегулированию воинскими начальниками беспорядков и, в случае надобности, оказанию военной помощи соседним кантонам (раздел XIV)²⁰³.

Обновление функций кантональных воинских начальников отразилось и на добровольческих отрядах. В новых условиях

Башкирское правительство решает сформировать при каждом Воинском начальнике новые добровольческие дружины, сохранив прежние отряды. По нашему предположению, такая мера объясняется большой эффективностью, которую продемонстрировали добровольцы в прошедших боях, а потому превращать их в кантонные дружины с узколокальными функциями башкирские лидеры считали неоправданной мерой. Часть «старых» отрядов была преобразована в разряд регулярных частей. Так, 7 октября 1918 года, после расформирования Добровольческого отдела, Бурзян-Тангауровский, Усерганский, Кипчакский, Джетировский, Токчуранский отряды и Особая команда при отделе соединились в Башкирский Добровольческий кавалерийский полк. Командный состав части сохранился прежним. Бывших начальников отрядов БВС переквалифицировал в командиров эскадронов, а командование полком было возложено на Бишева, возглавлявшего до этого Добровольческий отдел²⁰⁴. Кроме того, по сведениям Муртазина, добровольцы послужили основой для формирования 6-го Башкирского пехотного полка²⁰⁵.

Становление «новых» добровольческих отрядов БВС планировал построить по несколько иной схеме. Отчасти она напоминала проект, предусматривающий организацию добровольцев в формате рот, правда, численность бойцов в отрядах была в пять раз меньшей, да и структура подразделения была гораздо более простой. Разумеется, расходы на такие отряды были ограниченными.

Таблица № 5

Проект штата «новых» добровольческих отрядов

Наименование должности	Число лиц
1. Командир роты (отряда)	1
2. Младший офицер	1
3. Унтер-офицер	12
4. Рядовые	50
	(В случае необходимости рота разворачивается до 100 человек)
5. Писарь	1

Сост. по: РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 12. Л. 34.

Однако и это предложение было в итоге отклонено. Можно предположить, что отряд из 50 человек, несмотря на сравнительную «экономичность», не мог полноценно решать серьезные боевые и организационные задачи. Поэтому башкирское руководство вернулось к прежним принципам комплектования добровольческих команд.

Глубокой осенью 1918 года башкирские кантоны наполняются свежими отрядами, сформированными из вновь прибывших добровольцев. В таблице № 6 размещена информация о численном и боевом составе отрядов в 13-ти кантонах «Малой Башкирии».

Таблица № 6

Численный и боевой состав «новых» добровольческих отрядов в ноябре 1918 г.

Наименование отряда	Число пул-ов	Число штыков	Число людей	Число шашек
1. Джетировский	2	60	300	300
2. Кипчакский	2	65	180	180
3. Усерганский	2	55	160	160
4. Бурзян-Тангауровский	2	60	180	180
5. Тамьян-Катайский	2	135	360	360
6. Аргаяшский	2	165	200	550
7. Яланский	2	65	180	180
8. Кущинский	2	55	250	250
9. Дуванский	2	75	225	225
10. Кудейский	2	40	110	110
11. Табынский	2	80	200	200
12. Юрматынский	2	96	250	250
13. Токчуранский	2	60	160	160

Сост. по: РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 12Л. 49.

«Новых» добровольцев было примерно столько же, сколько и их предшественников. Благодаря производственной смене, боевики, прошедшие летнюю военную кампанию, получили два месяца передышки перед тяжелейшими боями зимы 1918-1919 гг.

Создание сети добровольческих отрядов явилось одним из самых удачных военно-административных мероприятий Башкирского правительства по укреплению своей власти в регионе. Продемонстрировав большие способности в борьбе с красными войсками, добровольцы гармонично вписались в «мирную» жизнь, превратившись на некоторое время в кантонную милицию.

* * *

Добровольческие отряды оказали весомую поддержку регулярным частям, которые к августу 1918 года состояли из пяти пехотных и одного кавалерийского полка. Формирование национальных войск происходило в непростых политических условиях. Умелое маневрирование башкирских лидеров между Комучем, чехословаками, сибирцами и оренбургскими властями дало положительный результат: отдельные башкирские полки были соединены в дивизии, а затем в Отдельный корпус. Сибирское командование, изначально поддерживав идею создания башкирских национальных войск, к концу июля 1918 года по политическим причинам изменяет свои прежние позиции, стараясь ограничить их рост. Поэтому дальнейшее формирование башкирских частей переходит под патронаж Самарского правительства, преследовавшего свои военно-политические интересы. Но как в «сибирский», так и в «комучевский» периоды башкирские силы были рассредоточены на различных военных рубежах, хотя с появлением Отдельного корпуса началась постепенная концентрация полков в районе Оренбурга.

Рассеянность национальной армии объясняется тем, что Башкирское правительство не имело возможности полностью покрывать расходы на содержание своих войск, т.к. налоговая система на территории республики начала функционировать (и то лишь частично) в конце лета 1918 года. По этой причине вооруженные силы башкир находились в финансовой зависимости от различных военных ведомств белых, что в определенной степени подразумевало их зависимость в вопросах управления. По-видимому, этим обстоятельством и объясняются утверждения некоторых

авторов об эфемерности существования Башкирского корпуса как такового²⁰⁶.

На самом деле, несмотря на рассеянность башкирских сил по различным фронтам, юридически²⁰⁷ и фактически действовало Башкирское войско, включающее органы центрального и местного военного управления, Отдельный Башкирский корпус и сеть добровольческих отрядов. Это был единый организм, доказавший на деле свою жизнеспособность и эффективность.

Темпы формирования башкирских частей, при всех названных выше проблемах, просто поражают. Аналогичных примеров военно-организационной работы в национальных регионах России²⁰⁸ не было, пожалуй, за всю историю Гражданской войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Попов Ф. Чехословацкий мятеж и Самарская Учредилка. Куйбышев, 1937. С. 74; Гражданская война на Южном Урале (1918-1919). Сборник документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 31,32.
- ² Тоган З.В. Указ. соч. С. 239, 240.
- ³ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп.1. Д.5. Л.58.
- ⁴ Таган Г. Башкиры в Забайкалье // Ватандаш. 1997. № 8. С. 116.
- ⁵ РГВА. Ф.40204. Оп.1. Д.3. Л.9; Ф.40786. Оп.1. Д.19. Л.55.
- ⁶ Там же. Ф. 40786. Оп.1. Д.19. Л. 51,54,56.
- ⁷ Там же. Д.4. Л.124.
- ⁸ Образование БАССР. С. 878; Кульшарипов М.М. Указ.соч. С. 45; Касимов С.Ф. Указ.соч. С. 97.
- ⁹ Образование БАССР. С. 878.
- ¹⁰ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 19. Л. 52, 60, 61, 67, 68, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79.
- ¹¹ Там же. Л. 50. об.
- ¹² Там же. Д. 4. Л. 114.
- ¹³ Там же. Д. 4. Л. 103.
- ¹⁴ Тоган З.В. Указ. соч. С. 243.
- ¹⁵ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д.4. Л. 124.
- ¹⁶ Там же. Д.3. Л. 6, 9, 12.
- ¹⁷ Тоган З.В. Указ. соч. Л. 240.
- ¹⁸ Касимов С.Ф. Указ. соч. С. 97.
- ¹⁹ Кульшарипов М.М. Указ. соч. С. 45.
- ²⁰ ЦГАОО РБ. Д. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 76.
- ²¹ Там же. Д. 291. Л. 1-1 об.
- ²² Тоган З.В. Указ. соч. С. 243.
- ²³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 291. Л. 1 об.
- ²⁴ В дальнейшем мобилизационный план был несколько скорректирован.
- ²⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 291. Л. 1 об.
- ²⁶ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Д. 1. Л. 4.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 46.
- ³¹ РГВА. Ф. 40786. Оп.1. Д. 2. Л. 3
- ³² Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4 т. Автор-сост. Б.Х. Юлдашбаев. Т.2 ч.1. Уфа, 2002. С.422, 423.

- ³³ РГВА. Ф. 40786. Оп.1. Д. 1. Л. 1.
- ³⁴ Следует отметить, что в этот период Гражданской войны театр военных действий напоминал слоеный пирог, т.к. в нем не было четких фронтовых линий и обозначенных тылов. Конечно, в этой ситуации страдало, прежде всего, мирное население, подвергавшееся насилию со стороны вооруженных отрядов.
- ³⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 9. Л. 22.
- ³⁶ РГВА. Ф. 40786. Оп.1. Д.1. Л.29; Д.18. Л. 19.
- ³⁷ Там же. Д.1. Л. 33; Д. 18. Л. 19.
- ³⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 90, 91.
- ³⁹ Ларьков Н.С. Рождение Сибирской Белой армии // Тезисы докладов второй областной научной конференции «История Советской России: новые идеи, суждения». Ч.1. Тюмень, 1993. С. 34.
- ⁴⁰ Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 17-19.
- ⁴¹ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории, 1918-1920: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Т. 1. Харбин, 1921. С. 131.
- ⁴² Тоган З.В. Указ. соч. с. 329.
- ⁴³ РГВА. Ф. 40204. Оп. 1. Д.3. Л.2, 4.
- ⁴⁴ Там же. Л. 2,3,4.
- ⁴⁵ Там же. Л.2.
- ⁴⁶ Там же. Л. 6.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Тоган З.В. Указ. соч. С. 243.
- ⁴⁹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 294. Л. 80, 81.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 40204. Оп. 1. Д.3. Л. 9.
- ⁵¹ Там же. Л. 9 об.
- ⁵² Там же. Л. 10.
- ⁵³ Там же. Л. 12, 13, 19.
- ⁵⁴ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы: в 4 т. Автор-сост. Б.Х. Юлдашбаев. Т.2 ч.1. Уфа, 2002. С.408.
- ⁵⁵ Тоган З.В. Указ. соч. С. 244.
- ⁵⁶ РГВА. Ф. 40204. Оп. 1. Д.3. л. 9 об, 20, 21.
- ⁵⁷ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С.409.
- ⁵⁸ Кручинин В.В. На Екатеринбургском фронте. На Верхнеуральском тракте // Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. 1918-1922. Харбин, 1937. С. 25-27.
- ⁵⁹ Раимов Р.М. Указ. соч. С. 110-111.
- ⁶⁰ РГВА. Ф.423. Оп.1. Д.20.Л.51.
- ⁶¹ По мнению некоторых советских историков, численность красной группировки не превышала 2,3-2,5 тысяч бойцов (см. Лучевников П.С.

- Гражданская война на Южном Урале. 1918-1919 гг. Челябинск, 1958. С. 49; Васильковский О. А. и др. Урал в Гражданской войне. Свердловск, 1989. С. 31)
- ⁶² Аминев З.А. Указ. соч. С. 263; Мааляги В.А. В огне борьбы (красные эстонские стрелки). М., 1987. С. 50; Кручинин В.В. Указ. соч. С. 27.
- ⁶³ РГВА. Ф. 40204. Оп. 1. Д. 3. Л. 28,29, 32; Утро Сибири. 1918. 29 июня; Онуфриев И. Гражданская война на Урале. Воспоминания бывшего комбрига. Свердловск, 1925. С.25, 30.
- ⁶⁴ РГВА. Ф.423. Оп.1. Д.1.Л.28.
- ⁶⁵ Там же. Д. 3. Л. 52; Тоган З.В. Указ. соч. С. 244.
- ⁶⁶ Там же. Л.188.
- ⁶⁷ Там же. Л.170.
- ⁶⁸ Аминев З.А. Указ. соч. С. 272, 273.
- ⁶⁹ РГВА. Ф.423. Оп.1. Д.20. Л.65.
- ⁷⁰ Мааляги В.А. Указ. соч. С. 56.
- ⁷¹ РГВА. Ф. 40204. Оп. 1. Д. 3. Л. 52, 58, 61; Тоган З.В. Указ. соч. С. 245.
- ⁷² Кручинин В.В. Указ. соч. С. 27.
- ⁷³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 89.
- ⁷⁴ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д.4. Л. 126.
- ⁷⁵ Аминев З.А. Указ. соч. С.343.
- ⁷⁶ РГВА. Ф.40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 39; ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп.2. Д.3. Л.85.
- ⁷⁷ ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Л. 3.
- ⁷⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 83.
- ⁷⁹ Там же. Д.384. Л. 85-86.
- ⁸⁰ Тоган З.В. Указ. соч. С. 248, 249.
- ⁸¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 87.
- ⁸² Кручинин В.В. Указ. соч. С. 27.
- ⁸³ Эсеры допускали самоопределение нерусских народов. Это было озвучено на переговорах между Башкирским правительством и Западно-Сибирским комиссариатом, в ходе которых социалисты признали право наций на территориальную автономию (См.: А.З. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917-1920). Сборник документов и материалов. Ч.1. Уфа, 2005. С.257).
- ⁸⁴ Переверзев А.Я. Комуч. Директория. Колчак: Антисоветский лагерь в гражданской войне на востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003. С.84-85.
- ⁸⁵ Цит. по кн. Типеев Ш. Указ. соч. с. 34.
- ⁸⁶ Переверзев А.Я. Указ. соч. С.90.
- ⁸⁷ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. Уфа, 2002. С.306.
- ⁸⁸ РГВА. Ф. 40205. Оп. 1. Д. 2. Л. 1,2.
- ⁸⁹ Там же. Л. 12-14.
- ⁹⁰ Кручинин В.В. Указ. соч. С. 29
- ⁹¹ РГВА. Ф. 40205. Оп. 1. Д. 2. Л. 26; Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

- 92 ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 294. Л. 1-3.
- 93 Там же. Оп. 2. Д. 294. Л. 1-3.
- 94 По разведанным красных на 8.07.1918 г., в состав Султаевского отряда входил 1-й Башкирский конный полк. Это явная ошибка, тем более, что в том же донесении встречаются и другие грубые погрешности.
- 95 РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2270. Л. 4.
- 96 Там же. Д.5. Л.4, 16,20.
- 97 Там же. Л. 16, 31, 32.
- 98 Там же Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.
- 99 ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Д.7. Л-6
- 100 ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 90.
- 101 Там же. Л. 92
- 102 РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.
- 103 Там же. Д. 17. Л. 3-4.
- 104 Там же. Д. 1. Л. 4; Д.11 Л.150.
- 105 Там же. Д. 1. Л. 4.; Д. 10. Л. 16, 75; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л.130.
- 106 РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 30.
- 107 Там же. Д. 20. Л. 71, 134, 165-166, 180.
- 108 Там же. Л. 127-128.
- 109 Там же. Л. 60, 133, 159 174.
- 110 Там же. Д. 12. Д. 22 об, 72.
- 111 Там же. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2305. Л. 2, 6, 10.
- 112 Там же. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 33, 59; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 103; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 93.
- 113 ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 92, 130.
- 114 Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М., 1923. С. 69-73.
- 115 Декларация Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания «Ко всем народам, населяющим Волжско-Камский край: чувашам, черемисам, вотякам, мордве и другим» // Вестник комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Самара, 1918. 8 сентября.
- 116 Гинс Г.К. Указ. соч. С. 136, 147, 148, 149, 150.
- 117 Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 11.
- 118 Солодовников Б. Сибирское авантюры и генерал Гайда (Из записок русского революционера). Прага. 1919. С. 18.
- 119 18 февраля 1919 года ..., С. 13,14; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 91, 92.
- 120 ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 254. Л. 28, 29.
- 121 Утгоф В.А. Уфимское государственное Совещание 1918 года. Из воспоминаний участника // Былое. М., 1921. № 16. С. 21.
- 122 Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 94, 95.
- 123 А.З. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917-1920). Сборник документов и материалов. Ч.1. Уфа,

2005. С.284.
- 124 Точно такое же предложение военного министра Сибирского правительства А.-З. Валидов отклонил всего полтора месяца назад.
- 125 Атнагулов С. Указ. соч. с. 60; Дело. 1918. 23 августа.
- 126 Тоған З.В. Указ. соч. С. 253-254.
- 127 Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. Уфа, 2002. С.296;
- 128 Переверзев А.Я. Указ. соч. С.159.
- 129 Аманжолова Д. Национальный вопрос в годы гражданской войны в России // Режим доступа: <http://his.1september.ru/2003/19/1.htm#76>
- 130 Раймов Р.М. Указ. соч. С. 254; Аминев З.А. Указ. соч. С. 317-320.
- 131 18 февраля 1919 года..., С. 15.
- 132 ЦГИА РБ. Ф.Р – 1201. Оп. 1. Д. 2. Л. 10,11.
- 133 Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. Уфа, 2002. С.67.
- 134 Тоған З.В. Указ. соч. с. 243.
- 135 18 февраля 1919 года..., С. 17.
- 136 Там же. С. 18,19.
- 137 РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 116; ЦГИА РБ. Ф.Р.-1201. Оп. 2. Д. 2. Л. 19, 21, 37.
- 138 РГВА. Д.2. Л. 4.; Д.3. Л. 6, 19; Ф. 40205. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 3, 5, 26.
- 139 ЦГИА РБ. Ф.Р.- 1201. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
- 140 Там же. Л. 12.
- 141 РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 12. Л. 66.
- 142 Там же. Л. 67 об.
- 143 Тоған З.В. Указ. соч. С. 261.
- 144 РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 4. Л. 92.
- 145 ЦГИА РБ. Ф.Р.-1201. Оп. 2. Д. 2. Л. 3.
- 146 РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 4. Л. 31.
- 147 ЦГИА РБ. Ф.Р. – 1201. Оп. 4. Д. 4. Л. 14.
- 148 «Вестник правительства Башкирии». 1918. 21 августа.
- 149 ЦГИА РБ. Ф.Р.-1201. Оп. 2. Д. 2. Л. 3, 13.
- 150 РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2283. Л. 4, 5.
- 151 Там же. Л. 4.
- 152 Там же.
- 153 Скорее всего, антивалидовскую агитацию проводили сторонники влиятельного в Аргаяшском кантоне клана Курбангалиевых, которые не признавали автономии Башкортостана. Остановимся на этом вопросе более подробно.
- В современной исторической науке сложилось довольно устойчивое мнение в отношении политической ориентации большинства аргаяшских башкир в 1917-1919 гг., которая существенно расходилась с концепцией автономии Башкортостана, разработанной А.-З. Валидовым и его сторонниками. Вопрос о политических предпочтениях башкир Аргаяшского кантона был

принципиальным как в годы Гражданской войны, так и в настоящее время, поскольку дает окончательный ответ на вопрос об идеологической целостности башкирского национального движения в 1917-1919 гг.

Первые сведения о политических разногласиях среди башкир Аргаяшского кантона относятся к августу 1918 года. А.-З. Валидов в своих мемуарах пишет, что во время смотра национальных войск в Оренбурге группа солдат-аргаяшцев попыталась напасть на башкирских лидеров, но верные части сумели отсечь и разоружить мятежников. Эта информация находит подтверждение и в источниках.

Следующий серьезный всплеск оппозиционных настроений аргаяшцев произошел в сентябре того же года. Особенно заметно проявляли себя активисты из Метелевской и Давлетбаевской волостей, которым удалось привлечь внимание к себе сибирских властей. 9 октября Шадринская уездная управа доносила Сибирскому правительству, что «среди башкир раскол». Речь шла о серьезной полемике среди сторонников территориальной и культурно-национальной моделей автономии. Аналогичные трения происходили и в башкирских волостях Челябинского уезда. Во второй половине октября состоялось несколько встреч представителей Давлетбаевской, Султаевской, Мавлютовской и Метелевской волостей, которые приняли решение отделиться от автономного «Башкурдистана» и принять власть Директории.

Эти и другие факты привели к тому, что ряд историков (правда, в разной степени) пришли к выводу об идеологической и политической разделенности башкирского национального движения. Так, например, И.Ф. Плотников пишет о сильном размежевании башкирского народа на сторонников Валидова и Курбангалиевых. О разногласиях башкир пишут С.Ф. Касимов и М.М. Кульшарипов. Последний, говоря о единстве башкирского национального движения, все же признал, что Курбангалиевым удалось увлечь за собой часть населения Аргаяшского и Яланского кантонов. Примерно того же мнения придерживается А.Б. Юнусова.

Однако анализ документов показывает несколько иную картину данной проблемы. Действительно, в ряде волостей осенью 1918 года имели место выступления башкир против автономного Башкортостана. И по всей видимости, все они (как и попытка военного мятежа в Оренбурге) были спровоцированы Курбангалиевыми. Но здесь нужно учитывать два обстоятельства. Во-первых, судя по документам, антивалидовскую сторону заняли лишь 4 волости из 13, входившие в Аргаяшский кантон. Во-вторых, далеко не все жители мятежных волостей поддержали акцию Курбангалиевых. Например, в Давлетбаевской (Мухаметкулеуской) волости из 89 избранных сельских представителей на явно антивалидовскую акцию выразили желание приехать только 45 (т. е. чуть более половины).

Тем не менее, уездные власти поспешили доложить в Омск, что «Башкирские волости постановляют о присоединении к Сибирскому

правительству, отказываются повиноваться Башкурдистану». Возможно, слухи о всеобщем выступлении аргаяшцев против Валидова активно раздували в Омске Курбангалиевы, сильно преувеличивая масштабы и глубину имевшихся противоречий. Делалось это с одной целью – убедить сибирскую военно-политическую элиту в слабости позиций Башкирского правительства на территории Аргаяша. Это им удалось: в октябре 1918 года в кантон хлынули сибирские отряды, которые стали «наводить порядок» в волостях, что, по сути, превратилось в разгром административных структур «Башкурдистана». Был арестован полномочный представитель Башкирского правительства – воинский начальник Магасумов. Вслед за ним сибирцы взяли под стражу воинского начальника Яланского кантона. Арестовали и многих других видных башкирских руководителей.

Следует отметить, что активизация сибирцев в Аргаяшском кантоне была вызвана и другим немаловажным фактором. В этот период времени конфронтация Башкирского и Сибирского правительств достигла максимального напряжения: в Омске были взбешены тем, что А.-З. Валидов в августе 1918 года заключил союз с Комучем, уведа за собой все вооруженные силы башкир. Воспользовавшись официальным учреждением единой российской власти после завершения Уфимского государственного совещания сибирские политики стали выдавливать официальных представителей Башкирского правительства из Челябинского и Шадринского уездов, а уже в ноябре сибирцы потребовали от Валидова сложить полномочия национального правительства.

Другими словами, «присоединение» Аргаяшского и Яланского кантонов к Сибирскому правительству произошло благодаря действиям курбангалиевцев и, главным образом, военному вмешательству Омска, сумевшему не только уничтожить кантонные исполнительные органы, но и запугать местное население.

Очевидно, подавляющее большинство аргаяшцев не поддержало Курбангалиевых или, по меньшей мере, заняло нейтральную позицию, а отрыв кантона от Башкурдистана произошел насильственным путем.

Следующим существенным аргументом против тезиса о размежевании башкирского движения на два крыла являются результаты мобилизации населения в ряды национальной армии. Дело в том, что первые башкирские батальоны, сформированные офицерами А.-З. Валидова, практически целиком состояли из аргаяшцев. Эти подразделения стали ядром будущей национальной армии – силовой опоры автономии Башкурдистана. Причем ни разу в рядах 1-го и 2-го пехотных полков не наблюдалось антивалидовских выступлений, за исключением вышеописанного случая.

И.Ф. Плотников утверждает, что до лета 1918 года все вооруженные силы башкир находились под влиянием Курбангалиевых (не сославшись при этом на какой-либо источник). Между тем, известно, что повстанческие отряды башкир находились под контролем близкого друга и соратника А.-З. Валидова

А. Карамышева. О каких «курбангалиевских» вооруженных формированиях говорит вышеназванный автор, остается неясным.

На наш взгляд, миф об аргаяшских башкирах как об активных оппонентах Валидова появился по двум причинам: с одной стороны, из-за сильного преувеличения роли Курбангалиевых в событиях 1917-1919 гг. на территории восточного Башкортостана и, с другой стороны, сравнительно скупой литературно-документальной базы по данному вопросу.

Сомнительно, чтобы аргаяшские или яланские башкиры имели какие-либо объективные причины (политические, социально-экономические, этнокультурные) для выделения своей территории из автономной республики. Совершенно неубедительной представляется аргументация сторонников Курбангалиевых против территориальной автономии «бедностью башкир», которые «не в состоянии организовать свое правительство». Ведь программа, выработанная курултаем, предусматривала серьезную социально-экономическую поддержку башкирского населения.

Весной-летом 1919 года часть башкир различных кантонов добровольно перешла в Белую армию под влиянием ряда факторов, в том числе бесчинств со стороны красноармейцев. Это было неверно воспринято некоторыми исследователями как прямой результат агитации Курбангалиевых.

- ¹⁵⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 7. Л. 76.
¹⁵⁵ 18 февраля 1919 года..., С. 15.
¹⁵⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 183. Оп. 4. Д. 394. Л. 96.
¹⁵⁷ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 104.
¹⁵⁸ Там же. Д. 17. Л. 114; Д. 10. Л. 17.
¹⁵⁹ Там же. Д. 18. Л. 304.
¹⁶⁰ Там же. Л. 36.
¹⁶¹ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.
¹⁶² ЦГИА РБ. Ф. Р. -1201. Оп. 2. Д. 2. Л. 18.
¹⁶³ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С.329.
¹⁶⁴ Там же. Оп. 4. Д. 4. Л. 2, 3.
¹⁶⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р. -1201. Оп.1. Д. 1. Л. 10-12 об.
¹⁶⁶ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 4. Л. 97.
¹⁶⁷ Там же. Д. 17. Л. 60.
¹⁶⁸ Там же. Д. 6. Л. 87; Д. 17. Л. 34.
¹⁶⁹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 90.
¹⁷⁰ 18 февраля 1919 года..., С. 14.
¹⁷¹ «На Южном Урале». Сборник воспоминаний. М., 1958. С. 101, 102, 105; Аминев З.А. Указ. соч. С. 340, 341.
¹⁷² Аминев З.А. Указ. соч. С. 342.
¹⁷³ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.
¹⁷⁴ А.З. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917-1920). Сборник документов и материалов. Ч.1. Уфа,

2005. С.274, 278.
¹⁷⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп.4. Д. 394. Л. 112.
¹⁷⁶ Образование БАССР. С. 175.
¹⁷⁷ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
¹⁷⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 118.
¹⁷⁹ Там же. Л. 120.
¹⁸⁰ Там же. Л. 121.
¹⁸¹ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 70.
¹⁸² Там же. Л. 71.
¹⁸³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 122.
¹⁸⁴ Там же. Л. 12.
¹⁸⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р.-1201. Оп. 2. Д. 2. Л. 6,7.
¹⁸⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 394. Л. 128.
¹⁸⁷ Муртазин М.Л. Указ. соч. С. 66.
¹⁸⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 70.
¹⁸⁹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 Ч.1. С.342.
¹⁹⁰ Аминев З.А. Указ. соч. С. 395.
¹⁹¹ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 26.
¹⁹² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 225. Л. 21.
¹⁹³ Там же. Д.379. Л. 66.
¹⁹⁴ А.З. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917-1920). Сборник документов и материалов. Ч.1. Уфа, 2005. С.289, 290, 291.
¹⁹⁵ Там же. С.310, 311.
¹⁹⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 99.
¹⁹⁷ Там же. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 254. Л. 238.
¹⁹⁸ Там же. Л. 151.
¹⁹⁹ Алексеев Д.Г. Один день из жизни Блюхера. Челябинск, 1980. С.105.
²⁰⁰ Раимов Р.М. Указ. соч. С. 229.
²⁰¹ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 10. Л. 96.
²⁰² Там же. Д. 11. Л.35-38.
²⁰³ Там же.
²⁰⁴ ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
²⁰⁵ Муртазин М.Л. Указ. соч. С. 66.
²⁰⁶ Например, см. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. С. 220.
²⁰⁷ Имеются в виду соглашения Башкирского правительства с Сибирским правительством и Комучем по оформлению Башкирского войска в вооруженных силах антибольшевистской коалиции.
²⁰⁸ См. Дерябин А. Указ. соч. С. 7, 10, 35, 38; Кручинин А.С. Указ. соч. С. 3-6, 15-20, 30-31; Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1983. С. 154.

ГЛАВА III

Раскол

(сентябрь 1918 – февраль 1919 гг.)

От Волги до Урала

Перемещение основных боевых действий за Волгу и срыв наступления Красной армии на Екатеринбург в конце августа 1918 года позволили частям 1-й Башкирской дивизии отойти на отдых. С Екатеринбургского фронта возвратился 2-й батальон 2-го Башкирского полка под командованием штабс-капитана Глинина. В благодарственном послании командующего Уральским (Екатеринбургским) фронтом полковника С. Войцеховского говорилось: «Прошу передать всем гг. офицерам и стрелкам (2-го Башкирского полка – Т.Р.) мою сердечную благодарность за громадную боевую работу выполненную ими за время нахождения в моей группе»¹. Батальон понес большие потери – свыше половины личного состава выбыло из строя². Неутешительно обстояли дела и в 1-м батальоне, где число солдат после июле-августовских сражений сократилось до 200-250 человек. В целом, из 10 рот периода конца июля - начала августа к октябрю в части осталось лишь 5 рот, т.е. вдвое меньше. Численность полка составляла 623 человека, в том числе 22 офицера, 453 строевых солдата, 69 нестроевых солдат, 9 конных разведчиков, 52 солдата учебной команды и 21 гражданское лицо.³ 1 октября часть переводится из Челябинска в Оренбург. Туда же, примерно в это же время, был направлен 5-й пехотный полк, находившийся прежде в Верхнеуральском уезде. К этому времени основные регулярные части Башкирского войска, покинувшие в связи с завершением основных боевых операций прежние места дислокации, собираются в Оренбурге.

Необычно складывается судьба 3-го пехотного полка. Во второй половине августа по настоянию белого командования 1-й батальон полка переводится в Уфу для прохождения дополнительного набора командных кадров. Многие офицеры перешли в башкирскую часть

самовольно, т.е. не получив соответствующего разрешения у своего начальства. Чтобы предотвратить возможные репрессии со стороны уфимских военных властей, А.З. Валидов лично обратился к начальнику формирования войск Уфимской губернии с просьбой оставить перешедших офицеров в покое. При этом председатель БВС ссылаясь на данное ему обещание командования Народной армией не применять дисциплинарных взысканий к вышеупомянутым офицерам⁴. Позже из Златоуста в Уфу переводится 2-й батальон.

В дни работы Уфимского Государственного совещания башкирские солдаты несли караульную службу в городе. Очевидно, что в этот период времени начальник 1-й Башкирской дивизии подполковник Терегулов вступил в переговоры с группой татарских офицеров (Биглов, Ишмухаметов и другие), выступавших против территориальной автономии и формирования национальной армии из башкир. Нам не удалось найти содержание этих переговоров. Известно, что о них узнало башкирское руководство. Валидов, находившийся в то время в Уфе, подписал 3 сентября приказ, по которому офицеру 3-го пехотного полка Евдокимову предписывалось незамедлительно арестовать Терегулова и заключить его в городской комендатуре⁵. Но подполковник сумел ускользнуть от Валидова и исчезнуть в неизвестном направлении. Вместо него временным начдивом назначили начальника штаба той же дивизии подполковника Савельева⁶.

По настоянию генерал-майора Галкина 3-й пехотный полк начал готовиться к отправке в Казань для улучшения организации антибольшевистской борьбы мусульман Среднего Поволжья. Думается, что изначально командование Народной армии планировало использовать башкирскую часть больше в идеологических целях, нежели в военных. После разгрома большевиками Харби Шуро весной 1918 года татарским офицерам никак не удавалось возродить хотя бы частично былую военную мощь. В этом смысле появление дисциплинированного, хорошо одетого и вооруженного, имеющего свою национальную символику башкирского полка могло стать стимулом для местного мусульманского населения вступать в ряды Народной армии.

Особо уполномоченный Комуча (он же бывший председатель Харби Шуро) Ильяс Алкин уже проводил энергичную работу по

формированию татарских частей. Он планировал создать 4-полковую пехотную дивизию. Но его замысел потерпел полное фиаско – население города и уезда довольно холодно отнеслось к воззваниям уполномоченного Комуча, и на призывной пункт практически никто не пришел. Скорее всего, именно Алкин предложил самарскому военному руководству подтянуть в Казань башкирский полк, чтобы сдвинуть процесс создания татарской дивизии с мертвой точки.

Однако переброска полка в Казань не состоялась. Большевики под руководством Л. Троцкого провели глубокую реорганизацию своих вооруженных сил, значительно улучшили командный состав за счет привлечения бывших царских офицеров и сумели выставить на Восточный фронт пять армий. К концу лета они начали масштабное наступление. 10 сентября 5-я армия штурмом заняла Казань, сломив сопротивление народоармейцев и чехословаков. В начале октября над Самарой, центром антибольшевистской демократии, нависла серьезная угроза. Стремительное наступление 1-й и 4-й армий Советской республики привело к полному расстройству войск Комуча. Отступающие белые части не могли оказать организованного сопротивления красным силам. Положение усугублялось моральным разложением народоармейцев и, как результат, нарастающим дезертирством, что в условиях войны представляло огромную опасность⁷. Все попытки командования встряхнуть войска ни к чему не привели. Многие солдаты, вымотанные тяжелыми боями, просто отказывались воевать. Даже расстрелы не могли исправить ситуацию⁸.

Так, командир 2-го Стрелкового полка Самарской бригады рапортовал своему руководству: «люди в полку... настолько утомлены и нервно настроены, что неспособны ни на какую боевую деятельность»⁹. Ему вторил командир 4-й роты того же полка: «недовольство и ропот, как мобилизованных, так и добровольцев достиг максимума». Совершенно отчаявшийся офицер уверял, что ничем не может удержать своих подчиненных от дезертирства¹⁰.

Командующий частями Хвалынского района полковник Махин телеграфировал своим подчиненным: «Успокойте Ваши войска. Внушите им уверенность в конечном торжестве нашего правого дела. Объясните им истинные причины нашего отхода. Заставьте войска верить в свои собственные силы»¹¹. Разумеется, одних таких приказов

было явно недостаточно, и народоармейцы, за редким исключением, без снижения скорости отступали к Самаре.

Чехословацкие войска также теряли боеспособность вследствие физической и психологической утомленности от «русской войны». Стали появляться и признаки размежевания между народоармейцами и чехословаками, до этого рука об руку воевавших против большевиков. В этом отношении интересно письмо одного из офицеров Народной армии своим боевым товарищам. Он пишет, что народоармейцы воюют без малейшего отдыха, а чехословаки это делают систематически. Офицер возмущается: «сейчас они (чехословаки – Т.Р.) в городе, взятом нашими войсками (их там угощают чудными обедами даже с водкой). Мы «герои», получившие высочайшую благодарность от членов Учредительного собрания, вот уже несколько дней болтаемся в грязи и по холуйски ждем обещанного отдыха»¹². В последующем участились взаимные обвинения чехословацких и народоармейских командиров в неспособности держать фронт.

Белому командованию в срочном порядке требовались боеспособные и не затронутые разложением части. Один из лучших командиров Народной армии, полковник Каппель требовал от своего командования немедленной помощи. В телеграфных переговорах генерала Галкина со штабом Верховного Главнокомандующего этот вопрос был одним из главных. Удивительно, что только образованное Всероссийское правительство - Директория оказалось неспособным перебросить дополнительные войска на запад и спасти трещавший по всем швам Поволжский фронт. Ни одна сибирская часть так и не была отправлена на стратегический для всего антибольшевистского лагеря боевой рубеж! Хотя в это время сибирцы располагали, по разным данным, от 43 до 70 тысяч солдат и офицеров¹³. В частности, самый близкий к Волге III Уральский корпус, имевший более 21 тысячи бойцов, 27 орудий и 147 пулеметов¹⁴, практически бездействовал. Очевидно, были резервы и у атамана Дутова, ограничившегося борьбой с отрядами красных на юго-восточном направлении. Немногочисленная и обескровленная в непрерывных боях Народная армия сражалась практически в полном одиночестве... Сказывалась прежняя неприязнь сибирцев к левым союзникам, и даже опасность прорыва Красной армии к Уралу не могла образумить

реакционную военщину. Странно, но в научной литературе на это обстоятельство фактически не обращается внимания. Современные авторы (в большинстве своем, апологеты «Белого дела»), больше склонны критиковать Комуч и созданную им армию за военные неудачи осени 1918 года, нежели объяснять, почему командование войсками Директории допустило катастрофу на Волге и предоставило в руки большевиков колоссальные людские и материальные ресурсы.

В этой тяжелейшей ситуации чехословацкое командование предложило перевести на Поволжский фронт 3 тысячи башкир¹⁵. Видимо, речь шла о двух, возможно, трех полках. Однако выполнить это было затруднительно. К этому времени все регулярные башкирские части либо только вернулись с фронтов и нуждались в отдыхе, либо уже вели боевые действия. Исключением был только 3-й полк, и именно эту часть Комуч просил в помощь.

Активность большевиков на Поволжском фронте вынудила Галкина вновь потревожить штаб Верховного Главнокомандующего по вопросу отправки башкир. Генерал с плохо скрываемым раздражением докладывал: «башкиры 3-го полка на ... запрос о времени отправления вновь выставили целый ряд требований касающихся их вооружения, обмундирования и сосредоточения тех частей, которые остались в златоустовском районе». По мнению Галкина, без нажима Верховного Главнокомандующего на Валидова привлечь башкирский полк «будет очень трудно»¹⁶. Последний не был против отправки 3-го полка на Волгу. Его смущало отсутствие вооружения и финансовых средств у батальонов, которые готовили к переброске на самый жаркий военный рубеж. Обращения к военным властям Уфы и Самары по вопросу вооружения солдат остались безрезультатными¹⁷.

Видимо, только после непосредственного вмешательства Верховглавкома Болдырева невооруженных башкир направили на помощь отходящим частям Комуча. В источниках (преимущественно, мемуарных) по-разному оцениваются башкирские силы, задействованные в боях на Самаро-Сызранском направлении – от одного батальона до двух полков. Судя по документам, в Самару выступил один батальон 3-го Башкирского пехотного полка численностью 700 человек под командованием капитана Махановича. Комбат в телеграмме Валидову сетовал, что «снабжение батальона

вооружением плохо, дают 456 австрийских винтовок (на 700 человек! – Т.Р.), бывших в употреблении, без штыков... команды пулеметной нет, револьверов нет»¹⁸. Возможно, башкиры так и не были до конца укомплектованы вооружением и отправлены на фронт.

Сведения о действиях батальона неполны. Известно, что к началу октября башкирские солдаты находились в Сызрани для обеспечения защиты отступающих частей Народной армии. В это время город напоминал растревоженный пчелиный улей: гражданское население и военные в панике метались по улицам, пытаясь вырваться по железной дороге в Самару, а прибывающие в город армейские части становились частью этого хаоса. Бойцы 24-й Симбирской дивизии первой армии красных, зажавшей город в клещи, интенсивно обстреливали железнодорожный мост, чтобы воспрепятствовать отходу белых и вывозу военного имущества. Это еще более усиливало панику и дезорганизацию среди эвакуируемых. Очевидец тех событий описывает следующую картину: «Красные стояли почти у всех дверей города. Сопrotивляться им никто особенно не пытался. Все старались поскорей перебраться на самарскую сторону Волги... Бесконечной вереницей .... шли эшелоны попеременно с обозами воинских частей, беженскими повозками и батареями артиллерии белых. Все это плелось черепашью шагом с надеждой поскорее куда-нибудь уйти от надвигавшегося красного ужаса. Большинство начальников растеряли свои части и почти все были предоставлены самим себе... Везде были красные. И немного правее ... находился Башкирский полк белых, кажется единственная часть, остававшаяся еще в арьергарде... Среди беженцев от рвавшихся над мостом шрапнелей противника было много убитых и раненых, на которых мало кто обращал внимание, оставляя их без всякого присмотра. На другой стороне реки тоже не было никакого порядка»¹⁹.

Башкирский батальон, как свидетельствуют источники, был единственной частью, прикрывавшей отход народоармейцев из города. Это и стало причиной дальнейших трагических событий. Когда последняя колонна белых ушла из города, красным силам удалось отрезать башкир от моста и прижать их к реке. По словам чехословаков и народоармейцев, они были полностью истреблены красными. Причем первые всю вину за эту трагедию возложили на

белые части, не обеспечившие прикрытие башкир²⁰. На самом деле, батальон не погиб, хотя и понес сильные потери (до 70% личного состава). Под обстрелом противника солдаты форсировали Волгу на лодках и дошли до Самары. Здесь был получен приказ занять правый берег р. Самара, воспрепятствовать переправе противника и прикрыть отход главных белых сил, направляющихся к станции Кинель²¹. Для этих целей батальон получил в Самаре 15 пулеметов, патроны и гранаты²². Между тем настроение народоармейцев все более ухудшалось. Они не желали оставаться в городе для прикрытия отступления основных своих частей. Ярким свидетельством этого является мятеж 1-го Офицерского батальона, военнослужащие которого отказались выполнять приказ командующего Самаро-Сызранского районом Махина по обороне города и самовольно ушли в тыл²³. Удивительно, что эту задачу поручили сильно потрепанному башкирскому батальону, брошенному соратниками в похожей ситуации на произвол судьбы всего три дня назад! Остается заключить, что Махин был полностью уверен в стойкости башкир, раз дал им такое ответственное задание.

Прибытие на Поволжский фронт одного башкирского батальона было недостаточным для командования Народной армией, тем более, что его боевая ценность после сызранских событий существенно снизилась. На переговорах с начальником штаба Верховного Главнокомандующего Розановым генерал Галкин констатировал: «Мы в таком положении, что нам необходима экстренная поддержка хотя бы башкирских частей. Нам необходимо по возможности притянуть их сюда ... ибо местных резервов нет». Начальник штаба обещал сделать все возможное²⁴.

8 октября в Бугульму из Уфы прибывает второй батальон 3-го Башкирского пехотного полка под командованием прапорщика Г. Таганова (он же занимал должность командира полка) численностью 600 штыков. Подразделение вошло в группу полковника Каппеля, которая сдерживала наступление 5-й армии красных на Бугульму со стороны Чистополя. Самое крупное сражение, длившееся несколько дней, произошло в районе Туркильде²⁵.

13 октября красные силы вновь повели мощное наступление и прорвали бугульминский участок. В упорных боях башкиры потеряли

до 200 человек (30% личного состава). Положение группы ухудшилось после самовольного ухода с боевых позиций конного отряда полковника Нечаева, считавшегося одним из самых лучших в Народной армии²⁶. Каппель под давлением противника, искусно маневрируя и контратакуя, начал отход к железной дороге Самара-Уфа.

В начале ноября Г. Таганов докладывал А.-З. Валидову о том, что его часть постоянно «находится в бою» и «солдаты физически и нравственно утомлены». Большую долю дезорганизации в ряды башкир, по словам офицера, вносили бойцы Самарской бригады, к которой был прикреплен полк²⁷. Пользуясь этим предложением, А.-З. Валидов просил командующего Самарской группы чехословацких войск генерал-майора С. Войцеховского перевести башкир в Стерлитамак для пополнения и отдыха. Предложение Валидова было отклонено, а башкирский полк остался в составе группы Каппеля. В декабре Таганов безуспешно пытался вывести свою часть на соединение с основными башкирскими силами, находившимися между Оренбургом и Стерлитамаком.

Более подробно следует остановиться на судьбе первого батальона, тем более, что она весьма загадочна. Дело в том, что после оставления Самары он бесследно исчезает из всех документов! Через несколько дней в составе войск Махина (который отступал из Самары в направлении Оренбурга) появляется растрепанный двухротный батальон... 2-го Башкирского пехотного полка! В приказах по башкирским частям нет ни одного упоминания о переводе каких-либо подразделений на Поволжский и Самарский фронты, кроме 3-го полка. Ошибка или опечатка здесь маловероятны. Следовательно, кому-то нужно было, чтобы башкирский батальон был прикреплен ко 2-му полку. Очевидно, башкирское командование сознательно ввело «неправильную» принадлежность батальона, дабы его не перевели в Бугульминский район на соединение с основными силами полка, связь с которым становилась все более слабой. Операция по переводу батальона в Оренбург была выполнена безупречно. Разгромленные части Народной армии и их военные неудачи не вызывали ни малейшего сочувствия у оренбургского командования (один из народоармейских руководителей, а позже колчаковский генерал Щепихин даже утверждал, что Дутов испытывал злорадство,

наблюдая за разгромом нароодоармейцев), которое в это время было сконцентрировано на борьбе с красными Актюбинского фронта. В тот период времени бузулукский участок еще не приобрел в глазах Дутова стратегический характер. Неудивительно, что предложение Башкирского правительства откомандировать батальон из группы Махина встретило поддержку у оренбургских военачальников, которым требовались силы для перелома ситуации на южном рубеже. В итоге 14 октября начальник штаба армии Вагин телеграфировал Махину: «Башкирские роты необходимо отправить в Оренбург для окончательного досформирования полка (2-го Башкирского – Т.Р.)»²⁸. На все мольбы Махина оставить башкир в его распоряжении оренбургское командование осталось непреклонным.

Таким образом, 3-й Башкирский пехотный полк, изначально насчитывающий 1300 штыков, принял активное участие в боях на Поволжском фронте и прикрывал отступление основных сил Народной армии. В последующем он был разделен между лучшими полководцами Комуча – Махиным и Каппелем. Полк понес колоссальные потери – около 700 человек или 60% личного состава. Таких людских потерь не было ни в одной башкирской части за всю кампанию 1918 года²⁹.

Отдельно входивший в Башкирский корпус 1-й кавалерийский полк после летней кампании находился в стадии восстановления. В начале сентября полк получил от штаба Народной армии 280 шинелей, 280 летних гимнастеров, 280 шаровар, 100 нательных рубах и массу других вещей³⁰. 21 сентября из Челябинска и Уфы пришли крупные грузы с обмундированием и снаряжением, а денежные средства полка увеличились к этому времени до 22 308 рублей³¹. Обновляется командный состав полка: командир 1-го эскадрона – поручик Патрахин (временно – прапорщик Муртазин), командир 2-го эскадрона – корнет Барышников, командир 3-го эскадрона – корнет Гонеро. К середине ноября, по прибытию 112 новобранцев, начинается формирование 4-го эскадрона под руководством подпрапорщика Ибрагима Муртазина³². Полк был переведен в Оренбург в составе 359 солдат и 12 офицеров. Вплоть до декабря 1918 года башкирские кавалеристы не принимали участия в крупных боевых операциях³³.

Во 2-й Башкирской дивизии дела обстояли совершенно

по-другому. Если прочие части корпуса (кроме 3-го полка) расположились в Оренбурге на отдых, то 1-й и 4-й пехотные полки были всецело поглощены борьбой против красных войск на Орском и Актюбинском фронтах.

5 сентября в 1-м пехотном полку вместо убитого на выздоровление Гуймакаева должность командира части занял подполковник Ибрагим Якубовский. Полк, сильно потрепанный в период летних боев, все еще представлял внушительную силу – 8 почти полностью укомплектованных рот. Первым на Орский фронт отправился 2-й батальон, вернувшийся после взятия города в составе 386 человек. Раненых оказалось довольно много – 117 солдат, а убитых – всего 8. Всех нуждающихся в лечении рассредоточили в Миасском, Верхнеуральском и Белорецком лазаретах. Одну роту 2-го батальона разделили для пополнения гарнизонов Уфы и Белорецка³⁴.

К этому времени башкирское руководство сделало значительные перестановки в командном звене полка. Подполковник Якубовский был заменен подпоручиком Ишмурзиным. На место командира 2-го батальона назначили штабс-капитана Долмаценко с исполнением обязанностей помощника нового командира полка. Из «старого» командного звена остался только штабс-капитан Хребтов – командир 1-го батальона. Такие серьезные изменения не могли возникнуть на пустом месте. Башкирское правительство, стягивая все свои формирования к Оренбургу, бдительно следило за верностью командиров частей, и попытка арестовать подполковника Терегулова была одним из признаков строгого контроля. Вероятно, Якубовский и Мочалов (бывший командир 2-го батальона) не проявляли должной лояльности в отношении политики Башкирского правительства, что стало причиной их удаления из части. У командного руля оказались проверенный в структуре добровольческих отрядов и имевший личные связи с Валидовым Ишмурзин и опытный офицер Долмаценко, который, видимо, также пользовался доверием башкирского руководства. Очевидно, что и штабс-капитан Хребтов, бесценно командовавший 1-м батальоном на протяжении четырех месяцев, считался относительно надежным, с точки зрения Башкирского правительства, офицером.

Чуть ранее аналогичные меры были предприняты в 5-м пехотном полку, где вместо сибирского офицера Цветкова на место

командира полка временно назначили штабс-капитана Незаметдинова³⁵.

Мы назвали лишь самые крупные кадровые изменения в двух полках. Наверняка такие же меры были предприняты в других частях, а также произведены некоторые замены на уровне командиров рот и взводов. Последовательная кадровая политика БВС позволила вовремя удалять из Башкирского войска внутренних противников, что в значительной степени повышало сплоченность частей корпуса и управляемость со стороны политического руководства республики.

Осенью башкирские солдаты еще раз подтвердили репутацию стойких бойцов. В особенной степени это касается Орской и Актюбинской военных кампаний.

Большой вклад в победу антибольшевистских сил на Орском фронте внес 4-й Башкирский пехотный полк. Как и 3-й полк, данная часть не была утомлена летними боями и под Орском проявила все свои возможности. 16 сентября 1-й батальон полка (400 штыков), под командованием поручика Вержболовича, был направлен в самую гущу боевых действий.

Орская операция, безуспешно длившаяся с июля 1918 года, вступила в решающую стадию. Силы воюющих сторон были неравны: засевших в городе и пригородах красноармейцев было, по разным данным, от 6 до 7 тысяч, а окруживших их казаков и башкир – 3,5 тысячи. Разумеется, блокировать Орск полностью не удалось. Красные имели постоянное сообщение со своей актюбинской группой. Однако они сами облегчили задачу Дутову, разделив войска на две части: одна группа двинулась на Оренбург, отвлекая главные силы противника³⁶, а вторая осталась оборонять город, с последующей задачей отойти к Актюбинску. В итоге наступающие на Оренбург красные были разбиты казаками и башкирами (второй батальон 4-го полка под командованием штабс-капитана Громаковского) у станции Сара.

27 сентября начался штурм Орска с участием башкир 1-го батальона 4-го полка. Они атаковали передовые укрепления красных и вынудили их отступить к городу. У стен завязалось новое сражение. Благодаря прицельному огню башкирских пулеметчиков красноармейцы оставили окопы и скрылись в городе, где была организована хорошая оборона³⁷.

На следующий день башкир вновь бросили в лобовую атаку, в то время как казаки ограничились фланговыми ударами. В итоге, башкирские подразделения понесли гораздо большие потери, чем казачьи части³⁸. Красные покинули город и, преследуемые башкирским батальоном, спешно отошли к Актюбинску.

Боевую выслугу башкирских воинов отметил командующий фронтом генерал-майор Карнаухов. В его приказе по войскам фронта особо выделялись башкирские батальоны, блестяще показавшие себя в атаках на Орск и сражениях под Сарой, где противник был разгромлен и обращен в бегство³⁹. После прошедших боев белое командование наградило за особые заслуги 4 унтер-офицеров, 12 ефрейторов и 69 рядовых 4-го Башкирского полка⁴⁰.

Успехи башкирских частей на фронтах вызвали в высших военных кругах Оренбурга положительную реакцию. Начальник штаба оренбургских войск А. Вагин в телеграмме к Х.-А. Ишбулатову передал «искреннюю благодарность...доблестным сынам Башкурдистана за их вызывающую общее удовлетворение службу на пользу дорогой нашей Родины». Комкор, находясь под впечатлением поздравительного послания оренбургского командования, обратился к башкирским частям с такими словами: «Доблестные воины Башкурдистана, за короткое время боевой работы Вы заслужили всеобщее уважение и лестные отзывы о Вашем мужестве и стойкости...Сердечно благодарю Вас с одержанными успехами, горжусь тем, что стою во главе Вас»⁴¹.

Урон, нанесенный башкирским полкам на Орском фронте, требовал незамедлительного восполнения. Было решено сделать это посредством призыва еще нетронутого мобилизацией населения. Во 2-й половине октября были набраны люди 1915-1918 гг. призыва из 38-ми волостей Стерлитамакского уезда и 2-х волостей Уфимского уезда⁴². Очередной поток новобранцев дал возможность полностью восстановить все прошлые людские потери: в 1-м стрелковом полку⁴³ личный состав увеличился до 1150 солдат, во 2-м стрелковом полку – до 1282 солдат, в 4-м стрелковом полку – 1105 солдат⁴⁴.

Взятие Орска стало лишь ступенью в борьбе с красными на южном рубеже Юго-Западной армии. Теперь основная активность военных действий перешла на Актюбинский фронт. В последней декаде ноября здесь сражалось по одному батальону из 2-го, 4-го и

5-го стрелковых полков общей численностью 1042 штыка. Здесь же действовал 2-й Башкирский кавалерийский полк, в котором было около 1800 сабель⁴⁵. Командование готовило к переброске на фронт еще 1633 солдата⁴⁶. А.-З. Валидов, два раза выезжавший на смотр башкирских полков, действующих на Актюбинском фронте, впоследствии писал в своих мемуарах, что «дух бойцов был крепким»⁴⁷. На поддержку башкирской группировки А. Дутов направил 4-й Левобережной казачий полк, состоящий из мусульман. Часть возглавлял известный казачий вожак Габурауф (Филипп) Богданов⁴⁸, с которым башкирское командование завязало дружеские отношения.

Действия башкирских частей на актюбинском направлении были замечены Верховным Главнокомандующим В. Болдыревым. Генерал направил в их адрес пышную поздравительную телеграмму, где передавал «сердечную благодарность славным Башкирским полкам честно и мужественно сражающимся за всеобщее русское дело»⁴⁹. Как и на Орском фронте, в боях под Актюбинском отличились многие башкирские военнослужащие. Один из наиболее ярких эпизодов произошел в 4-м полку. Во время очередного сражения с красноармейцами рядовой Зайнабетдин Псенчин под пулеметным огнем вынес с поля боя раненого офицера, за что получил Георгиевский крест 4-й степени⁵⁰.

В то же время на Актюбинском фронте стали появляться первые случаи открытого недовольства башкирских солдат плохим снабжением одеждой, обувью и продовольствием. Кроме того, определенную роль сыграло традиционное нежелание башкир воевать за пределами Башкортостана. По сообщению командира 1-го стрелкового полка, солдаты выразили протест относительно того, что им приходится «защищать казачьи станицы». Брожение в среде башкирских солдат не давало возможности использовать полк в боевых операциях. Командующему фронтом генерал-майору Красноярецу пришлось лично выехать в башкирскую часть и попытаться «вразумить» солдат. Но до тех пор, пока полк не был снабжен требуемыми видами довольствия, солдаты наотрез отказывались идти в бой⁵¹. В конце ноября Башкирское правительство снимает полк с фронта и переводит его в Оренбург для использования в готовящемся выступлении против Дутова и Колчака

(подробности в следующем разделе).

В первой половине осени 1918 года башкирское командование ужесточило дисциплину в своих войсках. По приказу начальника 2-й дивизии А. Емельянова, с 25 сентября был введен строжайший запрет на перевод офицеров из одной части в другую. Начдив подчеркнул, что офицеры, самовольно решающие вопрос о месте прохождения службы, «нежелательны в Башкирских частях и подлежат откомандированию». Спустя пять дней командующий Башкирским корпусом одобрил подполковника А. Емельянова, установив полное ограничение на кадровое перемещение офицеров без санкции руководства⁵².

В середине сентября Х.-А. Ишбулатов, которому было присвоено звание генерал-лейтенанта, лично осмотрел дислоцирующиеся в Оренбурге 1-й и 4-й пехотные полки. К удовлетворению генерала, прошедшего опрос рядового состава на предмет выяснения целей формирования национальной армии, «солдаты давали толковые ответы». В целом, оба полка произвели на комкора благоприятное впечатление⁵³.

В начале октября Башкирский корпус был усилен Добровольческим кавалерийским (позже переименован во «2-й кавалерийский») и 6-м пехотным полками. Начинается формирование 7-го пехотного полка из башкир Оренбургского уезда. В последних числах октября численность частей Башкирского войска достигла 5800 штыков, 2000 сабель и примерно 2-2,5 тысяч боевиков (в основном, конных) добровольческих отрядов. Суммируя перечисленные цифры, получаем общее число башкирских вооруженных сил – около 10 тысяч бойцов.

Уральское и Оренбургское казачьи войска – ближайшие соседи башкир – осенью 1918 года выставили на фронт чуть более внушительные силы: уральцы сформировали 18 полков общей численностью до 11-12 тысяч человек, примерно столько же было оренбуржцев в Юго-Западной армии (некоторое количество оренбургских казаков воевало в других белых армиях)⁵⁴. Сравнивая военную организацию башкир и казаков, следует отметить, что последние находились в гораздо более удобных условиях, ибо представляли собой уже готовую военную силу. Действовали органы центрального и местного управления, военные учреждения,

функционировала налоговая система, имелся хорошо подготовленный офицерский корпус. Башкирское войско создавалось, что называется, «с нуля». Формирование частей и отрядов шло параллельно со строительством государственных структур и налоговой системы, постепенно выстраивалась система взаимоотношений как внутри войска, так с органами военной и гражданской власти в Омке, Самаре и Оренбурге. Вместе с тем, людские ресурсы башкир были несравнимо выше. Так, если уральцев насчитывалось до 170 тыс. человек, а оренбуржцев – около 240 тыс. человек, то численность башкир только в «Малой Башкирии» составляла около 600 тыс. человек, а с учетом соседних территорий – свыше 1 млн. 700 тыс. человек, т.е. в четыре раза больше уральских и оренбургских казаков вместе взятых. Соответственно мобилизационные ресурсы Башкирского правительства позволяли при необходимости сформировать к концу 1918 года 50-тысячную, а в ближайшей перспективе – 80-тысячную армию. Разумеется, это было возможно при условии их полного обеспечения обмундированием, снаряжением и вооружением, постоянного содержания, а также решения кадровых вопросов командного состава, особенно младшего и среднего звеньев.

В середине октября, красные войска повели наступление на Бузулук. Боевые действия приблизились к самому западному, Токчуранскому кантону «Башкурдистана». Находящийся там добровольческий конный отряд (до 200 сабель) вошел в число обороняющихся белых войск⁵⁵. Также в бузулукской группе полковника Махина (остатки второй колонны Народной армии; первую, как уже говорилось выше, возглавил Каппель) находился башкирский батальон (до 14 октября). Группа защищала стратегический участок – железнодорожную линию Кинель - Бузулук.

17 октября бузулукская группа была включена в состав образованной Юго-Западной армии под командованием Дутова. Новым командующим группы был назначен полковник Бакич. Несмотря на все усилия нового командира и помощь командования армии, наступление красных сдержать не удалось – 29 октября Бузулук пал.

После этой победы Красная армия резко снизила свою

активность, что объяснялось переводом некоторых соединений на Южный фронт (там осложняется военное положение) и усталостью бойцов. Это дало возможность белым силам сконцентрироваться и в ряде мест перейти в контратаки. Но решительного перелома добиться не удалось.

Как и на Актюбинском фронте, башкирские военнослужащие периодически вступали в конфликт с казаками. Причиной раздора стал тот факт, что белые офицеры, жалея казачьи части, в первые ряды ставили башкир, а за ними – всех остальных. Подобное отношение вызвало возмущение бойцов Токчуранского добровольческого отряда. Споры между башкирами и казаками зачастую заканчивались перестрелками⁵⁶.

Растягивание башкирских частей по различным фронтам препятствовало их соединению на одном рубеже, о чем давно говорили башкирские офицеры и сам А.-З. Валидов. Военно-политические события зимы 1918-1919 гг. сильно изменили фронтовые линии. Это несколько неожиданно способствовало объединению основных башкирских сил.

26 ноября 1918 года Центральный комитет партии большевиков, учитывая сложную обстановку на Восточном фронте, издал постановление о начале наступательных действий. Выполняя указание ЦК, Реввоенсовет фронта приступил к подготовке широкомасштабной военной операции⁵⁷. Численность красных войск Восточного фронта достигла 83 тысяч бойцов, в распоряжении которых находилось 376 орудий и 1717 пулеметов (для сравнения: в начале августа большевики имели на этом фронте гораздо меньшие силы – 54 тысячи бойцов, 137 орудий и 390 пулеметов). Этой группировке командование поставило следующие задачи: 3-я армия наносит удар по линии Кунгур-Екатеринбург и при содействии 2-й армии берет город Екатеринбург; 5-я и 1-я армии действуют в направлении Уфы и Стерлитамака; 4-я армия овладевает Уральском и Оренбургом, обеспечив южный фланг фронта⁵⁸. Позже направление удара 1-й армии было смещено к Оренбургу.

Несмотря на то, что 3-я армия красных была смята, декабрьское наступление начинает набирать обороты. Опасаясь потери важнейших опорных пунктов региона, белое командование перебросило из Сибири свежие части⁵⁹. С ожесточенными боями 1-я,

4-я и 5-я армии стали двигаться на восток, захватывая у противника все новые и новые населенные пункты. Предпринимая неудачные попытки контратак, белые войска отступали, не в силах сдержать натиска красных. Наибольшую угрозу для белых сил представляли 20-я Пензенская и 24-я Симбирская («Железная») дивизии 1-й армии, которые стремились вклиниться в коридор между Оренбургом и Стерлитамаком для отсечения сибирцев от оренбургских казаков, что могло привести к далеко идущим последствиям⁶⁰. Красные (Первая и Туркестанская армии) намеревались с трех сторон взять в кольцо и разгромить главные силы Дутова. Уничтожение левого фланга Колчака ставило его ослабленную армию в еще более тяжелое положение. Разумеется, нужно учитывать реальную возможность проведения столь масштабных операций на территории Оренбуржья, но сама угроза воплощения таких планов оказывала на белое командование сильное влияние.

Командование Юго-Западной армии, осознав всю тяжесть надвигающейся угрозы, определило главной задачей недопущение прорыва красных частей на северном фланге. На перехват прорывающихся дивизий противника были направлены башкирские части. Прикрывая отход разбитых белых частей, 1-й и 2-й башкирские кавалерийские полки расположились в районе Стерлитамака и Мелеуза. Стрелковые башкирские части, входившие в состав 9-й дивизии, укрепились на линии Оренбург - Мелеуз. По данным красных, башкирские подразделения в середине декабря отбросили Петроградский и Смоленский полки 20-й дивизии в районе Киргиз-Мияков и Зильдиярово, затем нанесли сильные удары по красным у деревень Кожай-Максимовка и Федоровка, а в конце месяца атаковали части 24-й дивизии⁶¹.

С 13 декабря части 9-й Башкирской дивизии, составившие Северный участок фронта Юго-Западной армии, были брошены на атакующего противника. Башкирские полки осуществили обходной маневр и неожиданно атаковали красные силы, потерявшие в бою до 300 человек убитыми⁶².

Общее положение Юго-Западной армии было довольно тяжелым. Красное командование, анализируя обстановку на фронте, пришло к следующему выводу: «Противник держит себя крайне нервно и при малейшем нажиме отступает»⁶³. Однако, как показывает

хроника военных действий, красные командиры несколько завысили уровень расстройств войск противника. Несмотря на сильное давление частей 1-й армии, бои носили ожесточенный характер. По крайней мере, на главном северном участке в 20-х числах декабря шли упорные сражения, сопровождавшиеся постоянными атаками с обеих сторон. Тем не менее, к концу месяца за счет численного преимущества красным удалось оттеснить башкирскую дивизию (как и весь западный фронт Оренбургской армии⁶⁴) к востоку.

В связи с обходом правого фланга дутовских сил частями 20-й Пензенской дивизии, участок между Мелеузом и Стерлитамаком (севернее расположения 9-й Башкирской дивизии) приобретает особую важность. По решению А.-З. Валидова, все добровольческие подразделения и 1-й кавалерийский полк объединились в особую группу – «Башкирские силы Стерлитамакского фронта». Фактически А.-З. Валидов использовал опыт Верхнеуральского фронта, где в конце июля была создана точно такая же группировка, сочетающая в себе обычные армейские и добровольческие части. В обстановке чрезвычайности такой шаг был вполне оправдан, т.к. давал максимальный военный эффект. Численность башкирской группировки была относительно небольшой: 1-й кавалерийский полк имел 400 сабель, три эскадрона 2-го кавалерийского полка – 460 сабель, Юрматынский отряд – 150 сабель, Табынский отряд – 200 сабель, Тамьян-Катайский отряд – 400 сабель, т.е. всего 1610 человек⁶⁵. Преимущество башкир над красными заключалось в мобильности, т.к. все подразделения и отряды были конными. Командование башкирскими силами Стерлитамакского фронта было возложено на командира 1-го кавалерийского полка ротмистра М. Карамышева. Его помощником стал один бывший лидер Харби Шуро (он же – бывший особоуполномоченный Комуча), поручик И. Алкин.

Главной проблемой башкирских сил Стерлитамакского фронта стал катастрофический дефицит оружия, боеприпасов и продовольствия. 28 декабря А.-З. Валидов, осуществлявший общее руководство башкирскими формированиями, выпустил обращение ко всем командирам белых частей, отступающих по Самарско-Златоустовской железной дороге. Башкирский лидер констатировал: «Район города Стерлитамака и сам город ... в крайне отчаянном

положении». Ничто, по мнению Валидова, не гарантировало прорыв «противника в любой момент в город и во весь уезд», а «сил защиты абсолютно никаких». Поэтому белым частям предлагалось поделить оружие и боеприпасами. Валидов уверял, что, имея необходимое вооружение, «добровольческие отряды могли бы сохранить линию обороны и защитить город Стерлитамак и предупредить возможный прорыв»⁶⁶. В телеграмме к Оренбургскому командованию башкирское руководство напоминало, что их «части полуголодные, так как не имеют денег и без патронов, пулеметов и недокомплект оружия»⁶⁷. Но, как и в прошлые военные кампании, снабжение башкирских войск было поставлено в последнюю очередь. Кроме того, оренбургские генералы, окрыленные разгромом правого фланга 24-й дивизии противника в районе д. Байгузино, закрыли глаза на нарастающую опасность положения стерлитамакско-мелеузовского участка⁶⁸.

30 декабря три полка 20-й дивизии красных предприняли обходной маневр, намереваясь разгромить силы, защищающие Стерлитамак. Башкирское командование с тревогой сообщало в Оренбург, что соседние белые подразделения, прикрывающие город, «настроены панически и нестойки». Аналогичного мнения придерживался и командир 1-й бригады 20-й Пензенской дивизии Зеленков, намеревавшийся «коротким ударом овладеть г. Стерлитамаком»⁶⁹. По этой причине к городу были оперативно стянуты добровольческие отряды и фактически безоружный 1-й кавалерийский полк.

Дальнейшие события развивались подобно снежному валу. Красные войска стремительным маршем ворвались в пригороды Стерлитамака, Зиргана и Мелеуза, где завязались ожесточенные бои. По срочному донесению адъютанта командующего фронтом подпоручика Абдрашитова, башкирские конники «не [в] состоянии драться ... они голодают, нет денег ни копейки, а про сопротивление врагу нечего и говорить, у них нет ни одного патрона»⁷⁰. Красное командование умело воспользовалось трудностями башкирской группировки, нанеся удар сразу по трем направлениям. Карамышеву пришлось бросить джетировских и усерганских добровольцев на оборону Мелеуза⁷¹. Рассеивание и без того малочисленных башкирских частей дало возможность красным без особого труда

войти к вечеру 31 декабря в Стерлитамак⁷². В то же время наступление на Зирган и Мелеуз увязло из-за нахождения основных красных сил на северном фланге.

Взятие Стерлитамака совпало с захватом 26-й дивизией 5-й армии Уфы (взятой, кстати, без боя). В результате весь западный Башкортостан оказался в руках большевиков. Потеря Стерлитамака и общее ухудшение обстановки на фронте произвели на башкирское руководство тягостное впечатление. В секретном послании А.-З. Валидова Башкирскому правительству говорилось: «борьба с большевиками переносится на нашу территорию. Красные не встречая никакого или слишком ... слабое сопротивление проникают беспрепятственно вглубь. Отряды наши стягиваются для ликвидации прорыва, но и они не вооружены и не снабжены боевыми припасами и даже полуголодные и не одетые не могут оказать большого сопротивления». По расчету Валидова, красное командование намеревалось отрезать стерлитамакскую группу башкирских сил и начать наступление на Мелеуз. Других частей, кроме башкирских, на данном рубеже не было, и поэтому оборона целиком легла на их плечи. Из Мраково на фронт вызывается последний резерв – Бурзян-Тангауровский отряд (эскадрон) численностью до 300 сабель⁷³. Неудачная защита Стерлитамака, объясняющаяся, главным образом, отсутствием военной помощи и снабжения башкирских подразделений, окончательно вывела из себя А.-З. Валидова. Телеграфируя войсковому старшине Г. Богданову, держащему оборону на левом фланге башкир, А.-З. Валидов так обрисовал создавшееся положение: «ждали деньги и патроны», а «штаб армии (Юго-Западной – Т.Р.) нас прямо надувает, несмотря на неоднократно сделанные ... в течение месяца обещания и несмотря на мои чуть ли не ежедневные просьбы» о высылке денежных средств, чая, патронов и медикаментов. В ответ на все запросы башкирского руководства, по словам Валидова, пришли лишь угрожающие предупреждения о недопустимости вмешательства в военные дела гражданских лиц. По его заключению, башкирские войска Стерлитамакского фронта «оставлены в невозможных условиях и как будто это делается нарочно чтобы поиздеваться» над Башкирским правительством. Подытоживая ситуацию с башкирскими частями, Валидов просил Богданова оказать поддержку деньгами, патронами и чаем. В ином

случае башкирский лидер предрекал неминуемый разгром группировки⁷⁴. Ответ войскового старшины пришел уже на следующий день. Богданов подверг критике политику оренбургского командования и персонально начальника штаба Юго-Западной армии по отношению к башкирам⁷⁵. Казачий офицер заявил: «Зная вашу платформу (имеется в виду курс на создание федеративного государства – Т.Р.) скажу – все чины моего полка борются за свободу, за равенство и братство, Учредительное собрание ... смерть всем аферистам, которые топчут наши завоевания в грязь». Богданов дал слово, что окажет поддержку деньгами и боеприпасами, подкрепив свое обещание реальной помощью в виде 100 тысяч рублей и 4 тысяч патронов⁷⁶.

Штаб башкирских сил Стерлитамакского фронта выразил благодарность 4-му Левобережному казачьему полку и его командиру «за поддержку оказываемую ... в трудную минуту». Вместе с тем штаб резюмировал, что с винтовками по-прежнему сохранялась большая проблема. Например, у 400 бойцов 1-го кавалерийского полка находилось на руках всего 150-160 винтовок, а давно обещанное штабом армии японское оружие так и не пришло.

4 января, после продолжительных дискуссий, в распоряжение М. Карамышева поступило 200 винтовок японского производства и два ящика с патронами системы «Гра». За два дня до этого, в ставку командующего фронтом прибыла башкирская пулеметная команда с тремя пулеметами⁷⁷.

Частичное снабжение подразделений боеприпасами и оружием позволило стабилизировать обстановку на фронтовой полосе. Для упорядочивания работы штаба башкирской группировки был разработан новый, более массивный штат, в котором, помимо командующего и начальника штаба находились два адъютанта, интендант, начальник связи, пять писарей, начальник артиллерии и начальник санитарной части.

Улучшение снабжения башкирских частей было достигнуто путем создания военно-продовольственных баз в деревнях Бикташево, Мендегулово (продовольственные склады), Истембаево (вещевой склад), Галиакберово (военный склад)⁷⁸.

Значительные изменения произошли и в самой структуре обороны. Вся фронтовая полоса от Богоявленского до Уралки,

протяженностью около 155 км, была поделена на три участка. Территория самого большого – первого участка начиналась в селе Уралка и по линии Денискино-Атысово-Бакалы-Чатырманово-Аллагуловатово заканчивалась в селе Ишимбаево. Участок обороняли четыре эскадрона 2-го кавалерийского полка под командованием штаб-ротмистра Биешева. Помощником начальника 1-го участка стал прапорщик Чанышев. Штаб полка располагался в Зиргане, а резерв – 5-й эскадрон – стоял в Мелеузе. Второй участок фронта ограничивался линией Ишимбаево – Кусяккулово – Кунказаево – Новоспасское – Каныкаево – Ахмерово. Здесь располагались 1-й кавалерийский полк и Тамьян-Катайский отряд. Начальником участка являлся поручик Терегулов, а его помощником – прапорщик Муртазин. Штаб находился в селе Татьяновском. Третий участок проходил по линии Ахмерово – Базыково – Богоявлинское. Данный участок был второстепенным, и поэтому его охранял только Табынский отряд во главе с поручиком Набоковым и его помощником прапорщиком Умитбаевым⁷⁹.

Штаб башкирской группировки разместился в Воскресенском. Медицинское обслуживание больных и раненых бойцов производили Мелеузовская, Ермолаевская, Воскресенская, Верхнеторская и Петровская больницы. Все тяжелораненые переправились исключительно в Ермолаево⁸⁰.

Усовершенствование системы обороны было сделано вовремя. Руководствуясь директивой Реввоенсовета фронта о начале Оренбургской операции, 7 января красные войска 1 армии начали методичное продвижение в юго-восточном направлении. Особенно тяжело пришлось 1-му кавалерийскому полку, сражавшемуся с превосходящими силами противника. Командир полка М. Муртазин передавал в Воскресенское, что если башкирская конница не получит винтовок, пулеметов и патронов, то ей не удастся удержать фронт⁸¹. Штаб башкирской группировки, получив последние сводки о положении на фронте, заявил командованию армии о возможности изменить ситуацию на стерлитамакском театре боевых действий. Для этого требовалось всего лишь необходимое количество оружия и боеприпасов⁸². Такая уверенность штаба подкреплялась конкретными фактами: все подразделения давно истратили свои боеприпасы и в контратаки ходили вооруженные только холодным оружием⁸³.

Фактически не имея огнестрельного оружия, башкирские войска каким-то чудом сдерживали противника на прежних позициях.

12 января красные войска повели общее наступление. Оренбургское командование, обеспокоенное активизацией действий 1-й и 4-й армий, приказало немедленно остановить противника. Но деморализованная армия Дутова была не в состоянии оказать достойного сопротивления и беспорядочно отступала. Красное руководство с воодушевлением рапортовало: «Противник, представляющий из себя жалкие остатки белой армии не пытается защищать свои пункты и уходит на Оренбург»⁸⁴. Как писал впоследствии сам атаман Дутов, в числе причин военных неудач периода января 1919 года были «моральное разложение некоторых казачьих конных частей ..., повышение нервозности, нежелание драться вообще и в пешем строю в особенности, отсутствие дисциплины»⁸⁵. Естественно, что такие негативные тенденции в Оренбургской армии неблагоприятно отражались на фронтовой линии башкирских войск.

Если стерлитамакская группировка успешно отбивалась от 20-й дивизии красных, то 9-я Башкирская дивизия медленно пятилась под натиском трех полков 24-й дивизии противника⁸⁶. С 3 по 11 января красные войска предприняли несколько атак на башкирскую дивизию и заставили вновь ее отойти. С боями башкирские полки оставили деревни Колычево и Мусино, хотя и уничтожили при этом 100 красноармейцев, взяли в плен 15 человек и захватили 4 пулемета⁸⁷. Но этот локальный успех лишь на незначительное время задержал наступательный порыв красных.

Растянутость башкирских войск от Стерлитамака до Оренбурга не давала возможности организовать прочную оборону. Поэтому 16 января А-З. Валидов принял важное решение, главная цель которого состояла в концентрации башкирских сил в один боевой кулак. Командующему Стерлитамакским фронтом было приказано 19 января осторожно отвести вверенные ему силы к югу на соединение с основными башкирскими частями. Полкам 9-й Башкирской дивизии предписывалось в тот же день перейти тракт Стерлитамак - Оренбург и переместиться на северо-восток в район Ташлов и Разномойки⁸⁸. Приказ был выполнен. В результате обе группировки встретились и

по приказу Валидова развернулись в две дивизии, составив ранее упраздненный белым командованием корпус.

Несмотря на отступление частей Башкирского войска, в нескольких местах ими были даны серьезные сражения. Самое крупное из них произошло 18 января у деревни Нукаево. 1-й Восточный кавалерийский полк 20-й дивизии был наголову разбит башкирами, потерявшими в бою всего двух убитых и трех раненных⁸⁹. Всем участникам нукаевского сражения была объявлена благодарность, 11 офицеров получили очередные звания, а один юнкер – звание прапорщика⁹⁰. Судя по документам, остатки разгромленного красного кавполка были отведены в тыл и не принимали активного участия в дальнейших зимних операциях.

На фоне всеобщего отступления Оренбургской армии это был крупный успех, но белое командование его проигнорировало. Ни в одном приказе башкиры не были отмечены, хотя по поводу гораздо более скромных достижений казаков на Актюбинском направлении, где было уничтожено 50 красноармейцев Туркестанской армии, Дутов рассыпался в пышных комплиментах и благодарностях⁹¹.

Любопытна оценка Нукаевского сражения красными. Комдив 20-й Пензенской Воробьев в своем рапорте утверждал, что перед началом боя красноармейцев смутила русская речь в рядах башкир. Растерянность бойцов усилилась, когда со стороны приближающегося к ним предполагаемого противника раздались выкрики: «Смоленцы идут! Товарищи, свои, свои!» В итоге, как пишет комдив, противник сумел подойти очень близко и внезапно атаковал кавалеристов Восточного полка. После двухчасового боя кавполк, потеряв около 130 человек, отступил. Воробьев уверял свое руководство, что красноармейцы были атакованы силами 2 тысяч башкир и 500 казаков. «Со стороны противника потери огромные», – помпезно заключает свой рапорт комдив⁹². Рассказ красного командира явно изобилует вымышленными фактами, местами переходящими в откровенный абсурд. Очевидно, что разгром ценнейшей для красных кавалерийской части (в 1-й армии было всего два кавполка) стал тяжелой потерей. Чтобы смягчить гнев командарма Гая⁹³, комдив в своем рапорте полностью перевернул события 17 января, не постеснявшись прибегнуть к откровенной лжи. Впрочем, не отставали от комдива и его подопечные – 11 февраля

Воробьев уже сам уличил ряд командиров частей дивизии в намеренном скрытии боевых потерь⁹⁴.

В 20-х числах января башкирская разведка окончательно определила состав войск противника. На фронте против башкир сражалась 20-я Пензенская дивизия, включавшая в себя 1-й Сызранский кавалерийский полк, 2-й Ивашенский стрелковый полк, 1-й Смоленский полк, 1-й Петроградский полк, Брянский смежный отряд и 1-й Ивашенский стрелковый полк. Дивизия имела не менее 5 тысяч штыков, около 100 сабель, большое количество пулеметов и орудий⁹⁵. На левом фланге башкирским частям угрожали части 24-й Симбирской дивизии, действовавшие в районе Оренбурга: 1-й Витебский стрелковый полк, 1-й Московский полк, 1-й Орловский стрелковый полк, 1-й и 2-й Самарские полки, 1-й Интернациональный стрелковый полк. В общей сложности дивизия имела 6400 штыков⁹⁶. В сумме красные войска на линии Стерлитамак-Оренбург располагали 12,5 тысячами солдат, хорошо оснащенных оружием и боеприпасами. Численность башкирских формирований приведена в таблице № 7.

Таблица № 7

Численный и боевой состав действующих башкирских частей к концу января 1919 года

Наименование части	Кол. людей	Пулеметы	Гранаты	Винтовки					Патроны
				Русские	Бердан	Японские	Гра	Ветерли	
1-й Баш. стрел. полк	820	12	150	289	390	-	27	83	11500
2-й Баш. стрел. полк	700	10	500	95	330	-	27	-	200
4-й Баш. стрел. полк	650	14	300	415	191	-	-	13	30000
5-й Баш. стрел. полк	720	10	200	510	196	-	6	37	17000
6-й Баш. стрел. полк	550	1	-	50	300	-	50	50	5000
1-й Баш. кавал. полк	450	2	-	75	250	200	80	30	8000

2-й Баш. кавал. полк	700	6	-	400	120	-	150	100	50000
Тамьян-Катайский отряд	350	?	?	-	390	-	20	-	500
Табынский отряд	200	?	?	-	72	-	3	-	3000
Усерганский отряд	180	?	?	-	250	-	1	-	8486
Всего:	5320	Более 55	Более 1150	1832	2489	200	364	313	133 686
Сост. по: РГВА. Ф.40786.Оп.1.Д.24.Л.75.									

Таким образом, башкирские части⁹⁷ были примерно равны наступающим красным частям, но сильно уступали им в вооружении и не имели резервов (у красных в тылу стояла запасная стрелковая бригада, пополнявшая ряды Пензенской дивизии). Кроме того, мощную поддержку соединению оказывала 24-я Симбирская дивизия.

Под давлением 1-й армии башкирские силы были вынуждены покинуть ряд занимаемых ранее позиций и отойти на линию Кабясово – Кумасау – Верхне-Нугушево – Максютново – Суюшево – Луганово. Фактически, боевые действия переместились в горную местность, где башкирским подразделениям было легче переносить неравную схватку. Большую поддержку башкирским дивизиям оказывало местное население. Предоставляя своим частям свежих бойцов, башкиры пытались нанести максимальный ущерб красным. По утверждению командарма Г. Гая, «нередки были случаи отравления целых красноармейских частей в башкирских селениях»⁹⁸.

В целом, положение белых сил на фронте было критическим. Падение 22 января Оренбурга ускорило разложение казачьих частей, быстро отходящих на юго-восток. Это дало повод красному командованию победно заявить: «Противник разбит по всему Уральскому и Оренбургскому фронтам, частью разбежался по домам, частью сдался в плен. Оставшиеся части отходят»⁹⁹.

Башкирские части, оборонявшие свои позиции, остро нуждались

в оружии и боеприпасах. В 20-х числах января башкирские уполномоченные приехали в Орск, где располагалась новая резиденция Дутова, для получения вооружения. Но генерал отказал в их прошении на выдачу боеприпасов. Верховному командованию он так объяснил свою позицию: «благодаря политике [Башкирского правительства] (подчеркнуто мной – Т.Р.) 9-я башкирская дивизия совершенно небоеспособна, слаба, малочисленна... Жаль, что прекрасный боевой материал пропал напрасно»¹⁰⁰. Это говорит военачальник, потерявший казачью столицу и едва ли не половину вверенной армии (часть перешла на сторону большевиков, другие дезертировали, третьи просто не желали воевать), в то время как башкирские части вели тяжелые бои, постепенно отходя к Уралу и не допуская прорыв красных сил.

Через три дня после этой телеграммы Валидов в разговоре с командованием Западной армии о ситуации на фронте заметил: «Дутов сдал Оренбург и теперь, по видимому, хочет свалить вину [на нас]»¹⁰¹. Думается, это самое разумное объяснение странного поведения командующего Оренбургской армии (если не считать его личную неприязнь к Валидову).

На фоне общего разложения белых войск произошел саботаж, правда, специфического характера, в одном из подразделений Башкирского корпуса. Проблемы возникли с табынскими добровольцами, прикрепленными к 6-му стрелковому полку, которые потребовали отправить их на защиту родных деревень. Командир полка поручик У. Терегулов рапортовал 2 февраля командованию 2-й дивизии о том, что «табынский отряд не исполняет никакого приказа и требует, чтобы их отправили драться с большевиками около их деревень, ибо здесь они драться не хотят. Если не отпустят, уйдут самовольно домой с оружием». Терегулов настаивал на срочном распоряжении о мерах пресечения действий нарушителей, т.к. «среди них есть явные провокаторы и даже...», возможно, «...красные». Он предлагал подтянуть достаточное количество солдат и разоружить табынцев, а зачинщиков беспорядков расстрелять. На всякий случай, поручик советовал призвать командира 2-го кавалерийского полка А. Бишева, имевшего, видимо, определенное влияние среди добровольцев. Начальник дивизии предписал У. Терегулову «принять самые решительные меры к ликвидации

возмущения Табынского отряда», а «зачинщиков... расстрелять». На помощь к командиру 6-го полка отправили один эскадрон 1-го кавалерийского полка.

Однако меры штаба дивизии оказались запоздалыми – 9 февраля часть табынской конницы покинула позиции башкирских войск и ушла в направлении своих сел¹⁰². Впоследствии беглецы оказались в отряде особого назначения полковника Боброва, соприкасающегося с Башкирским корпусом на правом его фланге. В ответ на требования башкирского командования вернуть табынцев, Бобров ответил категорическим отказом¹⁰³.

Безусловно, уход 83 всадников не мог изменить обстановку на фронте, а других аналогичных случаев в башкирских подразделениях не было. Дисциплина в частях корпуса оставалась на сравнительно высоком уровне, что и спасало положение.

Башкирское командование для облегчения управления своими частями разделило фронтовую полосу на «южный» участок 1-й дивизии и «северный» участок 2-й дивизии. Не имея явного успеха на всей фронтовой линии, полки 20-й Пензенской дивизии сфокусировали основной удар по позициям более слабой 2-й Башкирской дивизии, намереваясь овладеть Кананикольском. 3 февраля красные части вступили в семичасовой бой со 2-й Башкирским стрелковым полком¹⁰⁴ у деревни Ишбердино. Под угрозой быть окруженным, башкирский полк отступил на хутор Павлинское¹⁰⁵. Во время боя произошел любопытный случай. Отбивая очередную цепь красноармейцев, в контратаку бросились 19 башкирских конников во главе с дивизионным муллой Тагировым. Увлеченные боем, всадники потеряли связь с полком и около суток блуждали по тылам противника. На следующий день маленькая группа без потерь вернулась в свою часть¹⁰⁶.

4 февраля на предупреждение вклинивания красных войск был направлен 5-й стрелковый полк, в результате чего активность частей Пензенской дивизии временно угасла¹⁰⁷. Возможно, именно это обстоятельство побудило башкирское командование на фоне повсеместного отступления предпринять на участке 2-й дивизии контрнаступательную операцию. 7 февраля башкирские части перешли в атаку и взяли важнейший пункт – деревню Увары. Но через два дня под натиском перегруппировавшегося противника

башкирские полки отошли на прежние позиции¹⁰⁸. Части 1-й дивизии, не испытывая давления со стороны красных сил, стали стягиваться ближе к Кананикольску, прикрывая западное и юго-западное направления.

Тем временем, красные войска возобновили наступление на позиции 2-й Башкирской дивизии. 12 февраля штаб Башкирского корпуса сообщал, что правый фланг 2-й дивизии полностью разгромлен. В образовавшуюся брешь между 6-м стрелковым полком, 1-м кавалерийским полком и 2-м кавалерийским полком проникли подразделения красных. Дивизия, под угрозой быть зажатой в клещи, перегруппировалась на линию Байназарово – Аралбаево – Акбулатово – Максютново – Суюшево¹⁰⁹.

На следующий день Пензенская дивизия, развивая наступление, ударила по южному участку башкирских войск, заставив 1-ю дивизию теснее прижаться к Кананикольску. Постоянно проверялся на прочность и северный участок, особенно сильно пострадал 6-й стрелковый полк, командир которого докладывал: «из-за недостатка вооружения ... отступаем». Солдаты полка, не имея патронов, сражались с противником врукопашную¹¹⁰.

Только 12 февраля белое командование сильно обеспокоилось, т.к. отход 2-й Башкирской дивизии создал угрозу оголения левого фланга Западной армии. Командиры соседних частей (полковник Бобров и генерал-майор Печенкин) просили свое командование срочно снабдить башкир боеприпасами. А 16 февраля уже в штабе Оренбургской армии началась настоящая паника. Генерал Вагин срочно телеграфировал своему «коллеге» Щепихину: «ввиду отхода башкирских частей создается угроза обеим армиям»¹¹¹. По-видимому, генералы списывали отступление башкир на потерю ими боеспособности. Об идущих переговорах с большевиками они ничего не знали, а уже к 17 февраля военные действия на участке противостояния 20-й Пензенской дивизии и Башкирского корпуса полностью прекратились.

Итак, башкирские формирования были активно задействованы в осенне-зимних военных операциях. Если на Орском, Актюбинском и Бузулукском фронтах башкирские части воевали отдельными полками, батальонами и эскадронами (отрядами), то в период обороны стерлитамакско-оренбургской линии привлекаются почти

все башкирские вооруженные силы. Здесь башкиры приняли удар лучших красных дивизий – 20-й Пензенской и 24-й «Железной» Симбирской. Особую роль, как и прежде, сыграли добровольческие формирования, не допустившие прорыв противника через Стерлитамак для обходного удара по основным силам армии Дутова. В результате ожесточенных боев башкирские части обеспечили отход оренбургских войск и не позволили красным армиям окружить их уцелевшие части.

О высоком боевом уровне, продемонстрированном башкирами в зимнюю кампанию, говорили как белые, так и красные. Командарм Гай, вспоминая зимние бои 1918-1919 гг., писал: «белые башкирские полки дрались против вверенных мне 20 и 24 дивизий с большим упорством»¹¹². Отметил боеспособность башкир и офицер Добровольческой армии генерала Деникина, анализировавший состояние вооруженных сил Колчака в начале 1919 года¹¹³.

Выполняя поставленные боевые задачи на различных фронтах осенне-зимнего периода, башкирские полки и добровольческие отряды понесли значительные потери. По нашим подсчетам, с октября 1918 по февраль 1919 гг. убыль в обычных армейских частях достигла 2000 человек, в добровольческих формированиях – 500 человек. Учитывая, что в начале октября башкирские вооруженные силы насчитывали около 10 000 солдат и офицеров, получается, что боевые потери составили 25%. Восполнить их так и не удалось.

Чужие среди своих

Создание Башкирского корпуса стало началом кардинальных перемен в системе управления башкирскими вооруженными силами. БВС, осуществлявший весь спектр деятельности по организации, вооружению, снабжению и координации действий своих вооруженных сил, к осени 1918 года уже не отвечал новым требованиям, ибо его возможности были исчерпаны. Очевидно, что образование корпуса диктовало необходимость создания нового управленческого органа. По решению Башкирского правительства такое ведомство было образовано, получив название «Башкирское

войсковое управление» (БВУ). Вполне логично. Раз существовало Башкирское войско, следовательно, главное управляющее ведомство должно было быть привязано к нему и по своему названию. В соответствии с постановлением правительства от 11 октября, все функции БВС переходили к БВУ. Военный совет сохранялся как совещательный орган при правительстве¹¹⁴.

Новая структура подразделялась на штаб начальника БВУ («Нуюна»), административный, хозяйственный, мобилизационный и судный отделы (см. Приложение № 3). Пост Нуюна был доверен Валидову, сохранившему за собой должности председателя БВС и заведующего военным отделом правительства. Руководство отделами возложили на русских штаб-офицеров, за исключением судебного отдела, начальником которого назначили гражданское лицо – председателя военно-следственной комиссии Кричинского.

Создание корпуса и реорганизация военного управления Башкирским войском ознаменовали завершение оформления башкирской национальной армии в антибольшевистском лагере. В ближайшей перспективе планировалось укомплектовать корпус новыми строевыми частями и вспомогательными подразделениями.

Однако планам А.-З. Валидова и его соратников не было суждено сбыться: неудачи на фронте и кардинальные изменения в государственно-политической сфере антибольшевистского лагеря Урала, Поволжья и Сибири в полной мере отразились на положении Башкирского правительства.

Камнем преткновения внутреннего кризиса антибольшевистского лагеря Урало-Поволжского региона, как уже говорилось выше, стал конфликт между Комучем и Сибирским правительством. Несмотря на сильные противоречия и взаимные претензии, лидеры обеих политических группировок все же понимали необходимость достижения компромисса для решения общей задачи – ликвидации власти большевиков. Поэтому было принято решение провести переговоры о создании всероссийского правительства.

Первая робкая попытка сторон прийти к политическому компромиссу состоялась в середине июля 1918 года, но с самого начала разговор принял напряженный характер, и переговоры были прерваны. Комуч, окрыленный военными успехами на Поволжском

фронте, где его полководцы вместе с чехословаками громили красных, серьезно намеревался повести наступление на Москву. Поэтому претензии Омска на равноправный статус вызывали у самарцев сильное раздражение.

23-25 августа 1918 года в Челябинске состоялся новый раунд переговоров между комучевцами и сибирцами. Стороны готовились к этой встрече, как к настоящей войне: самарцы усилили свои ряды национальными правительствами башкир и казахов, представителями Туркестана и Национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири. Омская делегация, в свою очередь, заручилась поддержкой уральского, оренбургского и сибирского казачеств. Среди прочих вопросов серьезно обсуждалось предложение превратить Урал в нейтральную территорию, ограничивающую сферы влияния Самары и Омска¹¹⁵.

В целом, на встрече наблюдалась очень тяжелая атмосфера: сибирцы и комучевцы не скрывали своей неприязни друг другу. В итоге, принятие окончательного решения об образовании всероссийской власти было перенесено на следующее заседание в Уфе. Характерно, что омская делегация, пытаясь обескровить своих оппонентов, потребовала лишить нерусские народы права участия в следующем совещании. Их представитель – генерал Иванов-Ринов – бросил фразу, ставшую впоследствии основой национальной политики белого лагеря Урало-Поволжского региона: «Инородцев надо держать в ежовых рукавицах!»¹¹⁶

Уфимское государственное совещание проходило в совершенно других военно-политических условиях. Наступление Красной армии и начало военных неудач народоармейцев надломил уверенность Комуча. Потеря Казани оказала сильное психологическое воздействие на лидеров Самарского правительства. Они отказались от прежней категоричной риторики и значительно ограничили свои политические амбиции.

В конце сентября 1918 года, когда красные войска сжимали кольцо вокруг цитадели «демократической контрреволюции», работа Государственного совещания была завершена. Самарское правительство было распущено, и эсеры лишились реальной военно-политической силы. На свет появилось единое правительство – Директория, в состав которого вошли представители Комуча и

сибирцев.

Отношения между Директорией и Башкирским правительством складывались довольно непросто. Эсеры, пытаясь сгладить противоречия с сибирцами, шли им на уступки, закрывая глаза на декларированные прежде принципы, в том числе, в области национального вопроса. Сибирцы же, пользуясь нерешительностью и уступчивостью левых, довольно активно приступили к упразднению «самостийности» в армии и на подконтрольных Директории территориях. Для Башкирского правительства и Башкирского войска это означало ликвидацию всей военно-государственной системы, выстроенной с огромным напряжением в июне-сентябре 1918 года.

Становилось очевидным, что Директория, несмотря на присутствие в ней социалистов, все больше тяготеет к правым позициям, не оставляя шансов поборникам национал-автономизма.

Опасения Башкирского правительства подтвердились очень скоро. Нажим Директории начался с попыток реорганизации Башкирского войска. Генералитет раздражала сама идея существования национальных соединений. В частности, Верховный Главнокомандующий В. Болдырев в своем дневнике сделал запись, датированную 1 ноября, характеризующую отношение генерала к этому вопросу: «...опять приставали эстонцы со своей национальной армией, отказал наотрез»¹¹⁷. Такое негативное отношение к отдельным национальным формированиям было характерно практически для всего командования Белой армии.

С середины октября начинается «исправление ошибок», допущенных Комучем в отношении Башкирского войска. Первым тревожным сигналом для башкирского руководства стал приказ Верховного Главнокомандующего № 7 от 5 октября об унификации военной формы во всех частях. Приказ сводился к повсеместному введению погон дореволюционного образца, трехцветной (бело-синя-красной) кокарды и отмене всех нарукавных нашивок¹¹⁸.

Попытка лишения Башкирского войска внешней атрибутики являлась только переходным шагом к упразднению национального корпуса. 16 октября вышло распоряжение начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенанта Розанова, по которому прекращалась мобилизация башкир в национальные части, а все имеющиеся полки соединялись в одну дивизию, входящую на

общих основаниях в Белую армию. Также прекращался отпуск средств на содержание БВС и штаба корпуса¹¹⁹. Одновременно белое командование вынесло решение о ликвидации 13-ти кантональных управлений башкирских воинских начальников, Башкирского войскового управления, Башкирского военного совета, штаба Отдельного Башкирского корпуса и штаба 2-й Башкирской дивизии¹²⁰. Тем самым уничтожалась практически вся выстроенная в течение июня-октября 1918 года уникальная военная система. Интересна мотивация генералом Розановым таких жестких мер, озвученная как «недостаток финансовых средств». Подобное объяснение является малоубедительным. Даже если высшее белое командование действительно испытывало большие трудности с деньгами (странно только, что «экономить» начали с Башкирского войска), то БВУ располагало достаточными средствами, чтобы обеспечить на первое время своих военных и гражданских служащих. К примеру, в сентябре башкирское руководство имело 246 213 рублей, а уже в декабре – не менее 2 миллионов рублей¹²¹. К тому же, если бы белые власти не препятствовали Башкирскому правительству собирать местные налоги с населения «Малой Башкирии», то источник финансирования на военные нужды был бы постоянным.

21 октября приказ о роспуске всех вышеперечисленных структур был объявлен по башкирским частям¹²². На самом деле, А.-З. Валидов и его соратники пока не собирались выполнять распоряжения белого командования. Это вынудило генералов перейти от телеграфных указаний к реальным мероприятиям. Они заключались в комплексном воздействии на Башкирское войско для установления контроля за его частями и нивелирования общественно-политического влияния Башкирского правительства в регионе.

28 октября Валидов сделал последнюю попытку предотвратить разрушение Башкирского войска. На имя Директории было составлено обращение-доклад от Башкирского правительства, в котором была показана роль башкирских формирований на различных фронтах и продемонстрирована система военной организации Башкирского войска. «Правительство Башкирии, говорится в документе, – считает совершенно необходимым сохранение не отдельной дивизии, а Башкирского корпуса двухдивизионного состава с необходимыми вспомогательными

родами оружия» с оперативным подчинением общему командованию¹²³.

Ответ Валидов получил своеобразный, но вполне ясный: постановлением Директории от 4 ноября 1918 года Башкирское правительство упразднилось, а часть его функций передавалась Главноуполномоченному по делам Башкирии (мертворожденная структура, так и оставшаяся на бумаге)¹²⁴.

Пытаясь лишить Башкирское правительство рычагов влияния на национальные части, белое руководство провело несколько кадровых перестановок. Так, 7 ноября штаб Юго-Западной армии назначил на должность начальника 1-й Башкирской дивизии генерал-майора Савич-Заболоцкого, а начштадива – полковника Федорова. Очевидно, что для достижения некоторого компромисса между башкирским руководством и Директорией командование 5-м стрелковым полком вместо подполковника Цветкова перешло к штабс-капитану Незаметдинову¹²⁵.

Не решаясь вмешаться в порядок назначений в руководящее звено дивизии, т.к. это вело к открытому конфликту со ставкой Верховглавкома, А-З. Валидов был вынужден официально признать решения белого командования. В приказе по Башкирскому войску от 10 ноября, Нуон отдал следующее распоряжение: «а) Штаб и управление Отдельного Башкирского корпуса считать расформированным ...; г) Дела и имущество бывшего штаба и Управления Башкирского корпуса передать штабу 1-й Башкирской стрелковой дивизии ...; д) Личный состав (офицеров и чиновников) штаба и управления корпуса, не получивших назначения в Штаб дивизии, передать в распоряжение начальника Штаба Юго-западной Армии»¹²⁶.

После дискуссий с атаманом Дутовым Валидов сумел в середине ноября продвинуть на пост начальника Башкирской дивизии генерал-лейтенанта Ишбулатова, а до его приезда, временно, – подполковника Еникеева. Генерал-майор Савич-Заболоцкий был оставлен заместителем начдива¹²⁷. Правда, в декабре, видимо, под нажимом оренбургского командования, Савич-Заболоцкий восстанавливается в должности начдива.

Другим средством ослабления Башкирского правительства стало раздробление белыми властями системы местного самоуправления

«Малой Башкирии». Это производилось путем грубого вмешательства в дела воинских начальников и ликвидации кантональных управлений. Так, яланский воинский начальник докладывал 2 ноября, что в его кантон вторглись отряды милиции и казаков, которые арестовали все Управление, ранив при этом двух человек. Воинский начальник сообщал в Оренбург: «От нас все забрали и с нами никто не считается»¹²⁸. Примерно то же самое происходило в Кудейском кантоне. Поручик Алимбетов, занимающий должность местного воинского начальника, рапортовал Валидову, что один из командиров сибирского отряда пытался разоружить кудейских добровольцев, заявив о прекращении существования Башкирского правительства¹²⁹.

Такое обостренное внимание к воинским начальникам вполне понятно, т.к. именно ими обеспечивался приток призывников, денежных и других средств, формировались добровольческие дружины. Разрыв связи между Башкирским правительством и органами местного самоуправления – кантональными управами – на корню уничтожал все возможности для дальнейшего формирования национальной частей. В реализации этой задачи большую помеху создавали добровольческие отряды, подчинить которые (в отличие от армейских частей) было практически невозможно. Некоторые генералы, в том числе А. Дутов, столкнувшиеся с этой проблемой, требовали вывода добровольцев из башкирских кантонов¹³⁰.

Ликвидация корпуса вызвала недовольство не только башкирского руководства, но и простых солдат. Офицер бывшей Народной армии Н. Стариков, будучи проездом в Оренбурге, так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «башкиры заявили Дутову о своем определенном желании объединить все башкирские войсковые части в башкирский корпус. Отрицательный ответ Дутова вызвал сильное недовольство в рядах башкир», и они предупредили, что «не будут ретиво сражаться, как это было до сих пор. Точно знаю, ... башкиры раздражены ... о том, что башкиры начинают сильно беспокоить Дутова своими домоганиями мне стало понятно особенно после того, как Оренбургская контрразведка предложила мне взять на себя организацию контрразведки в Башкирдистане». В конце своего доклада Стариков приходит к такому выводу: «Необходимо ближе подойти к ним (*башкирам* – Т.Р.) и в той или иной форме влиться к

ним»¹³¹. Последняя фраза довольно любопытна и, судя по всему, отражает намерения комучевцев найти общую политическую платформу с башкирскими лидерами, утерянную после образования «Всероссийского» правительства.

В целом, Директории не удалось полностью расформировать Башкирское войско. По-прежнему функционировали БВУ, большинство управлений кантональных воинских начальников и, наконец, Башкирское правительство. Национальные войска лишились права иметь свой корпус, было свернуто формирование 7-го стрелкового полка и изъято право производства в очередные офицерские чины¹³². В командное звено дивизии башкирское руководство было вынуждено пропустить нелояльных к нему офицеров. Такое положение на время умиротворило обе стороны, но государственный переворот 18 ноября и установление военной диктатуры Колчака нарушили достигнутый компромисс.

Новая власть решает на еще более кардинальные меры по свертыванию самостоятельности башкирских частей. По распоряжению начальника штаба Верховного правителя от 20 ноября, «все стрелковые части бывшего Башкирского корпуса» были сведены в «неотдельную дивизию» под порядковым номером 10¹³³. Полки реорганизованной 1-й Башкирской дивизии также получили новую нумерацию: 1-й стрелковый – 37-й, 2-й стрелковый – 38-й, 4-й стрелковый – 39-й, 5-й стрелковый – 40-й¹³⁴. По тому же распоряжению генерал Савич-Заболоцкий утверждался начальником дивизии.

Реакция антибольшевистского лагеря на ликвидацию Директории и появление военной диктатуры была различной. По словам историка В.И. Шишкина, «переход власти к Колчаку вызвал глубочайший кризис в лагере контрреволюции, выразившийся в его разделении на сторонников и противников уже не гипотетической, а реально существующей военной диктатуры»¹³⁵. Торгово-промышленные круги воодушевленно встретили новый порядок, преследуя узколокальные социально-экономические интересы. Генералитет, включая Верховного Главнокомандующего В. Болдырева, подчинился власти адмирала А. Колчака, опасаясь междоусобицы.

Чехословацкое командование после некоторых колебаний отнесло изменения в государственно-политической сфере к внутренним российским делам. Не в малой степени нейтрализации чехословаков способствовали союзные державы, выразившие терпимое отношение к диктатуре.

Оппозицию адмиралу возглавили лидеры Комуча и часть белых военачальников (Махин, Каргин и Семенов)¹³⁶. Сторонники Колчака сумели без особых затруднений разгромить екатеринбургское отделение Комуча, остатки которого собрались в Уфе и Оренбурге.

В Уфе комучевцы попытались сформировать свое правительство в противовес власти Колчака, надеясь на поддержку своих давних союзников – чехословаков. Однако последние отвернулись от эсеров и фактически сдали их сибирцам, прибывшим в город для ареста «мятежников». Всего было брошено в тюрьму 45 депутатов Учредительного собрания и сторонников Комуча, некоторые из них были расстреляны. Оставшиеся на свободе эсеры во главе со своим руководителем Черновым принимают решение «вооруженную борьбу против большевиков прекратить и все силы демократии направить против диктатуры Колчака». Социалисты гарантировали, что все перешедшие на сторону большевиков белогвардейцы никаким репрессиям подвергаться не будут¹³⁷. Были запланированы вооруженные выступления сторонников Комуча в Оренбурге и Уфе.

Башкирское правительство, для которого государственный переворот оказался неприятной неожиданностью, вошло в круг оппозиции Колчаку. В союзе с Комучем, военачальниками Юго-Западной армии Махиным и Каргиным, башкирские лидеры приняли участие в подготовке вооруженного выступления в Оренбурге. Башкирские полки, расквартированные в городе, должны были стать основным орудием готовящегося переворота. В ночь с 1 на 2 декабря в здании Караван-Сарая (резиденции штаба Башкирского войска) состоялось совещание лидеров оппозиции, среди которых были от Алаш-Орды – Чокаев, от Комуча – Чайкин, от казачества – Махин и Каргин, от башкир – Валидов. Участники совещания планировали образовать единое правительство, соединяющее «Малую Башкирию», Оренбургское и Уральское казачество, Казахстан. Заговор провалился из-за доноса военнслужашего Башкирского войска А. Галиева. Атаман вовремя узнал о готовящемся выступлении и сумел скрыться

под защиту верных ему войск¹³⁸. Предложение Валидова об открытии немедленных военных действий против сторонников Дутова, было отклонено Махиным, не желавшим проливать кровь казаков. Так, по высказыванию А.-З. Валидова, долго «вырабатывавшийся ... план рухнул за несколько часов»¹³⁹. 2 декабря башкирские полки, предварительно взломав оружейные склады в Оренбурге, ушли в направлении села Ермолаево¹⁴⁰.

Открытое проявление враждебного отношения башкирских полков к новой власти исполошило А. Дутова. Не имея при себе достаточных сил для ликвидации «бунта», атаман предложил башкирскому командованию прислать на служебное расследование капитана Габитова, поручика Терегулова, поручика Ишмурзина, прапорщика Ахмерова и других. Валидов ответил отказом, придумав какие-то туманные объяснения¹⁴¹. Атаман, не успокоившись, подключил представителей известной аргаяшской семьи Курбангалиевых, пытаясь внести раскол в солдатскую среду¹⁴². Но и эта мера не принесла каких-либо существенных результатов. Параллельно Дутов добивался от верховного командования прекращения снабжения башкирских частей продовольствием и денежными средствами¹⁴³, что значительно ограничило их боевой потенциал в период зимних боев.

Потерпев неудачу в Оренбурге, башкирское руководство не теряет надежду на благоприятный исход. 5 декабря в Уфе вновь собрались члены Комуча и представитель башкир – И. Алкин. В ходе встречи было решено силами русско-чешского батальона, батальона имени Учредительного собрания, Ижевской бригады и других частей поднять в Уфимском районе восстание. Но из-за неорганизованности Комуча, не сумевшего скоординировать действия надежных частей, план реализовать не удалось. Попытки народоармейцев соединиться с башкирскими войсками также провалились¹⁴⁴. К середине декабря сопротивление социалистов было окончательно сломлено¹⁴⁵. Атаман Семенов, не признававший режим Колчака, находился в Забайкалье и не мог влиять на политические события в Уральском регионе. Да и сомнительно, чтобы Семенов решился на открытое выступление, тем более, что причины его неприятия власти Колчака принципиально отличались от тех, которые побудили к выступлению социалистов и

башкир. Таким образом, Башкирское правительство и его вооруженные силы оказались в полном одиночестве.

В этой ситуации А.-З. Валидов подготовил секретный циркуляр, адресованный доверенным офицерам и полковым муллам для распространения среди башкирских солдат. Анализируя последние события, Нуюн признал, что в случае ухода чехословаков из России для башкир «положение будет очень тяжелое». Перечисляя все возникшие трудности, Валидов приходит к следующему решению: «как бы ни было перед нами цель одна – собрать все полки в одно место, фронт держать в Тукчуране (*Токчуранский кантон, находившийся на юго-западе «Малой Башкирии» – Т.Р.*)... Когда закончится сбор всех войск, я дам специальное распоряжение отступить ... Однако если до моего распоряжения большевики начнут наступление, не оказывая большого сопротивления необходимо отступить»¹⁴⁶. В конце своего послания Валидов отказывается от дальнейшего участия в борьбе с режимом Колчака, справедливо считая ее бесперспективной¹⁴⁷. По сути, Нуюн выдвинул в основу тактики башкирских войск принцип «ни мира, ни войны», т.е. сохранение нейтралитета в борьбе Красной и Белой армий.

Любопытно, что незадолго до ноябрьского переворота башкирские военнослужащие были уже проинструктированы относительно политической платформы своего правительства. Так, упомянутый выше офицер Н. Стариков, проезжавший через территорию «Малой Башкирии», встретился с отрядом добровольцев. На его вопрос, для чего такой отряд, один из бойцов ответил: «Для охраны территории своей». «От кого?» – продолжил расспрос офицер. «От кого бы то ни было», – бойко ответил доброволец¹⁴⁸.

Однако спасение автономии и Башкирского войска в условиях Гражданской войны путем сохранения нейтралитета оказалось невозможным. Выше мы достаточно подробно описали, каким образом башкирские части были использованы в тяжелейших боях зимы 1918-1919 гг. Целиком погрузившись в борьбу с Красной армией, башкирское руководство не оставляло мысли о возрождении корпуса. В разгар боев, когда белое командование было не в силах помешать, штаб Башкирского войска выпустил приказ № 34 от 9 января, в котором говорилось: «Приказ о расформировании отдельного Башкирского корпуса Башкирское правительство не

считает действительным и приступает к восстановлению такового»¹⁴⁹. Была отброшена присвоенная колчаковским командованием нумерация башкирских частей и возвращена прежняя.

В конце января - начале февраля была воссоздана 2-я Башкирская дивизия, начальником которой назначается поручик Набоков, а начальником штаба - штабс-капитан Волченко. Оба офицера являлись номинальными командирами, не имеющими реальных рычагов власти. Набоков несколько раз с недоумением посылал запросы в штаб корпуса с просьбами объяснить причины своего странного положения. Накануне перехода на сторону Советской республики, когда стали предельно ясны намерения башкирского командования, Набоков сдал дивизию штабс-капитану Габидуллину¹⁵⁰.

В 1-й Башкирской дивизии смена командования произошла в первых числах февраля. Вместо смещенных генерал-майора Савич-Заболоцкого и полковника Федорова были назначены штабс-капитан Ишмурзин (начдив) и штабс-капитан Незаметдинов (начштадив). 7 февраля начальник штаба Башкирского корпуса капитан Подгорецкий уступил свое место поручику Алкину. Примерно в это же время вместо подполковника Еникеева, проявившего признаки ненадежности еще в декабре 1918 года, штаб корпуса назначил командиром 4-го стрелкового полка поручика Байрашевского¹⁵¹.

Так в течение короткого времени башкирское руководство восстановило корпус (непризнанный, правда, Колчаком) и самовольно заменило часть ключевых командиров. Белое командование не осталось в долгу и нанесло ответный удар. Как уже говорилось, 3-й стрелковый полк оказался оторванным от основных башкирских сил. В январе 1919 года командир полка Г. Таганов пытался прорваться сквозь белые части на соединение с основными башкирскими войсками. Последние известия о 3-м полке пришли 10 февраля. Г. Таганов сообщал, что его часть расформируется, а солдаты отправляются на пополнение подразделений 6-й Уральской дивизии¹⁵². Начальник штаба Западной армии С. Щепихин с удовлетворением докладывал «Верховному Правителю», что «в районе армии (Западной - Т.Р.)... башкирских частей нет (3-й полк расформирован) и башкиры призываются на общем основании и

вливаются в части»¹⁵³. Таким способом белому командованию все же удалось распустить один полк Башкирского войска, хотя главные его силы остались нетронутыми.

Сохранение башкирских вооруженных сил имело два благоприятных исхода. Во-первых, благодаря национальным частям Башкирское правительство, несмотря на все приказы белого руководства, продолжило свою политическую деятельность. Во-вторых, наличие значительных вооруженных сил башкир во многом обеспечило условия для достижения союза между Башкирским правительством и СНК РСФСР.

* * *

Говоря о политическом расхождении Башкирского правительства с белым движением, нельзя не затронуть глубинные причины этого конфликта, имеющего характерные примеры во многих национальных регионах России.

Антибольшевистский лагерь Урала, Поволжья и Сибири всего за полгода своего существования (июнь-ноябрь 1918 года) претерпел сильную трансформацию. С одной стороны, ликвидация всех «областных» и национальных правительств, унификация армии привели к централизации власти. С другой стороны, антибольшевистский лагерь в погоне за единоначалием и единообразием идеологии потерял характер коалиции. Борьба с большевиками превратила их заволжских противников в односложную военную диктатуру, которая, несмотря на большую армию, оказалась слабее прежнего, на первый взгляд, зыбкого «федеративного» союза общественно-политических движений, партий, различных социальных слоев и народов.

Реанимируя ненавистные большинству населения самодержавные методы управления, возрождая концепцию «единой и неделимой России», политически недалекосидящая сибирская военщина надломилась, пожалуй, самую грозную силу антибольшевистского лагеря. В частности, переход Башкирского правительства на сторону Советов обошелся колчаковскому режиму очень дорого: позже за башкирами последовали казахи, серьезное

психологическое влияние было оказано на оренбургское казачество¹⁵⁴, что сильно ослабило левый фланг военной группировки Верховного правителя, не говоря уже о политических последствиях этой акции.

Позже, будучи в эмиграции, многие сибирские генералы осознали свои ошибки и глубоко раскаивались в перегибах, допущенных при неумелом выстраивании «сильной» бескомпромиссной власти. Например, генерал Д.В. Филантьев писал: «Самая главная причина наших белых неудач лежала... в том, что ... мы не только не давали мужику синицу в руке, но и журавля в небе посулить опасались, а думали растрогать его призывами к «единой и неделимой» и звали идти на свержение ... большевиков»¹⁵⁵.

Современные историки, коснувшиеся проблемы взаимоотношений белых властей с национальными правительствами, пришли к единодушному мнению о неспособности генералов во всех регионах страны вести гибкую политику по ключевым вопросам. Причем эти взгляды получили отражение как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

Известный американский исследователь П. Кенез довольно подробно показал совершенное неприятие генералом Деникиным национальных и казачьих автономий, что привело к целой серии политических конфликтов и несогласованности действий против большевиков. А в отношении Закавказья автор сделал еще более категоричный вывод: «Нет сомнения, что политика Добровольческой армии по отношению к Грузии способствовала поражению белых в Гражданской войне»¹⁵⁶.

Казахский ученый Д. Аманжолова утверждает, что «Доктрина «целокупной России» (выдвинутая Колчаком – Т.Р.) носила великодержавный характер; идею единой и неделимой страны почти все национальные движения и организации воспринимали как возвращение к дореволюционной политике». «Итак, – заключает автор, – решение национальных проблем белые подчинили общей цели свержения большевиков. Политическое самоопределение народов не предусматривалось, а реализация культурно-национальной автономии была объективно крайне затруднена»¹⁵⁷.

Значительное внимание этому вопросу уделили российские

историки. Так, С. Миронов, анализируя национальную политику белых лидеров по отношению к украинцам, прибалтийцам, башкирам, казахам, калмыкам, кавказским и закавказским народам, резюмирует, что генералы, «открыто выдвинув лозунг «единой и неделимой России», получили для себя, кроме противоборства с красными, еще целый ряд конфликтов» с национальными меньшинствами, «способствовавших тому, что белое движение рухнуло в пропасть». И далее: «Ленин... использовал для своей победы раскол в лагере противников. И победил. А объективно помогли ему в этом своей «топорной работой» Колчак и Деникин»¹⁵⁸.

Нетерпимость белых к национальному самоопределению народов на Кавказе отмечает и А. Безугольный: «Столкнувшись с первым сопротивлением горцев, белогвардейские генералы на местах... сразу взяли курс на террор, огнем и мечом отстаивая принцип «единой и неделимой» России...»¹⁵⁹.

В. Зимина, исследовавшая внутреннюю политику антибольшевистского лагеря, пришла к выводу, что белыми «единая Россия» понималась как обязательное восстановление и соблюдение территориальной целостности российского государства и довоенных границ 1914 года. При этом «целостность» было тождественно понятию «Великороссия». Его смысловое содержание сводилось как к имперскому принципу «Россия – тюрьма народов», так и принципу «простое сожительство областей» («русские соединенные штаты»)»¹⁶⁰.

Вот далеко не полный спектр высказываний современного научного сообщества в отношении национальной политики белых, ответной реакции национальных меньшинств и последствий этих противоречий. Поэтому Гражданская война была проиграна антибольшевистским лагерем не в 1920 году и даже не после провальных наступлений Колчака, Деникина и Юденича в 1919 году. Это произошло гораздо раньше – в конце 1918 года. Именно тогда антибольшевистский лагерь Урало-Сибирского региона перестал быть коалицией. Приход к власти генералов, жаждавших реванша за 1917 год, а потому столь беспощадно расправившихся со многими завоеваниями Февраля, окончательно лишил противников большевизма шансов на победу в Гражданской войне.

Переход на сторону Советской республики

Как уже было сказано выше, после государственного переворота в Омске (18 ноября 1918 года) Башкирское правительство вошло в число участников антиколчаковской коалиции. Параллельно с попытками создать «третью силу» на Восточном фронте (союз социалистов, оренбургских и уральских казаков, башкир и казахов) 21 ноября 1918 года¹⁶¹ им было принято решение начать диалог с Советской властью о заключении союза¹⁶².

Разгром демократической оппозиции и колчаковская реакция укрепили башкирских лидеров в намерении выйти из белого лагеря. В январе 1919 года в Уфу, где была восстановлена советская власть, направились М. Халиков и Х. Сагитов. На прошедших переговорах башкирские представители предложили большевикам довести корпус до 60 тысяч бойцов и направить его против Белой армии. От Красной армии требовалось лишь снабдить его всем необходимым, в том числе деньгами¹⁶³.

Практически одновременно с этим РВС Восточного фронта вел переговоры с уцелевшими членами Комуча, которые предлагали большевикам организовать совместные действия против колчаковских войск. При этом, как докладывал Ленину член РВС фронта Гусев, основой для вооруженного выступления должны были стать башкирские части. Их планировалось двинуть на Челябинск¹⁶⁴.

Получив двойную информацию о намечающемся союзе с Башкирским правительством, СНК в лице Ленина и Сталина телеграфировал уфимским большевикам пойти навстречу башкирским политикам. Ленин предупредил уфимских соратников, что налаживание контакта должно производиться с соблюдением «контроля за пролетарской надежностью башкирских войск»¹⁶⁵.

8 февраля Башкирское правительство вынесло постановление об окончательном решении вступить в соглашение с большевиками и, по достижению договоренности, прекратить боевые действия против Красной армии¹⁶⁶. На следующий же день командование корпусом начало переговоры с политотделом 5-й армии. Башкирская сторона предлагала после заключения соглашения объединить оперативное

руководство частями. Для демонстрации своих дружеских намерений башкирское командование выдало 5-й армии всю информацию о составе и расположении своих частей¹⁶⁷.

Вступив в контакт не со штабом 1-й армии, напротив которой стояли башкирские полки, а со штабом 5-й армии, командование корпусом обрекло себя на массу неприятностей. По-видимому, Валидов первоначально не придавал этому важному вопросу должного значения, считая Красную армию единой структурой. Да и предварительные переговоры с большевиками начались в Уфе, где советское военное руководство представляло командование 5-й армии. За эту оплошность пришлось дорого заплатить. Командиры частей 1-й армии, не зная о проходящих переговорах, продолжали вести боевые действия. 16 февраля вышел приказ по Башкирскому корпусу, в соответствии с которым объявлялся переход частей с 10 часов 18 февраля на сторону Советской республики. Тем же приказом открывались военные действия против «врагов революции, свободы и самоопределения нации — Колчака, Дутова и всех мировых империалистов». Всех лиц, не подчиняющихся приказам штаба корпуса, предписывалось арестовывать и препровождать в село Темясово. Офицерам, оставшимся в башкирских частях, гарантировалась полная неприкосновенность¹⁶⁸.

Полярное изменение политической ситуации требовало обстоятельной разъяснительной работы среди солдат корпуса. Весь рядовой состав был оповещен о предстоящем переходе с объяснением причин такого шага. По замечанию А.-З. Валидова, «Войска приняли это решение спокойно»¹⁶⁹. Для полного разъяснения политической ситуации 18 февраля вышло воззвание командующего И. Алкина к военнослужащим корпуса, которое содержало жесткую критику белого движения и их лидеров, расправившихся с демократией и вернувших старые порядки. Соответственно, рассуждал И. Алкин, естественными союзниками башкир являются Красная армия и Советская республика, предоставляющие башкирам настоящую автономию¹⁷⁰. Воззвание было составлено простым и ясным языком, что и требовалось для доведения основной сути перехода до солдатских масс. Кроме того, штаб корпуса назначил особо уполномоченных лиц, делегированных к солдатам для чтения и объяснения приказа о переходе на сторону

большевиков. В 1-й стрелковый полк был отправлен Г. Иркбаев, во 2-й стрелковый полк – Ш. Бабич, в 4-й стрелковый полк – К. Идельгужин, в 5-й стрелковый полк – А. Качкын, в 1-й кавалерийский полк – А. Султангузин, во 2-й кавалерийский – С. Мрясов, в запасный батальон – Х. Ильясов, в комендантскую роту – Р. Гайниисламов, к вспомогательным командам – Х. Амиров и Х. Иглинов, к воинскому начальнику Бурзян-Тангауровского кантона, на территории которого стояли башкирские части, – Г. Бакаев¹⁷¹.

Труднее обстояло дело с офицерами. Далеко не все из них поддержали действия башкирского руководства. Одни вполне мирно покинули части (Ш. Узбеков, И. Шарипов, Ш. Измайлов), другие попытались помешать переходу своих солдат. В итоге последняя группа (по данным белых, 15 человек) по приказу башкирского руководства была расстреляна.

Белое командование слишком поздно узнало о готовящемся переходе башкир. О неосведомленности оренбургской контрразведки в этом вопросе говорит тот факт, что в январе 1919 года на военном совещании в Челябинске атаман Дутов доложил, что лояльность и надежность подчиненных ему башкирских войск не вызывает у него сомнений¹⁷².

Самовольное преобразование башкирских полков в корпус вызвало серьезное беспокойство белых генералов. 29 января начальник штаба Верховного правителя Лебедев приказал командующему Западной армией Ханжину «найти и арестовать главу Башкирского правительства Валидова, предать полемому суду за государственную измену»¹⁷³. Причем под «изменой» подразумевалось неподчинение директивам Колчака, а не переговоры с большевиками, о которых тогда еще не было известно.

2 февраля Валидов предложил не знающему, как с ним справиться, командованию Западной армии включить башкирские части в ее состав и оказать содействие в восстановлении корпуса¹⁷⁴. Реакцию белых легко себе представить. Очевидно, башкирский лидер надеялся таким образом столкнуть лбами Ханжина и Дутова, чтобы выиграть необходимое для перехода на сторону Красной армии время.

Между тем белое командование рассуждало, что делать с Валидовым, проявляя при этом удивительное невежество в оценке

внутренней ситуации в башкирских войсках. Приведем наиболее характерные выдержки из «резюмации» генерала Ханжина: «Башкирское правительство..., возглавляемое Валидовым, не пользуется доверием и поддержкой населения», «башкирскому народу не свойственны сепаратные стремления», «я считаю совершенно вредным формирование башкирских частей» и т.д.¹⁷⁵ Генерал Щепихин полагал, что весь «башкирский вопрос» упирается в проблему чрезмерной неприязни Дутова к башкирам и политического авантюризма Валидова.

Однако при всем желании белое командование не могло добраться до башкирского лидера, т.к. тот находился в окружении верных войск. Понимая свою беспомощность, 9 февраля Омск телеграфировал Савич-Заболоцкому и Федорову обеспечить полное подчинение центру башкирских частей на общих основаниях. Также через вышеупомянутых офицеров Башкирскому правительству в ультимативной форме предлагалось признать власть «Верховного правителя» и сложить с себя все полномочия. Но и эти распоряжения оказались неэффективными¹⁷⁶. Как уже говорилось, в первых числах февраля генерал Савич-Заболоцкий и полковник Федоров были отстранены от непосредственного командования дивизией и находились там в качестве безучастных наблюдателей.

Информация о присоединении Башкирского корпуса к красным силам дошла до белого командования только в день самого перехода, т.е. 18 февраля. Об этом стало известно от покинувших башкирские части офицеров. Взбешенный этой новостью подполковник Нарышкин (штаб Западной армии) сторяча дал есаулу Афанасьеву авантюрный приказ: снарядить казачий отряд в 20-50 всадников «с лихим командиром» для немедленного ареста или ликвидации Валидова¹⁷⁷. Разумеется, есаул не справился с этим заданием.

На следующий день командующий Стерлитамакским корпусом генерал-майор Печенкин, получив необходимые инструкции от командования Западной армии, выпустил обращение к башкирским солдатам, в котором призвал не исполнять приказов Валидова и всех «изменников Башкирии ... передать полемому суду». Для большего убеждения генерал заявил, что большевики подкупили Валидова за 2 миллиона (в других документах – 2 миллиарда) рублей¹⁷⁸.

Генералом Дутовым было составлено «Обращение казаков к башкирскому народу», где атаман опровергал заявление Валидова о тенденциозном отношении Колчака к Башкирскому войску¹⁷⁹.

Было выпущено обращение и от сибирских частей, в котором были приведены совершенно абсурдные причины изменения политических предпочтений башкирского руководства. Приведем эту часть документа полностью: «Верховный правитель адмирал Колчак и русское правительство спросили ваших правителей – Валидова и его компанию – почему башкирские солдаты не получали денег, белья, обмундирования и оружия, которые Верховный правитель и русское правительство отпускали для башкирских солдат и офицеров. Тогда Валидов и его друзья, которые вместе с ним воровали солдатские деньги, решили перейти к красным большевикам, чтобы избежать суда за кражу денег, продажу обмундирования, белья и оружия... Мы верим, что башкиры скоро уничтожат этих подлецов и негодяев, которые обкрадывали башкирское войско и заставляли башкир голодать».¹⁸⁰ Выше приведенный текст свидетельствует либо об откровенном цинизме белого командования, либо об элементарном незнании ситуации, особенно учитывая, что информацию о башкирах Колчак получал в основном от Дутова. О «правдоподобности» его докладов Верховному правителю мы уже говорили.

Башкирское командование, в свою очередь, от имени своих солдат призвало оренбургских казаков истребить «контрреволюционных офицеров» и перейти к красным, где их встретят «с распростертыми объятиями»¹⁸¹.

Адмирал Колчак, видя безрезультатность агитации своих подчиненных, лично обратился к башкирским воинам, пообещав им полную амнистию¹⁸².

Запоздалые меры генералов уже не могли изменить положение. Башкирские части, дислоцирующиеся 18 февраля по линии (с севера на юг) Беялово – Тагирово – Габийдуллино – Исяново – Баимово – Тавлыкаево, перегруппировались и развернули свои боевые позиции с запада на восток. В направлении белых войск начинается разведка для возможного нанесения ударов¹⁸³.

Утром того же дня А.-З. Валидов с группой офицеров вошел в контакт с командованием 20-й Пензенской дивизии. Не решившись

самолично решать такой важный вопрос, командир дивизии отправил башкирскую делегацию в Оренбург, где размещался штаб 1-й армии. После успешных переговоров с командармом Г. Гаем А.-З. Валидов вернулся обратно для наблюдения за перемещением башкирских частей, начавшимся 20 февраля.

В исторической литературе называются разные цифры численности башкирских войск к моменту перехода. В книге М.Л. Муртазина говорится о 6556 солдатах¹⁸⁴, в монографии З.А. Аминова фиксируется цифра 4570 человек, хотя автор утверждает, что в день перехода численность корпуса снижается до 2000 солдат¹⁸⁵. Современные историки М.М. Кульшарипов и С.Ф. Касимов соглашаются с М.Л. Муртазиным, определяя численный состав башкирских войск в 6556 человек¹⁸⁶. Попробуем разобраться в этом вопросе, прибегнув к архивным материалам. Утверждение З.А. Аминова, что к 18 февраля корпус насчитывал всего 2000 солдат, неверно и основано, скорее всего, на численности башкирских солдат прибывших в Саранск (апрель 1919 года) после некоторых чисток. Даже называемая автором цифра 4570 человек относится только к действующим регулярным частям и поэтому не является полной¹⁸⁷. Автор не учел Усерганский добровольческий отряд, Запасной батальон, Особую комендантскую и Караван-Сарайскую роты, вспомогательные команды. Данные М.Л. Муртазина, М.М. Кульшарипова и С.Ф. Касимова взяты из одного источника – «Докладной записки о моменте перехода и теперешнем положении Башкирского войска», составленной А.-З. Валидовым в мае 1919 года¹⁸⁸. В «Записке» дается более обстоятельный расклад боевых сил корпуса, хотя архивные источники говорят, что и здесь допущены некоторые неточности. На 20 февраля в 1-м кавалерийском полку солдат числилось не 540, как пишет Валидов, а 460. В 6-м стрелковом полку значилось 324 человека, тогда как по Валидову их было 650¹⁸⁹. Такая разница объясняется тем, что А.-З. Валидов использовал устаревшие данные, датированные не позже 10-11 февраля, т.е. до того, как 6-й стрелковый полк понес большие потери. В 1-м кавалерийском полку по списку значилось 520 солдат, а недостающие 60 находились, видимо, на излечении. В отношении других частей неточностей, скорее всего, нет, или они являются

незначительными. В целом цифры Валидова совпадают с оперативными данными штаба корпуса – 6219 штыков и сабель.

Первыми фронт пересекли 5-й и 6-й стрелковые полки¹⁹⁰, за ними двинулись 1-й и 2-й стрелковые полки¹⁹¹. 26 февраля 4-й стрелковый, 1-й и 2-й кавалерийские полки образовали особую ударную группу под руководством Алишева. Группа осуществляла наступательные действия в направлении станций Кизильская и Магнитная¹⁹². К 3 марта все башкирские части, за исключением 1-го кавалерийского полка, были отведены в тыл Пензенской дивизии¹⁹³.

21 февраля в селе Темясово состоялся I Всебашкирский военный съезд с представителями от всех частей. В резолюции по военному вопросу было принято решение отложить реорганизацию Башкирского корпуса до «ознакомления с устройством советской Красной Армии»¹⁹⁴.

В действительности, все получилось совсем по-другому. Ни солдаты, ни командиры частей 20-й Пензенской дивизии, воевавшие с башкирами на протяжении 2,5 месяцев, не понимали, почему вчерашних врагов принимают в число союзников. Еще 16 февраля командир 1-й бригады дивизии Зеленков отдал строгий приказ командиру Смоленского полка Борякову не входить с башкирскими представителями в переговоры о перемирии. Тем более комбриг запрещал допуск вооруженных башкирских частей на позиции полка. Переход мог быть осуществлен, по мнению Зеленкова, только при условии полного разоружения башкир. В приказе комбрига подчеркивалось, что башкирские войска находятся на грани гибели и единственным их спасением является принятие стороны Красной армии. Командир полка получил строгое предупреждение о соблюдении осторожности и в случае опасности «всех контрреволюционеров встречать пулю»¹⁹⁵.

Более того, уже зная о диалоге между Башкирским правительством и большевистским руководством, комдив Пензенской Воробьев бросил в наступление части 1-й бригады. Значительно превосходящие численностью башкирские полки, избегая столкновения с красными, отошли на 60-70 км на восток в направлении села Темясово. С переходом первых полков на сторону Красной армии начинается последняя, самая трагическая страница в истории Башкирского войска.

Все перешедшие башкирские части были разоружены, а имевшиеся запасы снаряжения, боеприпасов, продовольствия и денег конфискованы. Главным инициатором начавшейся травли башкир являлся комбриг Зеленков, при молчаливом согласии комдива Воробьева и командарма Гая. Дело доходило до того, что в идущих мимо русских деревень башкирских солдат местные крестьяне, пользуясь поддержкой красноармейцев, бросали лошадиный кал и отбирали личное имущество¹⁹⁶. Телефонные разговоры А.-З. Валидова с М. Султангалеевым (видный татарский большевик) и И. Сталиным по поводу расформирования Башкирского корпуса не принесли никакого результата. Султангалеев в целом не возражал против отдельных башкирских войск, но взамен своего ходатайства за башкир перед высшим советским руководством требовал от Валидова поддержки в вопросе сохранения Центральной мусульманской коллегии при Наркомнаце. Эта комбинация требовала времени, которого у Валидова не было. Сталин же отказался решать данный вопрос по телефону и предложил приехать в Москву для более детального обсуждения всех проблем, в том числе военных¹⁹⁷.

Тем временем, командование Пензенской дивизии и 1-й бригады, не обращая внимания на уже имеющиеся договоренности башкирского руководства с советскими властями, продолжало допущение откровенного беспредела. К избиениям и ограблениям башкир прибавились бесосновательные расстрелы¹⁹⁸. Зеленков во всеуслышание заявил о недопустимости участия башкир в борьбе против Дутова и Колчака. Комбриг уверял, что башкирские солдаты малоспособны в войне и сдались красным в результате наступления лишь одного Смоленского полка. Чуть позже Зеленков, не стесняясь присутствия члена Ревтрибунала 1-й армии Спивака и члена следственной комиссии Окши, пожалел, что не расстрелял Валидова в конце февраля 1919 года¹⁹⁹.

Весьма враждебно к башкирам был настроен командир Смоленского полка Боряков, который в ответ на жалобы командиров башкирских частей цинично высказался, что не следует преувеличивать негативные издержки, т.к. это ведет к ухудшению дружеских отношений между солдатами. Жалобщикам Боряков посоветовал «не делать из мухи слона», а «взять во внимание уставчик полевой службы»²⁰⁰.

Командарм Гай, не пресекая уничтожения башкирских военнослужащих, распорядился о распределении 18–21-летних солдат среди подразделений дивизии, а остальных приказал отправить по домам. Правда, позже, видимо, под нажимом центра, Гай согласился на формирование в Стерлитамаке 1-го Башкирского советского полка.²⁰¹

Некоторая часть башкирских воинов, разочарованная новыми союзниками, перешла обратно к белым (Валидов в это время был уже в Москве). Среди них были 2-й батальон 1-го стрелкового полка и 3-й эскадрон 2-го кавалерийского полка – всего около 400 человек.²⁰² Из них, а также перешедшего обратно в антибольшевистский лагерь 23 марта 1-го кавалерийского полка, белое командование планировало восстановить 9-ю Башкирскую стрелковую дивизию. Но в конечном итоге эта идея провалилась.

Оставшихся на стороне красных башкир частично распустили по домам, частично перекинули сначала в Тоцк, а затем в Саранск для реорганизации и формирования из них новых полков.²⁰³

Так, Башкирский корпус, численность которого А.-З. Валидов хотел весной довести до 16–17 тысяч бойцов за счет привлечения орских и верхнеуральских башкир, за две недели был превращен в бесформенную толпу. Лишь к июню 1919 года с большим трудом удалось организовать в Красной армии четыре неполных башкирских полка.²⁰⁴

* * *

Весьма интересен характер освещения перехода Башкирского корпуса на сторону Советской республики в литературе разных лет.

Как уже было сказано, переход вызвал большой резонанс в белом лагере Урало-Сибирского региона, что нашло отражение в эмигрантской литературе, где Валидова и его соратников отнесли к категории предателей и военных преступников, обманом увлекших «темных» солдат в ряды противника.²⁰⁵ В общем, подобная риторика военных адекватна их пониманию военно-политической ситуации того периода.

Большинство советских историков, для которых Валидов был тоже негативной персоной, но уже с «контрреволюционным»

окрасом, рассматривали переход Башкирского корпуса как вынужденную меру «буржуазных националистов». Оставаясь враждебными к Советской республике, они якобы пошли на поводу у солдатских масс, не желавших более воевать с большевиками. Иначе, считают советские авторы, башкирские солдаты перешли бы на сторону Красной армии самостоятельно, т.е. без своих политических лидеров.²⁰⁶

Другими словами, была высказана совершенно противоположная точка зрения, где Башкирское правительство представляется враждебным к советской власти, а башкирские солдаты – лояльными к большевикам. Данная позиция также вполне объяснима: отечественные исследователи находились под сильным влиянием политической конъюнктуры тех лет, и иные, выходящие за рамки утвержденной исторической концепции суждения подавлялись государственной машиной.

В современной исторической литературе сложилось два подхода в оценке перехода башкирских частей на сторону Советов. Одна часть исследователей объясняет этот акт невозможностью дальнейшего сотрудничества Башкирского правительства с белым лагерем в условиях проводимой им реакционной национально-государственной политики.²⁰⁷ Другие историки вернулись к точке зрения авторов белоэмигрантской литературы, назвав акцию 18 февраля 1919 года изменой идее антибольшевистской борьбы и предательством по отношению к другим частям Белой армии.²⁰⁸ При этом сторонники данного подхода делают чисто военное резюме, практически не анализируя предысторию перехода и не рассматривая мотивацию действий Башкирского правительства.

* * *

Итак, на период осени и зимы 1918–1919 гг. пришелся пик военной активности Башкирского войска. Особое значение имели бои на линии Стерлитамакского фронта, где башкирам пришлось столкнуться с ударными частями 1-й армии РККА. Испытывая огромный недостаток в оружии и боеприпасах, башкирские солдаты на протяжении двух месяцев достойно сражались с противником, не позволив Красной армии прорвать оборону на своем участке.

Заслужив громкую славу на различных фронтах, башкирские вооруженные силы встретили неожиданного врага в среде белого командования, которое приступило к упразднению Башкирского войска. Попытки А.-З. Валидова в союзе с российской демократией бороться с режимом Колчака провалились. Башкирское правительство, удерживающееся на политической арене лишь благодаря штыкам своих солдат, вступает в переговоры с советскими властями. Большевики, видя в башкирском движении и национальных войсках большую политическую выгоду, с готовностью соглашались на сотрудничество. В условиях войны реальная власть на местах сосредоточилась в руках полевых командиров, плохо разбиравшихся в политических вопросах. В итоге башкирские части не получили не только обещанной помощи, но и были полностью расформированы. По некоей иронии судьбы то, что не успели сделать Колчак, Дутов и Ханжин, с успехом завершили Зеленков, Воробьев и Гай.

Это была пусть и очень горькая, но цена за Башкирскую Автономную Советскую Республику, официально оформленную 20 марта 1919 года в Соглашении между Советом народных комиссаров РСФСР и Башкирским военно-революционным комитетом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВА. Ф. 40205. Оп.1. Д.1. Л. 52.

² Там же.

³ Там же. Л.79.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 7. Л. 92.

⁵ Там же. Л. 84.

⁶ ЦГИА РБ. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

⁷ Аминев З.А. Указ. соч. С. 363.

⁸ Каппель и каппелевцы. Сост. изд. С.С. Балмасов и др. М., 2003, С.386-387.

⁹ РГВА. Ф.39500.Оп.1. Д.1. Л.105.

¹⁰ Там же. Л.127.

¹¹ Там же. Ф.39551. Оп.1. Д.41. Л.31.

¹² Там же. Ф.39554. Оп. 1. Д.12. Л.34-35.

¹³ Там же. Ф.39617. Оп.1. Д.164. Л.38-38об.; Дерябин А.И. Белые армии. М., 2003. С. 21.

¹⁴ Белое движение на востоке России. М., 2001, С. 137.

¹⁵ РГВА. Ф.39500. Оп.1. Д.1. Л.195.

¹⁶ Там же. Ф. 39551. Оп. 1. Д. 1. Л. 44 об., 45, 49.

¹⁷ А.З. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков федерализма в России (1917-1920). Сборник документов и материалов. Ч.1. Уфа, 2005. С. 313, С. 314.

¹⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 1832 Оп.4 Д. 394. Л.100.

¹⁹ Еленевский А.П. Лето на Волге (1918 год) // Режим доступа: <http://www.dk1868.ru/history/ELENEV1.htm>

²⁰ Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004, С.44,45.

²¹ РГВА. Ф.39554. Оп. 1. Д.12. Л.214.

²² Там же. Л.194.

²³ РГВА. Ф.39554. Оп. 1. Д.12. Л.220

²⁴ Там же. Ф. 39551. Оп.1. Д. 1. Л. 62.

²⁵ Тоган Указ. соч. С.268.

²⁶ Там же. Ф.39500. Оп.1. Д.1. Л.

²⁷ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 80.

²⁸ РГВА. Ф.39551. Оп.1. Д.41. Л. 146

²⁹ По данным Башкирского правительства (телеграмма к Директории от 23 октября 1918 г. с протестом против расформирования Башкирского корпуса), в 1-м Башкирском пехотном полку боевые потери составили свыше 90%. Однако эти данные не подтверждаются в других документах, поэтому мы склонны полагать, что это явное преувеличение реальных потерь (см. А.З. Валидов – организатор автономии Башкортостана. У истоков

- федерализма в России (1917-1920). Сборник документов и материалов. Ч.1. Уфа, 2005. С. 333).
- ³⁰ РГВА. Ф. 40204. Оп. 1. Д. 5. Л. 59.
- ³¹ Там же. Л. 87 об.
- ³² Там же. Л. 125, 144, 146.
- ³³ Там же. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ³⁴ РГВА. Ф. 40204. Оп. 1. Д. 2. Л. 19, 31, 32.
- ³⁵ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2282. Л. 1.
- ³⁶ Есть мнение, что это была настоящая наступательная операция на Оренбург (см. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. С. 243)
- ³⁷ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С. 467.
- ³⁸ Лесевитский Н. Указ. соч. С. 74,76.
- ³⁹ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2282. Л. 149.
- ⁴⁰ Там же. Л. 125, 134, 135, 136, 142.
- ⁴¹ Там же. Д. 2283. Л. 25.
- ⁴² РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 17. Л. 68, 72.
- ⁴³ С 25 октября все пехотные части, подчиняющиеся Директории, получают наименование «стрелковые».
- ⁴⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 81.
- ⁴⁵ Там же. Л. 84.
- ⁴⁶ Там же. Л. 81, 85.
- ⁴⁷ Тоган З.В. Указ. соч. с. 273.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 17. Л. 85.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2282. Л. 3.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 43.
- ⁵¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 27.
- ⁵² РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2283. Л. 14, 17.
- ⁵³ Там же. Л. 17.
- ⁵⁴ История казачества Урала. Под ред. В.Ф. Мамонова. Оренбург-Челябинск, 1992. С. 209; Машин М.Д. Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны. Саратов, 1984. С. 38. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. С. 534.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 17. Л. 120; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 117. Л. 13.
- ⁵⁶ Известия ВЦИК. 1918. 25 ноября; Известия Пермского Губисполкома. 1918. 29 ноября.
- ⁵⁷ История гражданской войны в СССР. Т. 3. М., 1953. С. 596, 597.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 606.
- ⁶⁰ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 576. Л. 40.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² РГВА. Ф. 1148. Оп. Д.1 Л.23.

- ⁶³ Там же. Ф.1284. Оп. 1. Д. 89. Л.11.
- ⁶⁴ С 25 декабря 1918 года Юго-Западная армия была разделена на Оренбургскую и Уральскую армии.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 17. Л. 134.
- ⁶⁶ Там же. Л.118.
- ⁶⁷ Там же. Л. 119.
- ⁶⁸ Там же Д. 15. Л. 30.
- ⁶⁹ Там же. Ф.1284. Оп.1 Д. 89. Л.12.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 17. Л. 122.
- ⁷¹ Там же. Л. 131, 132, 133, 136.
- ⁷² Советский историк З.А. Аминев в своей монографии ошибочно датирует день взятия Красной армией Стерлитамака – 29 декабря 1918 г. В документах четко фиксируется, что до середины дня 31 декабря город находился под контролем 1-го Башкирского кавалерийского полка.
- ⁷³ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 162.
- ⁷⁴ Там же. Л. 156.
- ⁷⁵ Г. Богданов относился к числу наиболее прославленных казачьих командиров и открыто выражал недовольство политикой атамана Дутова, считая ее реакционной. Осенью 1919 года он вместе со своей конной бригадой перешел на сторону красных и воевал против Добровольческой армии генерала Врангеля на юге России (См. Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов и дело есаула Ф.А. Богданова //История белой Сибири. Материалы 6-й международной научной конференции 7-8 февраля 2005 года. Кемерово, 2005. С. 119-123).
- ⁷⁶ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 24. Л. 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 13.
- ⁷⁷ Там же. Л. 2, 17, 28; Д. 3. Л. 111.
- ⁷⁸ Там же. Д.3. Л. 109.
- ⁷⁹ Там же. Л. 105.
- ⁸⁰ Там же. Л.127.
- ⁸¹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 117.
- ⁸² Там же. Л. 121.
- ⁸³ Там же. Л. 124.
- ⁸⁴ РГВА. Ф. 1284. Оп.1. Д. 148. Л. 3.
- ⁸⁵ Цит. по кн. Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака ..., С. 53, 54.
- ⁸⁶ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 15. Л. 48.
- ⁸⁷ Там же. Л. 131.
- ⁸⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 3. Л. 79, 80.
- ⁸⁹ Там же. Д. 7. Л. 152.
- ⁹⁰ Там же. Д. 3. Л. 156.
- ⁹¹ РГВА. Ф. 1148. Оп.1. Д. 1. Л.60.
- ⁹² Там же. Ф.1284. Оп. 1. Д. 148. Л.6.
- ⁹³ Гай в своих мемуарах показал гораздо более правдоподобную картину Нукаевского сражения, указав, что красноармейцев атаковали башкиры 1-го кавполка и 3-го пехполка (на самом деле, 4-го пехполка), т.е. примерно 1000

человек. Хотя и эта цифра нам представляется слишком большой. Башкирское командование не могло позволить полностью обнажить свой левый фланг для нанесения одиночного удара по красным, т.к. это открывало коридор для прорыва противника в самый центр Башкирского корпуса. Скорее всего, в бою участвовали один батальон и один эскадрон названных башкирских частей, т.е. не более 600 человек. К тому же Восточный кавполк красных насчитывал всего 300-350 сабель, и выделенных для его разгрома сил было вполне достаточно.

⁹⁴ РГВА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 146. Л. 72.

⁹⁵ Там же. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 24. Л. 64; Гай Г.Д. Первый удар по Колчаку (военно-исторический очерк). М., 1926. С. 77.

⁹⁶ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 24. Л. 64.

⁹⁷ В январе 1919 г. башкирские силы составляли примерно 31% стрелковых и 9% кавалерийских частей армии А. Дутова. В целом, части Башкирского войска составляли, по разным данным, от 17% до 30% Оренбургской армии. В первой половине февраля того же года, в связи с уменьшением численности казачьих частей, удельный вес башкирских войск в армии А. Дутова возрос от 21% до 40%.

⁹⁸ Гай Г.Д. Указ. соч. С. 26.

⁹⁹ Боевой путь Первой Революционной Армии Восточного и Туркестанского фронтов. Июнь 1918 – февраль 1921 гг. Сборник документов и материалов. Ашхабад, 1972. С. 94.

¹⁰⁰ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С.501.

¹⁰¹ Там же. С.502.

¹⁰² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 149.

¹⁰³ Там же. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 67.

¹⁰⁴ 2-й Башкирский стрелковой полк временно находился на позициях 2-й дивизии, тогда как официально относился к 1-й дивизии.

¹⁰⁵ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 24. Л. 29.

¹⁰⁶ Там же. Д. 12. л. 108; д. 28. Л. 29.

¹⁰⁷ Там же. Л. 105, 106.

¹⁰⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 155; РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 12. Л. 73.

¹⁰⁹ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 130.

¹¹⁰ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1270. Л. 155, 157, 158, 159.

¹¹¹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С.524–529.

¹¹² ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 575. Л. 40.

¹¹³ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С.474.

¹¹⁴ ЦГИА РБ. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

¹¹⁵ Переверзев А.А. Указ. соч. С. 245–246.

¹¹⁶ Там же. С. 257.

¹¹⁷ Болдырев В.П. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925. С. 89.

¹¹⁸ РГВА. Ф. 40205. Оп. 1. Д. 2. Л. 82.

¹¹⁹ 18 февраля 1919 года..., С. 19.

¹²⁰ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 296. Л. 1.

¹²¹ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 23. Л. 1, 2; Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С.488.

¹²² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 296. Л. 1.

¹²³ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С.481–484.

¹²⁴ Аминев З.А. Указ. соч. С. 366.

¹²⁵ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2282. Л. 1, 2.

¹²⁶ Там же. Л. 2.

¹²⁷ Там же. Л. 2, 3, 5, 6.

¹²⁸ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 3, 4.

¹²⁹ Там же. Л. 73, 74; ЦГИА РБ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 8. Л. 50.

¹³⁰ Муртазин М.Л. Указ. соч. С. 67.

¹³¹ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 254. Л. 123, 124.

¹³² РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 20. Л. 262; д. 3. Л. 38.

¹³³ Во 2-й половине декабря 1918 года 10-я Башкирская стрелковая дивизия переименовывается в «9-ю Башкирскую стрелковую дивизию».

¹³⁴ РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 2282. Л. 14.

¹³⁵ Шишкин В.И. 1918: от Директории к военной диктатуре // Вопросы истории. 2008. №10. С.58.

¹³⁶ Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность (биография, документы, материалы, комментарии, приложения с иллюстрациями) // Белая Армия. Белое дело. Научно-попул. альманах. Екатеринбург, 1996. № 2. С. 100–102.

¹³⁷ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 30.

¹³⁸ Тоган З.В. Указ. соч. С. 274; ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 138. Л. 2.

¹³⁹ Тоган З.В. Указ. соч. С. 274.

¹⁴⁰ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 138. Л. 2.

¹⁴¹ Там же. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 77; Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 137; Оп. 3. Д. 138. Л. 2.

¹⁴² Там же. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 137.

¹⁴³ Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2004. С.289.

¹⁴⁴ Буревова К. Распад. 1918–1922. М., 1923. С. 56–61.

¹⁴⁵ Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 104.

¹⁴⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 136, 137.

¹⁴⁷ Там же. Л. 137, 138.

¹⁴⁸ Там же. Д. 254. Л. 124.

¹⁴⁹ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 3. Л. 112.

¹⁵⁰ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 12; Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 12.

- ¹⁵¹ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 12. Л. 33 об, 125; ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 8. Л. 7, 157.
- ¹⁵² РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 24. Л. 117.
- ¹⁵³ Цит. по кн. Аминев З.А. Указ. соч. С. 395.
- ¹⁵⁴ В мае 1919 года Оренбургская армия, в связи с разложением казачьих частей была расформирована. Вместо нее на левом фланге Колчака была образована Южная армия.
- ¹⁵⁵ Кенез П. Красная атака, белое сопротивление (1917-1918). М., 2007. С. 254.
- ¹⁵⁶ Аманжолова Д. Национальный вопрос в годы гражданской войны в России // Режим доступа: <http://his.1september.ru/2003/19/1.htm#76>
- ¹⁵⁷ Миронов С.С. Гражданская война в России. М., 2006. С.308-309.
- ¹⁵⁸ Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918-1945 гг. М., 2007. С.58.
- ¹⁵⁹ Зимица В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917-1920 гг. М., 2006. С.90.
- ¹⁶⁰ Есть сведения, что первые попытки связаться с центральными советскими властями были предприняты Башкирским правительством еще в октябре 1918 года (см. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С. 76, 77.).
- ¹⁶¹ Кульшарипов М.М. Указ. соч. С. 50, 51.
- ¹⁶² Образование БАССР. С. 193.
- ¹⁶³ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С.494, 495.
- ¹⁶⁴ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 252.
- ¹⁶⁵ Образование БАССР. С. 196, 197.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 198, 199.
- ¹⁶⁷ Образование БАССР. С. 201.
- ¹⁶⁸ Тоган З.В. Указ. соч. С. 285.
- ¹⁶⁹ 18 февраля 1919 года. С. 56, 57, 58.
- ¹⁷⁰ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 109.
- ¹⁷¹ Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. С. 52.
- ¹⁷² Цит. по кн. Аминев З.А. Указ. соч. С. 394.
- ¹⁷³ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С.504-507.
- ¹⁷⁴ Там же. С.516-518.
- ¹⁷⁵ Аминев З. А. Указ. соч. С. 396.
- ¹⁷⁶ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.1. С.643.
- ¹⁷⁷ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 121. Л. 2.
- ¹⁷⁸ Там же. Оп. 4. Д. 394. Л. 171.
- ¹⁷⁹ Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы. Т.2 ч.2. С. 8.
- ¹⁸⁰ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 120.

- ¹⁸¹ Аминев З.А. Указ. соч. С. 401.
- ¹⁸² РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 1. Л. 16, 17; «18 февраля 1919 г.», С. 39, 40, 41.
- ¹⁸³ Муртазин М.Л. Указ. соч. С. 71.
- ¹⁸⁴ Аминев З.А. Указ. соч. С. 397.
- ¹⁸⁵ Кульшарипов М.М. Указ. соч. С. 57; Касимов С.Ф. Указ. соч. С. 124.
- ¹⁸⁶ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л. 155.
- ¹⁸⁷ Там же. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 98. Л. 1-18.
- ¹⁸⁸ Там же. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 4. Л.24, 24 об., 26.
- ¹⁸⁹ А.-З. Валидов в своих «Воспоминаниях» ошибается, говоря, что первыми фронт пересекли 1-й и 2-й кавалерийские полки (см. Тоган З.В. Указ. соч. С. 286).
- ¹⁹⁰ РГВА. Ф. 40786. Оп. 1. Д. 1. Л. 22, 27.
- ¹⁹¹ Там же. Л. 27; ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 31. Л. 114.
- ¹⁹² ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 2. Д. 121. Л. 4.
- ¹⁹³ Образование БАССР. С. 220.
- ¹⁹⁴ Там же.
- ¹⁹⁵ ЦГАОО РБ. Ф.1832. Оп. 2. Д. 98. Л. 37.
- ¹⁹⁶ Там же. Л.23, 24.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 6, 7.
- ¹⁹⁹ Там же. Л. 23.
- ²⁰⁰ Там же. Д.106. Л. 5.
- ²⁰¹ Там же. Ф. 9776. Оп. 2. Д. 5. Л. 81.
- ²⁰² Там же. Ф.1832. Оп. 2. Д. 122. Л. 1, 2; Кульшарипов М.М. Указ. соч. С. 60,61.
- ²⁰³ ЦГАОО РБ. Ф. 9776. Ф. Оп.2. Д. 575. Л. 15; Тоган З. В. Указ. соч. С. 296.
- ²⁰⁴ ЦГИА РБ. Ф.78. Оп. 1. Д. 17. Л. 2, 4, 5, 7, 8.
- ²⁰⁵ См. Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917-1920 гг. // Гражданская война в России. Борьба за Поволжье. Сост. А.Смирнов. М., 2005. С.150, 151, 156.
- ²⁰⁶ См. Аминев З.А. Указ. соч. С. 396.
- ²⁰⁷ См. Миронов С.С. Гражданская война в России. М., 2006. С.293, 294; Кульшарипов М.М. Указ. соч. С. 191-201.
- ²⁰⁸ См. Шамбаров В.Е. Белогвардейщина. М., 2007. С.206, 334; Ганин А.В. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004. С.60, 61.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание вооруженных сил Башкирской республики было обусловлено несколькими факторами. Башкиры сравнительно легко восприняли необходимость вступления в национальную армию, т.к. это отождествлялось ими с возрождением некогда упраздненного Башкирского войска и, соответственно, восстановлением прежнего более высокого социального статуса. Не в малой степени этому способствовала послереволюционная социально-экономическая ситуация в регионе, когда башкирское население оказалось в тяжелом положении. Поэтому идеи создания автономного Башкортостана и национальных вооруженных сил, гарантировавших нормальную жизнедеятельность и ее защиту от негативного внешнего воздействия, встретили дружное одобрение со стороны башкир. Появление национальных формирований было также ускорено провалом попыток Всероссийского мусульманского военного совета («Харби Шуро») создать общемусульманскую армию в конце 1917 - начале 1918 гг. III Всебашкирский курултай официально закрепил основные положения военной программы, заключавшиеся в образовании войсковых органов, армейских частей и военной милиции.

Открытые вооруженные выступления башкир против большевиков начинаются с марта 1918 года. Это было вызвано негативным отношением большевиков к политическому самоопределению народов страны, в том числе башкир, что привело к серьезному конфликту. В итоге Башкирское правительство было арестовано, а формируемый его представителями в Баймаке полк – разгромлен.

С восстанием чехословацкого корпуса и оживлением общего антибольшевистского движения появились реальные условия для реализации решения III учредительного курултая башкир о создании национальной армии. С этой целью А.-З. Валидов заключили договор с Сибирским правительством и несколько позже – с Комучем об образовании Башкирского войска.

За четыре месяца (июнь-сентябрь) почти непрерывных боев башкирские вооруженные силы достигли 10-тысячного состава. Для управления, снабжения и пополнения национальных частей была выстроена уникальная военная система, включавшая органы центрального управления (Башкирский военный совет, а с октября – Башкирское войсковое управление), управления кантональных воинских начальников и, собственно, вооруженные силы. Управленческое и административное звенья башкирских военных структур были интернациональными по составу – в них служили башкиры, татары, русские, поляки и представители других народов.

Башкирское войско располагало, помимо обычных армейских частей, специфическими подразделениями – добровольческими отрядами, сыгравшими большую роль в борьбе с красными силами на различных боевых рубежах. Приспособленные к маневренной партизанской и полупартизанской войне добровольцы показали высокие боевые качества, особенно в условиях горной местности.

Башкирские формирования побывали на многих рубежах Гражданской войны. Наиболее значимыми были бои на Екатеринбургском, Верхнеуральском, Поволжском, Бузулукском, Орском, Актюбинском и Стерлитамакском фронтах. Особенно масштабным был последний фронт, где башкирские силы сорвали план красного командования по разгрому левого фланга армии Колчака.

С середины октября 1918 года в белом лагере начинают доминировать правые группировки, которые исключали какие-либо территориальные автономии и, тем более, национальные армии. Белое командование, получив свободу действий, приступило к упразднению Башкирского войска. Валидов и его соратники пытались некоторое время сопротивляться этим мерам, надеясь на победу демократических сил в противостоянии военному режиму Колчака. Однако после неудачного декабрьского выступления в Оренбурге А.-З. Валидов отказывается от бесперспективной борьбы и приступает к активному поиску контактов с большевиками для заключения союза.

Башкирское правительство, располагая значительными вооруженными силами, получило возможность для осуществления

различных политических маневров, не опасаясь подвергнуться репрессиям со стороны белых властей. Последние были вынуждены мириться с фактической самостоятельностью Башкирского правительства, требуя лишь участия в боях подконтрольных ему частей. Поэтому утвержденная в декабре 1917 года автономия Башкортостана с лета 1918 года продолжала существовать во многом благодаря ее военной составляющей – Башкирскому войску. Вследствие этого А.-З. Валидову и его соратникам удалось перенести автономию из рамок антибольшевистского лагеря на советскую платформу. Большевистское руководство, крайне заинтересованное в башкирских войсках и лояльности мусульманского населения бывшей Российской Империи, одобрило заключение союза на условиях Башкирского правительства.

Провозглашение республики и образование национальной армии продемонстрировали высокий уровень консолидации башкирского народа в условиях социально-экономического и политического кризиса. Башкирское войско стало не только важнейшим государственным объединением, сплотившим башкир, но и фактически проложило дорогу национально-государственному развитию республики в 1918-1919 гг.

Приложения

№	Должность	Кол-во	Местный округ
1	Средний пехота		
2	Младший пехота		
3	Старший пехота		
4	Младший пехота		
5	Старший пехота		
6	Младший пехота		
7	Младший пехота		
8	Младший пехота		
9	Младший пехота		
10	Младший пехота		
11	Младший пехота		
12	Младший пехота		
13	Младший пехота		
14	Младший пехота		
15	Младший пехота		
16	Младший пехота		
17	Младший пехота		
18	Младший пехота		
19	Младший пехота		
20	Младший пехота		
21	Младший пехота		
22	Младший пехота		
23	Младший пехота		
24	Младший пехота		
25	Младший пехота		
26	Младший пехота		
27	Младший пехота		
28	Младший пехота		
29	Младший пехота		
30	Младший пехота		
31	Младший пехота		
32	Младший пехота		
33	Младший пехота		
34	Младший пехота		
35	Младший пехота		
36	Младший пехота		
37	Младший пехота		
38	Младший пехота		
39	Младший пехота		
40	Младший пехота		
41	Младший пехота		
42	Младший пехота		
43	Младший пехота		
44	Младший пехота		
45	Младший пехота		
46	Младший пехота		
47	Младший пехота		
48	Младший пехота		
49	Младший пехота		
50	Младший пехота		
51	Младший пехота		
52	Младший пехота		
53	Младший пехота		
54	Младший пехота		
55	Младший пехота		
56	Младший пехота		
57	Младший пехота		
58	Младший пехота		
59	Младший пехота		
60	Младший пехота		
61	Младший пехота		
62	Младший пехота		
63	Младший пехота		
64	Младший пехота		
65	Младший пехота		
66	Младший пехота		
67	Младший пехота		
68	Младший пехота		
69	Младший пехота		
70	Младший пехота		
71	Младший пехота		
72	Младший пехота		
73	Младший пехота		
74	Младший пехота		
75	Младший пехота		
76	Младший пехота		
77	Младший пехота		
78	Младший пехота		
79	Младший пехота		
80	Младший пехота		
81	Младший пехота		
82	Младший пехота		
83	Младший пехота		
84	Младший пехота		
85	Младший пехота		
86	Младший пехота		
87	Младший пехота		
88	Младший пехота		
89	Младший пехота		
90	Младший пехота		
91	Младший пехота		
92	Младший пехота		
93	Младший пехота		
94	Младший пехота		
95	Младший пехота		
96	Младший пехота		
97	Младший пехота		
98	Младший пехота		
99	Младший пехота		
100	Младший пехота		

Приложение № 1

Штат штаба Башкирского войска (Башкирский военный совет)

Должность	Кол-во человек	Месячный оклад (в руб.)
I. Строевой отдел		
1. Командир башкирских частей	1	1000
2. Начальник штаба	1	800
3. Старший адъютант	1	600
4. Младший адъютант	2	500
5. Старший писарь	2	350
6. Младший писарь	4	300
7. Машинист	1	350
8. Делопроизводитель	1	400
II. Хозяйственный отдел		
1. Заведующий отделом	1	600
2. Делопроизводитель	1	400
3. Казначей	1	400
4. Комендант здания	1	400
5. Старший писарь	2	350
6. Младший писарь	3	300
7. Переводчик	1	400
III. Интендантский отдел		
1. Интендант	1	600
2. Чиновник для поручений	2	400
3. Делопроизводитель	1	400
4. Старший писарь	2	350
5. Младший писарь	2	300
6. Машинист	1	350
IV. Мобилизационный отдел		
1. Заведующий отделом	1	600
2. Помощник зав. отделом	1	500
3. Делопроизводитель	1	350

4. Старший писарь	2	350
5. Младший писарь	2	300
6. Машинист	1	350
V. Судный отдел		
1. Председатель	1	600
2. Секретарь	1	400
3. Члены	3	350
4. Старший писарь	2	300
5. Младший писарь	2	350
6. Машинист	1	350
VI. Артиллерийский отдел		
1. Начальник отдела	1	600
2. Обер-офицер для поручений	1	500
3. Делопроизводитель	1	400
4. Старший писарь	1	350
5. Младший писарь	2	300
6. Заведующий складом	1	400
7. Помощник зав. складом	1	400
8. Машинист	1	300
VII. Инженерный отдел		
1. Начальник	1	600
2. Обер-офицер для поручений	1	500
3. Делопроизводитель	1	400
4. Заведующим складом	1	400
5. Помощник заведующего складом	1	350
6. Старший писарь	1	350
7. Младший писарь	3	300
Сост. по: РГВА Ф.40786. Оп.1. Д.4.Л.114		

Приложение № 2

Временный штат Управления
Отдельного Башкирского корпуса

Наименование управлений и членов	Число лиц	Оклад в месяц (в руб.)
1. Командир корпуса генерал-лейтенант	1	850
Адъютант командира корпуса, штаб- или обер-офицер	2	штаб-офицер – 420 обер-офицер – 340
2. Штаб корпуса Начальник штаба корпуса, генерал-майор	1	750
Состав штаба:		
<i>а) Управление обер-квартирмейстера:</i>		
– обер-квартирмейстер, полковник Ген. штаба	1	600
– старший адъютант, штаб-офицер Ген. штаба	2	470
– помощник обер-квартирмейстера, обер-офицер Ген. штаба	2	420
для поручений:		
– штаб-офицер Ген. штаба	1	470
– обер-офицер Ген. штаба	2	420
– обер-офицер- корпуса, военный топограф	1	370
солдаты:		
– чертежник высшего оклада	1	250
– писари высшего оклада	2	225
– писари среднего оклада	2	105
– писари нижнего оклада	1	75
<i>б) Управление дежурного штаб-офицера корпуса:</i>		
– дежурный штаб-офицер, полковник	1	600
– старший адъютант, штаб-офицер	2	470
– делопроизводитель	2	340
– казначей	1	340
– журналист	1	280
Солдаты:		
– писари высшего оклада	3	225

– писари среднего оклада	3	105
– писари низшего оклада	3	75
– литограф	5	150
К составу управления прикреплено <i>Управление коменданта</i>		
– корпусной комендант, штаб-офицер	1	470
– комендантский адъютант, обер-офицер	1	340
– командир нестроевой роты (он же командир обоза), обер-офицер	1	340
При управлении коменданта находятся три солдата		
3. Начальник снабжения корпуса, генерал-майор	1	680
<i>а) Канцелярия корпуса по хозяйственной части:</i>		
– начальник канцелярии	1	470
– делопроизводитель	2	340
– бухгалтер	1	370
При канцелярии находится один солдат и три писаря		
<i>б) Управление начальника военных сообщений корпуса:</i>		
– начальник военных сообщений, полковник	1	608
– старший адъютант, штаб-офицер	3	470
– помощник старшего адъютанта, обер-офицер	3	420
– делопроизводитель	1	340
При управлении находятся один солдат и три писаря		
<i>в) Управление инспектора артиллерии корпуса:</i>		
– инспектор артиллерии, генерал-майор	1	680
– старший адъютант, штаб-офицер	2	470
– артиллерийские чиновники	2	280
При управлении находятся один солдат и два писаря		
<i>г) Управление корпусного инженера:</i>		
– корпусный инженер, генерал-майор или полковник	1	680
– помощник корп. инженера, штаб-офицер	1	470
– обер-офицер	1	370
<i>д) Управление корпусного интенданта:</i>		

– корпусный интендант, полковник	1	680
– штаб-офицер для поручений	1	470
– обер-офицер для поручений	1	370
– бухгалтер	1	370
– делопроизводитель	2	340
– помощник делопроизводителя	2	280
При управлении находятся один солдат и два писаря		
е) Управление корпусного врача:		
– корпусный врач	1	600
– делопроизводитель, врач	1	420
– старший медицинский фельдшер	1	250
Ж) Управление корпусного ветеринара:		
– корпусный ветеринар	1	420
– старший ветеринарный фельдшер	1	250
З) Управление корпусного казначая:		
– корпусный казначей	1	600
– помощник корпусного казначая	1	470
– старший бухгалтер	1	470
– бухгалтер	2	370
– помощник бухгалтера	4	280
– кассир	2	370
– чиновник для поручений	2	280
– присяжные счетчики	3	250
При управлении находятся три писаря		
и) Управление корпусного контролера:		
– корпусный контролер	1	600
– старший контролер	1	470
– контролер	2	370
– помощник контролера	3	280
При управлении находятся три солдата		

Сост. по: ЦГИА РБ. Ф. Р-1201. Оп. 1. Д. 1. Л. 10об.-12об.

Приложение № 3

Временный штат Башкирского войскового управления

Наименование должности	Число лиц	Оклад в месяц (в руб)	Фамилия
Управление начальника Башкирского войскового управления			
1. Начальник Башкирского войскового управления (Нуюн)	1	850	Валидов
Помощник Нуюна, штаб-офицер	1	680	временно – полковник Янишевский
3. Личный адъютант Нуюна, обер-офицер	1	370	временно – подпоручик Узбеков
4. Штаб-офицер для поручений	1	470	поручик Туймакаев
5. Секретарь Башкирского военного совета	1	470	прапорщик Карамышев
6. Переводчик, обер-офицер	1	470	Магазов
7. Обер-офицер для поручений	1	370	Вакансия
Административный отдел			
1. Начальник отдела, штаб-офицер	1	600	Вакансия
2. Помощники нач. отдела, обер-офицеры или чиновники:			
а) по части инспекторской	1	470	временно – губернский секретарь Сулов
б) по части военно-учебной	1	470	подполковник Борисенко
3. Делопроизводитель	1	225	временно – чиновник военного времени Дмитриев
4. Писари старшие	2	470	Иванов, Павлюк
5. Писари младшие	3	225	Мансуров, Солярский, Зубов
7. Машинист	2	225	Григорьева, Лебедзь

<i>Хозяйственный отдел</i>			
1. Начальник отдела, штаб-офицер	1	600	подполковник Борисенко
2. Помощник нач. отдела, обер-офицер или чиновник (он же казначей)	1	470	чиновник военного времени Жигало
3. Делопроизводитель	1	470	чиновник военного времени Иголко
4. Писари старшие	1	225	Полторжизкий
5. Писари младшие	2	225	Смольский, Смайкевич
5. Машинист	1	225	Байрашевская
<i>Мобилизационный отдел</i>			
1. Начальник отдела, он же начальник местной бригады (штаб-офицер)	1	600	полковник Янишевский
2. Помощник нач. отдела, обер-офицер	1	470	Подпоручик Терегулов
3. Делопроизводитель, чиновник	1	470	временно – Магасумов
4. Писари старшие	2	225	Габитов, Исмагилов
5. Писари младшие	2	255	Хасбиевич, Смайкевич
6. Машинист	1	225	Лебедева
<i>Судный отдел</i>			
1. Начальник отдела, штаб-офицер	1	600	временно – Кричинский
2. Помощник нач. отдела	2	470	Вакансия
3. Делопроизводитель, чиновник	1	470	временно – Покровский
4. Писари старшие	1	225	Дубровский
5. Писари младшие	1	225	Хисматуллин
6. Машинист	1	225	Шубенко
<i>Вспомогательный персонал</i>			
1. Шоферов	1	300	Вакансия
2. Помощник шофера	1	200	Вакансия
3. Рассыльные и уборщики	5	по окладу Народной армии	Хамазов, Булатов, Мрясов, Семенова
Сост. по: ЦГИА РБ. Ф. Р-1201. Оп. 1. Д. 1. Л.9-10.			

Приложение № 4

Краткие биографические сведения о наиболее заслуженных офицерах Башкирского войска

Башкиры

Биишев Ахмет. Последнее воинское звание в Башкирском войске – штабс-ротмистр. 13 января 1918 года входил в группу офицеров, направленных в Бурзян-Тангауровский кантон для формирования первой башкирской части. После разгрома последней вместе с А. Карамышевым и другими офицерами принял активное участие в организации партизанских отрядов. С учреждением добровольческого отдела БВС был назначен его руководителем. 7 октября, в связи с ликвидацией отдела, получает назначение на должность командира Добровольческого кавалерийского полка (переименованного затем во 2-й кавалерийский полк). В конце января 1919 года при неизвестных обстоятельствах покидает полк. После перехода Башкирского корпуса на сторону Советов занимал важнейшие государственные посты, в том числе, члена коллегии Башнаркомвнутдела, председателя СНК БАССР, секретаря Башкирского обкома РКП(б).

Габитов Габдулхак (Абдулхак). Последнее воинское звание в Башкирском войске – штабс-капитан. В начале июня 1918 года вместе с Г. Тагановым и У. Терегуловым образовал Башкирский военный совет. Являлся председателем последнего вплоть до середины июля, а с 24-го числа возглавил 2-й пехотный полк. В конце ноября по состоянию здоровья оставил башкирские части.

Ишбулатов Хаджи-Ахмет. Последнее воинское звание в Башкирском войске – генерал-лейтенант. Единственный офицер такого ранга из служивших в башкирских частях. В 1917 году являлся начальником гарнизона г. Белебей. После начавшихся беспорядков в российской армии, затронувших и солдат гарнизона, покинул эту должность. Некоторое время являлся командиром 1-й Мусульманской бригады (г. Казань), после расформирования которой оставил военную службу. В июле 1918 года был заочно назначен начальником 1-й Башкирской дивизии, а по прибытии 6 сентября в Оренбург получил должность командующего Отдельным

Башкирским корпусом. После реорганизации последнего вновь стал начальником 1-й дивизии. С декабря отказывается от всех армейских должностей и остается в войсках в качестве исполняющего обязанности Нуюна (начальника Башкирского войскового управления). После перехода башкирских частей на сторону Советов окончательно отходит от военных дел.

Карамышев Амир. Последнее звание в Башкирском войске – ротмистр. Пожалуй, самый заслуженный башкирский офицер. Активный участник национального движения и близкий друг А.-З. Валидова. В январе - первой половине февраля 1918 года осуществлял руководство по организации 1-го Башкирского полка в районе Баймака. После разгрома полка красногвардейцами приступил к организации партизанского движения на территории Южного Урала. Участвовал в налете на г. Оренбург и освободил арестованных членов Башкирского правительства. В июне-июле 1918 года проводил активную деятельность по формированию башкирских частей и одновременно вел бои с красногвардейскими дружинами. Официальная должность к этому времени – командир 1-го кавалерийского полка. В 20-х числах июля 1918 года становится командующим Башкирскими силами Верхнеуральского фронта. По официальным данным А. Карамышев погиб 7 августа в боях с красными войсками, хотя на самом деле умер от воспаления легких в г. Миасс. Карамышеву устроили в Оренбурге пышные похороны с участием членов БВС, офицеров 1-го и 4-го пехотных полков, почетного военного эскорта. Личность умершего была возведена в ранг героя, а его именем был назван 1-й кавалерийский полк.

Карамышев Мухтар. Последнее воинское звание в Башкирском войске – ротмистр. Родной брат Амира Карамышева. Вероятно, вместе с ним участвовал в формировании башкирских частей под Баймаком и затем – организации партизанской борьбы. До 10 сентября занимался многосторонней деятельностью по формированию башкирских частей. Затем назначается на место умершего брата командиром 1-го кавалерийского полка. С 29 декабря М. Карамышев исполнял обязанности командующего Стерлитамакским фронтом. 10 января 1919 года был переведен на должность главного интенданта Башкирского войска. После перехода Башкирского корпуса на сторону Красной армии отошел от военных дел и был задействован на различных государственных должностях Башкирской автономной советской республики.

Муртазин Муса. Последнее воинское звание в Башкирском войске – корнет. Представитель левого крыла башкирского движения. В период с

конца 1917 по май 1918 гг. сторонился А.-З. Валидова. После ареста Башкирского Правительства становится членом Временного Революционного Совета Башкортостана – просоветского башкирского правительства. После роспуска последнего Оренбургским военревкомом изменил свои взгляды и присоединился к А.-З. Валидову. Активно участвовал в формировании очагов партизанского движения на территории Тамьян-Катайского кантона. В июне-июле 1918 года, будучи ближайшим помощником А. Карамышева, осуществлял организационную работу в области строительства башкирских частей. 2 августа в звании подпрапорщика занял должность командира 1-го эскадрона 1-го Башкирского кавалерийского полка. В августе отличился в тяжелых боях против отступающих красных войск В. Блюхера. С 10 января 1919 года – командир того же полка. Муртазин – единственный из башкирских командиров, чья часть не была расформирована, т.к. красные испытывали острый недостаток в кавалерии. В конце марта 1919 года по ряду обстоятельств вместе с полком перешел обратно в белый лагерь, сформировав там кавалерийскую бригаду.

Таганов Галимьян. Воинское звание к 18 февраля 1919 года, предположительно, поручик. В период весны 1918 года занимался организацией партизанских отрядов в восточных кантонах Башкортостана. Таганов – один из основателей БВС и заместитель председателя этого учреждения. В 1-й половине июля готовился к исполнению обязанностей командира 5-го пехотного полка, но из-за осложнений с формированием 3-го полка был переведен в Златоуст в качестве помощника командира части – подполковника Терегулова. Позже Таганову вверяют 1-й батальон, а 18 сентября – весь 3-й пехотный полк. По ряду причин его часть была оторвана от основных башкирских сил и оказалась в Западной армии Колчака. Являясь единомышленником Валидова и сторонником создания национальной армии, Таганов неоднократно пытался вывести свой полк на соединение с другими башкирскими войсками. Не признав распоряжения командующего Западной армии генерала Ханжина о расформировании 3-го полка, Таганов некоторое время сохранял в целостности свою часть. Позже вместе с М. Муртазиным оказался в Южной армии генерала Белова, после разгрома которой ушел с белыми частями на восток.

Туймакаев Харис. Последнее воинское звание в Башкирском войске – поручик. Имя этого офицера начинает фигурировать в документах с начала июня 1918 года, в связи с назначением его командиром 1-го полка. Главной заслугой Туймакаева стала великолепная подготовка первой регулярной башкирской части, успешно проявившей себя на Екатеринбург-

ском фронте. В начале сентября Х. Туймакаев по поручению Башкирского правительства отправился в Казахстан для организации местных национальных частей. Дальнейшая судьба неизвестна.

Татары

Бикмеев (имя не выяснено). Последнее воинское звание в Башкирском войске – полковник. В постфевральский период являлся командиром полка уфимского гарнизона. В июле 1918 года был заочно назначен А.-З. Валидовым командиром 3-го пехотного полка, но в итоге эту должность занял другой офицер. В сентябре того же года также заочно назначен начальником 2-й Башкирской дивизии, хотя вскоре его заменяют другим человеком. Гораздо более эффективнее Бикмеев проявил себя на хозяйственной и организаторской работе. В Оренбурге он стал уполномоченным представителем Башкирского правительства при штабе Оренбургского военного округа. Бикмеев занимался вопросами снабжения башкирских частей оружием, боеприпасами и снаряжением в конце 1918 - начале 1919 гг., а также вел переговоры с оренбургскими военными властями от имени Башкирского правительства. После перехода Башкорпуса на сторону Советов остается в лагере белых и во второй половине 1919 года уходит вместе с армией Колчака на восток страны.

Еникеев Касым. Последнее воинское звание в Башкирском войске – подполковник. Основатель и командир 4-го пехотного полка. Еникеев добился от оренбургского командования разрешения на выделение офицеров-мусульман из казачьих частей в свой полк. Поэтому процент мусульман в командном составе 4-го полка был самым высоким среди всех башкирских пехотных частей. Организовал при полке военный оркестр, прервавшийся затем в общий оркестр Башкирского войска. Со второй половины ноября 1918 года был назначен временным начальником 1-й Башкирской дивизии. После неудачной попытки военного переворота в Оренбурге (начало декабря 1918 года), в котором было задействовано башкирское руководство, стал проявлять признаки недовольства политикой А.-З. Валидова. По этой причине в начале февраля 1919 года заменяется на должности командира полка другим офицером. После 18 февраля 1919 года остается на службе в Белой армии.

Терегулов (имя не выяснено). Последнее воинское звание в Башкирском войске – подполковник. Один из основателей и командир 3-го

пехотного полка. Добился у сибирского командирования обеспечения части необходимым военным снаряжением. С 14 августа – временный начальник 1-й Башкирской дивизии. Будучи в Уфе, Терегулов вел переговоры с группой татарских офицеров, враждебно настроенных к Башкирскому правительству. За это был снят с занимаемой должности и чуть было не оказался в тюрьме, но сумел скрыться. Дальнейшая судьба неизвестна.

Терегулов Усман. Последнее воинское звание в Башкирском войске – поручик. Этот офицер внес самый большой вклад в становление Башкирского войска из числа татарских офицеров. С момента создания БВС являлся секретарем этого учреждения. 22 июня был направлен в Тамьян-Катайский кантон для роспуска пробольшевистского Катаевского волостного совета. Выполнив поставленную задачу, Терегулов приступил к исполнению приказа БВС о повсеместном формировании добровольческих отрядов. Одним из первых организовал (совместно с М. Муртазиным и А. Карамышевым) Тамьян-Катайский отряд в составе 300 всадников. В конце июля вместе с отрядом направляется на защиту Верхнеуральска. После смерти А. Карамышева 23-летний прапорщик У. Терегулов становится командующим башкирскими силами Верхнеуральского фронта. С уходом красных войск с территории Южного Урала остается в должности начальника Тамьян-Катайского отряда до конца января 1919 года. Затем назначен командиром 6-го пехотного полка. После перехода Башкирского корпуса на сторону Советов в ходе самосуда, устроенного красноармейцами, чуть было не оказался расстрелянным. Единственный из командиров полков Башкирского войска, который согласился занять командный пост в Красной армии. С июня 1919 года в качестве командира 1-го Башкирского кавалерийского полка участвовал в боях против Добровольческой армии генерала Деникина.

Терегулов Халил. Последнее воинское звание в Башкирском войске – подпоручик. По-видимому, близкий родственник Усмана Терегулова. С момента образования БВС активно включился в его работу. Возглавил важнейшее звено БВС – мобилизационный отдел. В период становления пехотных башкирских частей выполнил огромный объем работы в сфере притока призывников. Со 2 октября, в связи с назначением на должность начальника мобилизационного отдела подполковника Янишевского, был оставлен в этом подразделении в качестве помощника начальника отдела. После учреждения БВУ становится помощником начальника мобилизационного отдела. 18 февраля 1919 года Х. Терегулов согласился с решением Башкирского правительства и оказался в лагере большевиков. Впоследст-

вии занимал разные посты в Башкирской автономной советской республике.

Офицеры других национальностей

Бритц Станислав. Последнее воинское звание в Башкирском войске – подпоручик. С августа по декабрь 1917 года являлся комиссаром Временного правительства в Орске. После установления власти большевиков с группой польских офицеров бежал в Бурзян-Тангауровский кантон, где соединился с башкирскими деятелями формировавшими первый национальный полк. Весной 1918 года вместе с А. Карамышевым занимался организацией башкирских партизанских отрядов. В июне - первой половине июля 1918 года являлся помощником А. Карамышева по строевой части. Затем стал помощником командующего башкирскими силами Верхнеуральского фронта. После ликвидации последнего выполнял различные поручения БВС, в том числе, снабжение башкирских войск оружием, боеприпасами, обмундированием. В октябре назначен помощником начальника башкирской военной милиции. Дальнейшая судьба неизвестна.

Емельянов (имя не выяснено). Последнее воинское звание в Башкирском войске – подполковник. Прибыл в башкирские части в первой декаде августа 1918 года. С 13-го числа назначается начальником штаба 2-й башкирской дивизии, а с 22 августа исполняет обязанности начальника той же дивизии. Емельянов провел ряд важных мер по укреплению полков вверенной ему дивизии. После упразднения 2-й дивизии (вторая половина октября 1918 года), покидает башкирские части и переводится на должность начальника разведывательного отдела Юго-Западной армии.

Штин (имя не выяснено). Последнее воинское звание в Башкирском войске – подполковник. 14 июня назначен помощником командира 1-го Башкирского пехотного полка по строевой части. В 20-х числах июня возглавил Султаевский отряд, более половины которого составляли башкирские солдаты. По возвращению с Екатеринбургского фронта Штин занимался ликвидацией красноармейских дружин, действующих в ближайших к Челябинску кантонах. В начале августа был назначен начальником хозяйственной части 1-го пехотного полка. Дальнейшая судьба неизвестна.

Янишевский Александр. Последнее воинское звание в Башкирском войске – полковник. Прибыл в штаб Башкирского корпуса в конце сентяб-

ря 1918 года. 2 октября получил должность заведующего мобилизационным отделом БВС, а с учреждением БВУ – начальника мобилизационного отдела. Одновременно исполнял обязанности помощника Нуюна и начальника административного отдела БВУ. В период реорганизации Башкирского войска штабом Верховного Главнокомандующего на Янишевского была возложена задача организации процесса расформирования. 5 декабря назначен начальником гарнизона Баймака. Последняя должность в Башкирском войске – начальник гарнизона Темясово. Очевидно, что Янишевский в момент перехода Башкирского корпуса остался в Белой армии.

Научное издание

Таймасов Рустем Сулейманович

УЧАСТИЕ БАШКИР В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ
Книга первая
В ЛАГЕРЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ (1918 – февраль 1919 гг.)

Монография

*Редактор С.А. Арапов
Корректор О.А. Копцева
Художник Л.А. Исмагилова*

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 06.05.2009 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 11,50. Уч.- изд.л. 13,44.
Тираж 120 экз. Изд. № 75. Заказ 235.
Цена договорная.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*